

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

К.В. Душенко

**‘РУСОФОБИЯ’ В РЯДУ ПРОЧИХ ФОБИЙ И МАНИЙ:
из истории политического языка**

Монография

**МОСКВА
2024**

УДК 81'271;316.73

ББК 66.05;81.411.2

Д 86

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Рецензенты

Миллер А.И., доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Тесля А.А., кандидат философских наук,
научный руководитель Центра исследований русской
мысли Института гуманитарных наук БФУ им. Канта

Ответственный редактор

Кулешова О.В., кандидат филологических наук

Д 86

Душенко Константин Васильевич

‘Русофобия’ в ряду прочих фобий и маний:
из истории политического языка / К.В. Душенко ;
ИНИОН РАН. – Москва, 2024. – 199 с.

ISBN 978-5-278-01114-8

В монографии исследуется происхождение и семантика обозначений национально-государственных фобий и национальной мегаломании в политическом языке. Исследование выполнено на материале английской, французской и немецкой печати XIX в., а также русской печати XIX–XX вв.

Издание предназначено историкам, политологам и лингвистам.

Konstantin Dushenko

**‘Russophobia’ among Other Phobias and Manias:
from the History of Political Language**

The monograph examines the origin and semantics of designations of national-state phobias and national megalomania in political language. The research was carried out on the material of English, French, and German printing of the 19th century, as well as Russian printing of the 19th–20th centuries.

The publication is intended for historians, political scientists and linguists.

УДК 81'271;316.73

ББК 66.05;81.411.2

DOI: 10.31249/russophobia/2024

ISBN 978-5-278-01114-8

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
I. Введение в проблематику: национальные фобии и национальная мегаломания в политическом языке XIX в.	13
1. 'Фобии' в медицинском и политическом языке	13
2. Репертуар обозначений национально-государственных фобий	18
3. 'Юдофобия' и 'антисемитизм'	25
4. Обозначения национальной мегаломании	28
II. Понятие 'русофобия' в политическом языке	37
1. Дебаты о 'русофобии' в англоязычной печати XIX в.	37
1.1. Тема «русской угрозы» в первые десятилетия XIX в.	38
1.2. Рождение термина 'русофобия'	44
1.3. Ранние дебаты о 'русофобии' (1836–1841)	49
1.4. Споры о 'русофобии' в публицистике 1842–1900 гг.	56
1.5. Суждения о 'русомании' конца XIX в.	69
2. 'Русофобия' и родственные понятия в Германии XIX в.	74
2.1. Немецкие аналоги понятия 'русофобия'	75
2.2. Понятие 'русофобия' до Крымской войны	77
2.3. 'Русофобия' и ее критики после Крымской войны	85
3. Понятие 'русофобия' в России от Нессельроде до Шафаревича	92
3.1. Понятие 'русофобия' в дореволюционный период	92
3.2. Вигель, Тютчев и Достоевский о внутренней 'русофобии'	102
3.3. Послереволюционный период	108

III. Национальная мегаломания	
в политическом языке XIX в.	120
1. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма	120
1.1. Шовен в эпоху Реставрации	121
1.2. Шовен в годы Июльской монархии и Второй республики	126
1.3. Шовен в эпоху Второй империи	133
1.4. Шовен в эпоху Третьей республики	136
2. 'Шовинизм': происхождение и эволюция понятия в XIX в.	141
2.1. Рождение термина	142
2.2. Стендаль и Мишле	144
2.3. 'Шовинизм' и патриотизм	146
2.4. Словарные определения	152
2.5. Понятие 'шовинизм' за пределами Франции	153
3. Понятие 'джингоизм' в англоязычной печати XIX в.	160
3.1. Рождение термина	160
3.2. Полемика о 'джингоизме' в 1878–1880 гг.	164
3.3. 'Джингоизм' в английской печати после Восточного кризиса.....	169
3.4. 'Джингоизм' в американской печати	176
3.5. 'Джингоизм' и 'шовинизм'	178
ПРИЛОЖЕНИЕ. 'Турбопатриоты' и поп-культура (Сербия, Польша, Россия).....	182
Заключение.....	195
Журнальные публикации глав монографии.....	198

Определяйте значение слов –
и вы избавите свет от половины его заблуждений.

Александр Пушкин

ВСТУПЛЕНИЕ

В обширной литературе о национальных фобиях и национальной мегаломании недостаточное внимание, как мы полагаем, уделяется языковому, понятийному аспекту исследуемых феноменов. Это относится даже к наиболее содержательным исследованиям подобного рода. Так, в монографии Дж.Г. Глисона «Генезис русофобии в Великобритании» [Gleason, 1950] терминологический аспект проблемы оставлен без рассмотрения. Крайне мало внимания уделяется ему в исследовании Жерара де Пуимежа о французском шовинизме [Puymège, 1993]. То же можно сказать об обстоятельных работах О.В. Заиченко, посвященных образу России в общественном мнении Германии [Заиченко, 2001; Заиченко, 2004]. Ценный материал о немецких словах, обозначающих национальные фобии и мании, содержится в монографии Габриэлы Хоппе [Норре, 2018], однако ее исследование посвящено исключительно вопросам словообразования. Счет книгам и научным статьям, в названии которых присутствует слово 'русифобия'¹, уже идет на десятки, а скоро, по-видимому, пойдет на сотни. Но история самого этого понятия сколько-нибудь основательно не изучалась.

Невнимание к терминологическому аспекту чревато перенесением современных понятий в прошлое и смешением разнородных явлений.

Основному методологическому постулату, которым руководствовался автор настоящего исследования, он обязан варшавской школе истории идей, прежде всего работам Ежи Шацкого² и Анджее Валицкой, а также близкой к ним по методологии Марии

¹ Например: [Зеленов, Большаков, Владимиров, 2019; Карабущенко, 2021; Мальцев, 2016; Меттан, 2023; Танышина, 2023].

² В 1974–1975 гг. автор настоящей монографии имел возможность посещать семинар Ежи Шацкого в Варшавском университете.

Жмигродской [Szacki, 1962; Szacki, 1971; Walicki, 1964; Żmigrodzka, 1965 и др.]. Этот постулат – стремление к дистанцированию исследователя от объекта исследования и, что отсюда вытекает, стремление «развести» язык исследования и язык исследуемой эпохи.

Важность последнего постулата подчеркивают немецкие исследователи истории понятий (*нем.* Begriffsgeschichte): «Именно необходимость проводить различия между языком источника и языком науки приводит историка <...> к истории понятий» [Бедеркер, 2010 б, с. 35–36]. Данная монография относится как раз к области истории понятий как части исторической семантики. Ее цель – исследование происхождения и изменения значений терминов, в нашем случае – особой группы терминов политического языка.

Райнхард Козеллек, основатель направления Begriffsgeschichte, следующим образом формулирует различие между «историей понятий» и «историей идей»: «История понятий <...> направлена против абстрактной истории идей, <...> направлена скорее на конкретное употребление языка в социальной, политической или правовой жизни» [Бедеркер, 2010 б, с. 63].

В одной из работ Козеллека столетие 1750–1850 гг. названо «переломным временем» – временем, когда формируются основные политические понятия Нового времени [Бедеркер, 2010 б, с. 38]. В нашем случае «переломным временем» можно назвать 1830–1840-е годы, когда в различных европейских языках появляется целый спектр обозначений национально-государственных фобий, а также термин ‘шовинизм’ – наиболее распространенное обозначение агрессивного национализма и национальной мегаломании. Основные обозначения национальных фобий и маний носили интернациональный характер, но круг значений, который связывался с ними в различных языках и различных национальных культурах, совпадал далеко не всегда. Выявление и анализ этих различий – одна из основных задач монографии.

Культурологический аспект исследуемой тематики включает в себя рассмотрение метафор и образов, связанных с тем или иным понятием. Таков, например, образ свирепого языческого божества Джинго в антиджингоистской публицистике.

В монографии синхронистический подход сочетается с диахроническим. Первый преобладает в вводном, обзорном разделе; второй – в разделах, посвященных отдельным понятиям.

Немецкие исследователи истории понятий подчеркивают недостаточность подходов традиционной истории идей, сфокусированной главным образом на текстах выдающихся мыслителей. Круг источников предлагается расширять путем обращения к текстам «второго плана» [Бедекер, 2010 а, с. 6].

Данная работа строится на базе максимально широкого круга источников. Это прежде всего периодическая печать и книжная публицистика XIX в. на основных европейских языках. Она представлена в ряде электронных баз с возможностью полнотекстового поиска:

- 1) база англоязычной печати – newspapers.com;
- 2) базы франкоязычной печати – gallica.bnf.fr; retronews.fr;
- 3) базы немецкоязычной печати – digitale-sammlungen.de; nutzungshinweis.slub-dresden.de; brema.suub.uni-bremen.de/periodical; e-newspaperarchives.ch.

Кроме того, в разделе о понятии ‘русофобия’ в России и СССР использовалась база центральной советской печати – East View.

Обращение к обширным базам источников в ряде случаев позволяет использовать методику контент-анализа с количественными подсчетами. Однако преимущественное значение мы придаем уяснению историко-культурного контекста, в котором встречаются те или иные обозначения. Прежде всего нас интересовали полемические тексты и высказывания, содержащие рефлексию по поводу рассматриваемых понятий.

Одним из важнейших источников при исследовании политического языка служат словари и энциклопедии. Тут необходимо заметить, что нередко материал словарей используется некритически. Между тем словарные толкования XIX в.¹ нередко расходятся со значением слова в политическом языке эпохи. Причиной тому были:

- недостаточная компетентность лексикографа (почти все словари XIX в. создавались в одиночку);
- недостаточный круг источников, которыми располагал лексикограф;
- идеологическая ангажированность лексикографа.

¹ И даже позднейшие, в частности, в советских и постсоветских словарях русского языка.

Всё это, и особенно последнее обстоятельство, нередко приводило к большому разбросу толкований в пределах одного и того же исторического периода.

В круг источников входят также тексты популярной культуры, включая песенные. Именно из таких текстов возник образ солдата Шовена, а затем и понятие 'шовинизм'. Сходное происхождение имели понятия 'джингоизм' и современное 'турбопатриоты'.

При рассмотрении некоторых сюжетов первостепенное значение имеют эпистолярные источники. Так, понятие, названное впоследствии «внутренней русофобией», или «русофобией русских», появилось в письмах Ф.Ф. Вигеля, Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского.

Известное значение в качестве источника имеет также беллетристика, в которой исследуемые обозначения выступают в конкретных жизненных ситуациях.

Почти все соответствующие понятия появляются и становятся предметом оживленных идеологических споров в XIX в., поэтому основная часть монографии посвящена именно этому историческому периоду.

В I разделе дается общая характеристика обозначений национально-государственных фобий и маний в языке XIX в. Здесь, в частности, рассматривается соотношение понятий 'фобия' и 'мания' в тогдашнем медицинском и политическом языке, а также особое место понятий 'юдофобия' и 'антисемитизм' в ряду других обозначений национальных фобий.

Центральное место в монографии занимает история понятия 'русофобия'; ей посвящена примерно половина общего объема исследования. Эта тема представляет интерес еще и потому, что 'русофобия' была первым обозначением подобного рода, получившем широкое распространение. Его неотрефлексированное использование в качестве термина грозит серьезным искажением картины реальности. Мы рассматриваем не *явление*, которое (по возможности избегая эмоционально окрашенных терминов) можно определить как антироссийские/антирусские фобии, а историческое содержание *понятия*. Поэтому слово 'русофобия' (как и другие обозначения подобного рода) используется, как правило, в завышенном виде. Три главы соответствующего раздела посвящены трем странам, в которых понятие 'русофобия' использовалось наиболее широко,

а именно Англии, Германии и России. По Англии и Германии имеются обширные электронные базы данных печати XIX в., что позволяет рассматривать охваченный материал как репрезентативный. Для дореволюционной России таких баз нет, но она существует для советской печати, отчасти поэтому хронологические рамки соответствующей главы охватывают и XX в.

В III разделе анализируются наиболее важные обозначения национально-государственной мегаломании XIX в. – ‘шовинизм’ и ‘джингоизм’. В Приложении рассматривается примыкающее к ним современное понятие ‘турбопатриотизм’, выходящее за хронологические рамки основной части монографии.

Автор выражает благодарность рецензентам данной работы – А.И. Миллеру и А.А. Тесле, замечания которых были учтены в окончательном тексте монографии.

Список литературы

- Бедекер Х.Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х.Э. Бёдекера. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 5–17.
- Бедекер Х.Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х.Э. Бёдекера. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 34–65.
- Заиченко О.В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: дис. на соиск. степени канд. ист. наук. – Москва: Ин-т всеобщей истории РАН, 2004. – 317 с.
- Заиченко О.В.* Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. – Москва: Наука-М, 2001. – Вып. 2. – С. 92–109.
- Зеленов Л.А., Большаков М.Г., Владимиров А.А.* Русофобия: монография. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВО «ВГУВТ», 2019. – 126 с.
- Карабущенко П.Л.* Русофобия: история одной химеры: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 326 с.
- Мальцев Н.Н.* Зарубки памяти на скрижалях истории: алгоритмы и ресурсы русофобии Запада. – Москва: Алгоритм, 2016. – 430 с.
- Меттан Г.* Запад – Россия. Тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / пер. М. Аннинской и др. – Москва: АСТ, 2023. – 441 с.
- Таньшина Н.П.* Русофобия: история изобретения страха. – Москва: Концептуал, 2023. – 487 с.
- Gleason J.H.* The Genesis of Russophobia in Great-Britain: Study of the Interaction of Policy and Opinion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1950. – IX, 314 p.

- Hoppe G.* Bezeichnungs- und Benennungstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen. – Mannheim: Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache, 2018. – 550 S.
- Puymège G. de.* Chauvin, le soldat-laboureur: Contribution à l'étude des nationalismes. – Paris: Gallimard, 1993. – 294 p.
- Szacki J.* Ojczyzna, naród, rewolucja: problematyka narodowa w polskiej myśli szlacheckorewolucyjnej. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1962. – 257 s.
- Szacki J.* Tradycja: Przegląd problematyki. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1971. – 290 s.
- Walicki A.* W kręgu konserwatywnej utopii: Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. – 494 p.
- Żmigrodzka M.* Orzeszkowa: Młodość pozytywizmu. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1965. – 499 s.

I. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОБИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕГАЛОМАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ XIX в.

Некоторые из упоминаемых во «Введении» понятий ('русофобия', 'шовинизм', 'джингоизм') подробно рассмотрены в дальнейших разделах. Некоторые другие, и прежде всего понятие 'национализм', заслуживают самостоятельного монографического исследования.

1. 'Фобии' в медицинском и политическом языке

В XIX в. универсализм идеологии Просвещения был заметно потеснен национальными идеологиями. Появление специальных слов для обозначения национально-государственных фобий и маний было знаком того, что эти явления уже не воспринимаются как самоочевидные, а становятся предметом рефлексии.

Составные слова, построенные по модели 'наименование народа/страны' + 'фобия', такие как англо- и франкофобия, изредка встречались уже в XVIII в., но широкое распространение получили только с 1830–1840-х годов. Значение этих слов бывало весьма различным, а связанный с ними ассоциативный ряд заметно отличался от современного.

Слово 'фобия' образовано от *др.-греч.* φόβος – 'страх'. Несколько случаев иррационального страха описаны в книгах 5 и 7 трактата «Эпидемии», включавшихся в Гиппократов корпус. Эти книги, как не принадлежащие самому Гиппократу, не привлекали к себе особого внимания вплоть до 1846 г., когда они были опубликованы с комментариями Эмиля Литтре [King, 2013, p. 1–4].

В качестве особой группы психических расстройств фобии стали предметом рассмотрения психиатрии лишь в последние десятилетия XIX в., но и тогда соответствующие термины не вышли за пределы специального (медицинского) языка.

Правда, уже в 1786 г. американец Бенджамин Раш¹, опубликовал наполовину серьезное, наполовину шутовское эссе «О разновидностях фобий». ‘Фобия’ определялась здесь как «страх перед воображаемым злом или чрезмерный страх перед реальным злом» [Rush, 1786, p. 110]. Отталкиваясь от уже существовавшего термина ‘гидрофобия’ (водобоязнь; так с XVI в. называли бешенство по одному из его симптомов), Раш предложил названия для 15 разновидностей душевных недугов, в т.ч. ‘cat phobia’, ‘rat phobia’, ‘insect phobia’ (страх перед кошками, крысами, насекомыми, в частности пауками).

Большая часть этих недугов позднее была включена в репертуар психических отклонений, наименованных с использованием греческих и латинских корней (например, арахнофобия – страх перед пауками). Однако в XIX в. классификация Раша не привлекла внимания медицинской науки. Вплоть до 1870-х годов слово ‘фобия’ крайне редко использовалось в качестве самостоятельного. В английской печати оно встречалось в составе окказионализмов, включая такие курьезные, как ‘бонапартофобия’ (Buonaparte-phobia, 1815) или ‘гаррикофобия’ (Garrick-phobia, 1836) – от имени Дэвида Гаррика, знаменитого исполнителя шекспировских ролей.

В словаре медицинских терминов Р.Д. Хоблина (1835; 3-е изд.: 1856) словарное гнездо ‘-фобия’ представлено термином ‘гидрофобия’ (бешенство) и его синонимами: ‘аэрофобия’ (воздухобоязнь), ‘гигрофобия’ (влагобоязнь), ‘пантофобия’ (боязнь всего), а также термином ‘фотофобия’ – «непереносимость света; глазная болезнь» [Hoblyn, 1835, p. XVI]. Такой широко известный ныне термин, как клаустрофобия, появился лишь ок. 1878 г.; агорофобия – в 1871 г.

Национальные фобии – частный случай более общего понятия ‘ксенофобия’; при этом следует иметь в виду, что само это понятие утвердилось существенно позже обозначений национальных фобий. Слово xenophobia включено в немецкоязычный словарь иностранных слов 1841 г. со значениями: «Страх перед чужеземцами; неприязнь к чужеземцам» [Schweizer, 1841, S. 571]. Однако

¹ Б. Раш (1745–1813), просветитель, политик, физиолог и психиатр.

единственный известный нам случай употребления этого слова в немецкоязычной печати вплоть до конца 1870-х годов датируется 1846 г.: власти Цюриха «при назначении на академические должности не ограничивались соотечественниками, но <...> умели удерживаться от ксенофобии» [Meyer von Knopau, 1846, S. 29].

В печати других европейских стран слово 'ксенофобия' также практически не встречалось до конца 1870-х годов, а широкое распространение (в т.ч. в России) получило лишь в XX в.

Единичными были случаи использования синонима 'ксенофобии' – 'мизоксения' (от др.-греч. μῖσος – 'ненависть', и ξένος 'чужой', 'чуждый'), впервые отмеченного в начале XVII в.: «...Дух и общий характер нации нелегко изменить, и наша мизоксения (или ненависть к чужеземцам)¹ не была чем-то новым, поскольку Гораций отмечал ее в эпоху до или около рождества Христова <...>» (Джон Спид, «Арена империи Великобритании», 1611) [цит. по: The History ...].

«Мизогалл» («Il Misogallo»), т.е. «Ненавистник французов», – заглавие сатирического сборника в стихах и прозе итальянского поэта и драматурга Витторио Альфьери (1799). Это слово осталось «авторским» и в язык не вошло.

В Оксфордском словаре английского языка первый пример слова, обозначающего национальную фобию (англофобия), датируется 1793 г. Между тем слово 'франкофобия' встречалось уже в 1759 г. в статье, переведенной с английского. (Эта статья не упоминается в известной нам литературе предмета.)

В 1757–1760 гг. Эдм Жак Жене, сотрудник французского министерства иностранных дел, опубликовал 10 томов выдержек из английской печати под загл. «Текущее политическое состояние Англии». В т. 9 помещен перевод неозаглавленной анонимной статьи, в качестве источника которой указана «Вестминстерская газета» («Westminster Journal») от 21 апреля 1759 г. Здесь говорилось:

«Распутство и вредные привычки порождают болезни, не поддающиеся окончательному излечению. <...> То же относится к любому политическому телу. Опасения народа Великобритании перед вторжением французов на их остров, эта, сказал бы я, фран-

¹ «Misoxenie (or hatred to Strangers)».

кофобия (francophobia) использовалась, чтобы помешать усилиям мудрых граждан, желавших избежать множества необоснованных расходов и опасных союзов; и полученная нацией доза была столь сильна и повторялась столь часто, что повлекла за собой новую болезнь, подобно опиуму, применяемому без должной осторожности. Порою она повергает добрый народ Англии в состояние прострации, близкое к летаргии, а иной раз в бредовое состояние; сегодня это жестокая лихорадка, завтра – невыносимое жжение внутренностей, всегда соразмерное дозе *франкофобии*, которую эти политические Эскулапы заставят его проглотить» [Extrait..., 1759, p. 4–5].

Нам не удалось обнаружить этой статьи в газете «Universal Chronicle and Westminster Journal» (1759–1760), а также в предшественнице «Вестминстерской газеты», издававшейся в 1759 г. под названием «The Universal Chronicle, or, Weekly Gazette»¹.

В английском оригинале могло использоваться слово *Francophobia* либо *Gallophobia*. В XIX в. в английской, французской и немецкой печати ‘галлофобия’ и ‘галлофоб’ встречаются на порядок чаще, чем ‘франкофобия’ и ‘франкофоб’. В доступных нам электронных базах слово *Gallophobia* обнаруживается уже в 1799 г. (*Francophobia* – лишь в 1826 г.). Инвективы Эдмунда Бёрка против Французской революции были названы «галлофобией, которую он в своих страстных тирадах раздувал до крайних пределов» [Drennan, 1799, p. 595].

В 1789 г. появилось первое известное нам упоминание о галлофобии во французской печати. Речь шла о «постоянно одержимом галлофобией» Питере Бурмане, голландском филологе, сочинившем стихотворение в честь Паскуале Паоли, борца за независимость Корсики [Arnobat, 1789, p. 261].

13 мая 1793 г. Томас Джефферсон, в то время государственный секретарь при президенте Вашингтоне, писал Джеймсу Мэдисону: «Мы здесь охвачены все тем же духом. Англофобия жестоко поразила троих членов нашего кабинета» [Jefferson, 1793]. В то время часть политического руководства США выступала за войну с Англией в союзе с революционной Францией, но Вашингтон и Джефферсон предпочитали политику нейтралитета. Далее Джефферсон, указывая на враждебное отношение к Франции части

¹ Обе газеты представлены в электронной базе Newspaper Archives. Доступ к интересующим нас номерам любезно предоставила нам сотрудница газетного отдела (News Reference Team) Британской библиотеки Лайза Кенни (Lisa Kenny).

американского общества, использует слово ‘антигалломания’ (Antigallomany), более нигде не встречающееся.

В цитировавшейся выше статье 1759 г. франкофобия понимается как страх перед французским вторжением, т.е. перед внешней угрозой. Это значение оставалось основным в подобного рода словах вплоть до конца XIX в. В «Новый словарь французского языка» (1827), а также в «Универсальный словарь...» Пьера Буаста (1828) включены слова ‘англофоб’ («тот, кто страшится англичан») и ‘англофобия’ («страх перед англичанами») [Nouveau dictionnaire..., 1827, p. 47; Boiste, 1828, p. 107]. Под ‘англичанами’ здесь, судя по известным нам примерам из французской печати, имелась в виду прежде всего Англия как государство. Н. Ланде в своем словаре (1836) счел нужным дать пояснение: «Включение этих двух достойных сожаления слов, *англофоб* и *англофобия*, мы рассматривали лишь как возможность выразить глубокое удивление, охватившее нас, когда мы увидели их в “Словаре” Буаста» [Landais, 1836, p. 102].

Во французо-русском словаре 1839 г. ‘anglophobe’ толкуется как «ненавидящий англичан»; ‘anglophobie’ – «ненависть к англичанам» [Татищев, 1839, с. 64]; но это значение в реальности не было основным.

В 1840-е годы появляется также прилагательное ‘англофобный’ (Anglophobic, Anglophobian). Обычно оно, как и ‘англофобия’, фигурировало во внешнеполитическом контексте, но могло также означать неприятие всего английского: «...Она <...> была совершенно готова, вместе с самым что ни на есть англофобным французом, счесть все английское олицетворением всего нефранцузского» (Дж. Миллинген, роман «Джек Хорнет», 1845) [Millingen, 1845, p. 306].

В статье 1759 г. франкофобия изображается как болезнь не столько психическая, сколько соматическая. То же относится к позднейшим памфлетным описаниям национальных фобий как болезней особого рода. Чаще всего они изображались в виде перемежающейся лихорадки, которой сопутствуют галлюцинации (примеры приведены в разделе II. 1).

Встречалось также сближение национальных фобий с бешенством (‘гидрофобией’). По мнению либерального английского публициста 1880-х годов, «буйная ненависть Англии к революционной Франции и страх перед ней» все еще отзываются в трудах консервативных историков. «Удивительно, до чего стоек английский душевный недуг, именуемый галлофобией! Подобно бешенству

(hydrophobia), он вспыскивает годы спустя после нанесения ран, его вызвавших, и, подобно бешенству, проявляется в самых крайних формах» [O'Brien, 1886, p. 946].

Вот еще один пример, в котором 'русофобия' иронически сближается, так сказать, с 'русобесием': «Эту эпидемию (сезонного гриппа. – К. Д.) обычно называют русским гриппом, но со времен лорда Солсбери некоторые предлагали дать ей более подходящее название – русофобия. <...> В деревне мы гораздо больше говорим о гидрофобии (hydrophobie), чем о русофобии, а все из-за нового закона, предписывающего, во избежание заражения бешенством, надевать намордники на всех собак, передвигающихся по дорогам общего пользования» [Chronique..., 1890, p. 402].

Француз Макс О'Релл¹ замечает: «Недуг, которым страдает Ашмид-Бартлетт², гораздо хуже, чем галлофобия или русофобия, – это умоисступление (hydrophobie morale)» [O'Rell, 1885, p. 142]. Hydrophobie morale (букв. моральное бешенство) – состояние бешенства, не вызванное соматическими причинами, нечто вроде тяжелого психоза в современной терминологии.

2. Репертуар обозначений национально-государственных фобий

С середины XIX в. слова типа 'наименование народа / страны' + 'фобия' применялись ко всем важнейшим европейским державам. Обычно они встречались во внешнеполитическом контексте, существенно реже – применительно к обычаям, культуре, населению данной страны. Пару им составляли антонимы с морфемой 'филия': 'англофилия', 'франкофилия', 'русофилия', которые также употреблялись прежде всего для обозначения внешнеполитической ориентации.

Нередки были также антонимы с морфемой 'мания'. В медицинском трактате 1853 г. 'мания' определяется как «сочетание полного расстройства интеллектуальных способностей со страстным возбуждением по поводу всего, что хоть как-то затрагивает

¹ Макс О'Релл (Леон Поль Блуэ, 1847–1903), высмеивал национальную мегаломанию и ксенофобию. Цитируемая здесь книга «Дорогие соседи» из серии очерковых книг об Англии имела огромный успех во Франции, Англии и США.

² Эллис Ашмид-Бартлетт (1849–1902), британский политик-консерватор, сторонник сближения с Германией.

чувства» [Carpenter, 1853, p. 806]. Слова типа ‘англомания’, ‘франкомания’, ‘германомания’ и т.д. встречались во внешнеполитическом контексте, но чаще означали увлечение культурой данной страны. Слово ‘русомания’ использовалось в этом значении в США с конца XIX в. Характерно, что ‘австрофобия’ и ‘австрофилия’ были обычными терминами немецкого, английского, французского политического языка, тогда как слово ‘австромания’ практически не встречалось: Австрия воспринималась как государство, но не как нация со своей особой культурой. То же относится к слову ‘пруссофобия’ (*нем.* die Boraussophobie).

В обширной газетной базе англоязычной печати newspapers.com упоминания об ‘англофобии’ становятся регулярными с 1840-х годов, чаще всего применительно к Франции. Всего за XIX в. таких упоминаний насчитывается в базе ок. 4 тыс. против 690 упоминаний о ‘русофобии’, нескольких сотен – о ‘галлофобии’ и ‘франкофобии’ и нескольких десятков – о ‘германофобии’.

Понятие ‘русофобия’ ввели английские радикалы во 2-й половине 1830-х годов в полемических целях как обозначение фантомного либо преувеличенного страха перед угрозой со стороны России (что в точности соответствовало приведенному выше определению ‘фобии’ у Б. Раша: «страх перед воображаемым злом или чрезмерный страх перед реальным злом», хотя, как уже говорилось, эссе Раша не получило широкой известности). Слово ‘tussophobia’ в английской печати того времени чаще всего следует понимать как ‘Россия-боязнь’. Виднейшие представители антироссийского алармизма, равно как и критики ‘русофобии’, принадлежали к различным течениям британского либерализма. Спор между ними шел о реальности русской угрозы британским интересам. Критика ‘русофобии’ вполне могла сочетаться с негативным образом Российской империи; в свою очередь антироссийский алармизм не обязательно предполагал неприязнь к России и русским. Во время Восточного кризиса 1876–1878 гг. и позже ‘русофобами’ именовались по преимуществу тори, а в качестве критиков ‘русофобии’ выступала наиболее влиятельная часть либералов во главе с У. Гладстоном. В американской печати о ‘русофобии’ говорилось сравнительно редко и почти всегда по поводу английской политики.

В австрийской печати о ‘русофобии’ нередко говорилось в связи с настроениями в Венгрии. В 1843 г. Ян Чаплович¹, осуждая политику мадьяризации национальных меньшинств, замечает: «Никогда еще Венгрия не была такой слабой, такой разделенной внутренне, как ныне, с тех пор как ее преследует эта злосчастная навязчивая идея, приправленная *русофобией*» [Csaplovics, 1843, S. 23].

Два ранних известных нам французских упоминания о ‘русофобии’ появились в легитимистских газетах «La France» и «La Quotidienne»:

«Корреспонденция из Константинополя, помещенная в “Morning Chronicle”, может дать ключ к всплеску русофобии по ту сторону Ла Манша. <...> Англия вернулась к своему вечному кошмару *владения Индией*; а известно, что она начинает терять рассудок всякий раз, когда задет этот чувствительный пункт» [Une correspondance..., 1837].

«На франкфуртского корреспондента “Morning Chronicle” возложена миссия снабжать свою газету статьями, озаглавленными “Русская наглость”, “Русская жестокость”, “Русское варварство”, которые пользуются немалым успехом в тавернах Сити и на радикальных скамьях Палаты общин. <...> ...Необходимо было найти способ удовлетворить русофобию англичан, и корреспонденция из Франкфурта в “Morning Chronicle”, несомненно, была написана для того, чтобы дать материал для новых декламаций северного колосса» [Extérieur, 1838, p. 2]².

В дальнейшем тема ‘русофобии’ во французской печати также чаще всего возникала в связи с Англией и английской печатью.

В итальянской и испанской печати о ‘русофобии’, сколько можно судить по доступным нам электронным базам, упоминалось редко и почти всегда применительно к внешней политике великих держав. То же относится к польской печати, несмотря на преимущественно негативный образ России в польской культуре XIX в.

¹ Я. Чаплович (1780–1847), австрийский юрист и славист родом из Словакии.

² В «Morning Chronicle», согласно поисковой базе newspapers.com, не было статей под такими заглавиями, хотя корреспонденция из Франкфурта от 3 августа 1832 г. начиналась словами: «Германия каждый день делает шаг навстречу русскому варварству и австрийскому мракобесию» [Frankfurt..., 1832].

С середины 1880-х годов ‘русофоб’ – обычное в европейской печати наименование болгарских противников пророссийской ориентации, прежде всего Стефана Стамбулова (Стамболова) (1854–1895). Все они формировались под сильнейшим влиянием русской культуры. Захарий Стоянов¹ писал: «Я никогда не был и не буду русофобом. <...> Я тиранофоб» (открытое письмо Г. Кырджиеву, редактору газеты «Напред»; опубл. в газете «Независимость» от 2 апреля 1886 г.) [Стоянов, 1965, с. 314]. Газета «Социалист» от 22 июля 1895 г. открывалась передовицей с эпатирующим заглавием «Почему мы русофобы?». Термин ‘русофоб’, говорилось здесь, относится «не к русским <...> демократам, к русскому народу», а к «официальной, деспотической России», которая «служит резервом европейской реакции» [Хаджиниколов, 1968, с. 72]. Автор передовицы, Христиан Раковский², в данном случае излагал общую точку зрения европейской социал-демократии.

В русских словарях 2-й половины XIX в. политические термины с морфемой ‘фобия’ толковались обычно как страх перед данной страной, например в словаре А.Д. Михельсона (1883): ‘германофобия’ – «чрезмерный страх перед германским могуществом»; ‘германофоб’ – «чрезмерно опасющийся могущества Германии» [Михельсон, 1883, с. 176]. Правда, ‘англофобия’ в том же словаре толкуется как «ненависть к англичанам», но это толкование (заимствованное, возможно, из цитировавшегося выше словаря 1839 г.) расходилось с обычным словоупотреблением.

В «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина (2010) ‘англофобия’ определяется как «Отвращение, нелюбовь к английскому образу жизни», с единственной иллюстрацией из дневника П.А. Валуева, председателя Комитета министров. Однако у Валуева речь идет не об «английском образе жизни», а о внешнеполитических симпатиях и антипатиях: на обеде у Александра II «Горлов <...> лучше всего послеобеденного синклита оценивает английские и американские дела. В нем нет ни нашего американофильского пошиба, ни столько же глупого пошиба англофобии» (запись от 3 января 1880 г.) [Валуев, 1907, с. 235]. В XIX в. Россию и

¹ З. Стоянов (1850–1889), революционер, в независимой Болгарии один из лидеров народно-либеральной партии. В газете «Независимость» выступал с резкой критикой России как помехи объединению Болгарии.

² Х. Раковский (1873–1941), в 1919–1923 гг. председатель правительства УССР. Авторство этой неподписанной статьи указано нам Марией Раевской.

США на государственном уровне связывала неизменная дружба, а отношения с Англией, напротив, были большей частью конфликтными.

Характерно, что, несмотря на отчетливо негативный образ Османской империи, слова ‘туркофоб’, ‘туркофобия’ в европейской печати встречались сравнительно редко. Чаше встречались антонимы этих понятий – ‘туркофил’ и ‘туркофилия’, обычно в полемическом контексте. При этом ‘туркофилия’ нередко упоминалась в связи с ‘русофобией’, например: «...В конце 1876 года здоровая и оправданная русофобия германо-австрийцев (т.е. опасение перед русской угрозой. – К. Д.) переросла у мадьяр в гротескное туркообожание (*türkenbegeisterung*)» [Rogge, 1879, S. 231].

Со времени Восточного кризиса 1870-х годов в Англии в качестве метонимического обозначения Османской империи нередко использовалось выражение «ужасный турок» (*the unspeakable Turk*). Оно появилось в открытом письме Томаса Карлейля, опубликованном в «Таймс» и ряде других газет 28 ноября 1876 г.

Самый широкий репертуар наименований национальных фобий существовал в немецком языке, причем основная их часть появилась в период 1834–1849 гг. С конца XVIII в. встречалось слово *franzosenhaß* – ‘ненависть к французам’, ‘французоненавистничество’. В 1794 г. анонимный рецензент «Новой всеобщей немецкой библиотеки» осуждал «превратную мудрость лжепатриотов, весь патриотизм которых заключается в ненависти к туркам и французам (*Türken und Franzosenhaß*)» [*Revolutionsalmanach...*, 1794, S. 298]. Слово *franzosenhaß* в одобрительном смысле, как законная ненависть к Франции / французам, использовалось в антинаполеоновской публицистике 1813–1815 гг.

Тогда же, со времени наполеоновских войн, в Германии стало обычным наименование Франции «наследственным врагом» (*Erbfeind*). В Средние века так именовали дьявола. Австрийский эрцгерцог Максимилиан I, став в 1493 г. императором Священной Римской империи, призвал немецких государей к борьбе против «наследственного врага, который стоит за Рейном», т.е. против Франции. Однако в ту эпоху и вплоть до последних десятилетий XVIII в. «наследственным врагом» именовалась обычно Осман-

ская империя как наиболее опасный противник христианства [Geflügelte..., 2001, S. 84].

В Германии XIX в. наравне со словами, содержащими морфемы ‘фоб’ или ‘фобия’, использовались слова, содержавшие морфемы ‘fresser’ и ‘fresserei’ (‘ед’, ‘едство’)¹. Первым таким словом было *Türkenfresser* – ‘туркоед’ (1825), по образцу *неолат.* *turcophagus*. Слово *turcophagus* использовалось с XVII в. в значении ‘борец против турок’, ‘истребитель турок’ [Норре, 2018, S. 48, 150]. В XIX в. прозвище ‘туркоед’ получил Н. Стамателопулос (1782–1849), герой греческой революции 1821–1829 гг.

Слово ‘французоед’ (*Franzosenfresser*) появилось в печати в 1834 г. в сборнике писем прусского дипломата А. Варнхагена фон Энзе: «Ты знаешь, я <...> не французоед». Это письмо датировано 4 ноября 1817 г., однако автор, возможно, отредактировал его задним числом [Норре, 2018, S. 49].

В 1837 г. публицист-демократ Людвиг Бёрне опубликовал памфлет «Менцель-французоед» («*Menzel, der Franzosenfresser*», во французском переводе: «*Menzel le gallophage*»). Имелся в виду Вольфганг Менцель (1798–1873), писатель и критик, обличавший пагубное влияние французских революционных идей на «германский дух».

Для Бёрне моделью, как можно полагать, служило скорее слово *menschenfresser* (людоед), чем *Türkenfresser*. Сближение ‘французоеда’ с людоедом встречалось в позднейшей публицистике и карикатуре, например: «Старого Эрнста Морица Арндта² осмеивали как французоеда: из миски, полной французов в красных мундирах, он достает одного вилкой и говорит: “Ах, до чего же хорош француз на вкус!”» [Wichmann, 1888, S. 538] (рис. 1).

В памфлете «Менцель-французоед» появилось также слово ‘французоедство’ (*Franzosenfresserei*). Именно благодаря Бёрне оба слова вошли в политический язык. По тому же образцу были образованы слова ‘полякоед’ (*polenfresser*, 1837), ‘русоед’ (*Russenfresser*, 1842), ‘немцеед’ (*Deutschenfresser*, 1842) и т.д. [Норре, 2018, S. 47]. Гораздо реже встречались синонимы с морфемой ‘phage’, такие как ‘англофаг’ (*Anglophage*, 1837) и ‘германофаг’ (*Germanophage*).

¹ Во французском языке им соответствовали морфемы ‘phage’ и ‘phagie’ (‘фаг’, ‘фагия’), от *греч.* *phagos* – пожиратель [Норре, 2018, S. 14].

² Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), поэт и прозаик, в 1805–1813 гг. автор антифранцузских стихов и памфлетов, националист и ксенофоб, в 1848 г. – депутат Франкфуртского национального собрания.

Рис. 1. «Французоед», немецкая карикатура на Э.М. Арндта (1848)

В качестве синонимов ‘русофобии’ (Russophobie, 1836) использовались: russen-scheu (русобоязнь) (1831), Russenhaß (ненависть к русским) (1831), russenfurcht (страх перед русскими) (1839), Russenfeindschaft (враждебность к русским) (1844), Russophagie (русофагия) (1844), russenfresserei (русоедство) (1845). Последний аналог был наиболее употребительным, остальные встречались редко, преимущественно в 1830–1840-е годы, причем два первых – обычно в связи с польским вопросом.

В базе немецкоязычной печати digitale-sammlungen.de за период 1837–1900 гг. слово ‘французоедство’ встречается 431 раз, ‘русоедство’ – 319 раз. Слово ‘русоедство’, как и ‘русофобия’, чаще всего использовалось во внешнеполитическом контексте, по отношению к русскому государству. ‘Полякоедство’ (Polenfresserei, с 1848 г.) означало враждебность к полякам как нации, в то время безгосударственной.

‘Французоедство’ означало прежде всего враждебность к французской культуре и «французским идеям» (в духе памфлета

Л. Бёрне), и лишь во вторую очередь – антифранцузскую внешне-политическую ориентацию. В 1841 г. Ф. Энгельс, осуждая «вновь ожившее неистовое французоедство (Franzosenfressenden Wut)», замечает: «Французоненавистничество (Franzosenhaß) стало обязанностью, всякое воззрение, сумевшее стать выше этого, клеймилось как иноземщина (Undeutschheit). Таким образом, и патриотизм стал по существу чем-то отрицательным <...>, изоцряясь <...> в изобретении исконно немецких высокопарных выражений взамен давно укоренившихся в немецком языке иностранных слов» [Энгельс, 1970, с. 129, 121].

В том же значении это слово использовалось в русской печати, например у Чернышевского: «Строгие приверженцы немецкой философии со времен Канта, особенно строгие гегелианцы, презирали и отчасти даже ненавидели все французское. Друзья Станкевича разделяли это отвращение, и “Московский наблюдатель” весь проникнут “французоедством” (Franzosenfresserei), как выражались немцы» («Очерки гоголевского периода русской литературы», VI) (1856) [Чернышевский, 1947, с. 211].

В немецкой печати обозначения ‘германоед’ (Germanenfresser), ‘германофоб’ (Germanophobe), ‘германоненавистник’ (Deutschenhasser) чаще всего относились к французам, реже – к полякам, а также к русским публицистам, прежде всего из круга М. Каткова.

3. ‘Юдофобия’ и ‘антисемитизм’

‘Юдофобия’ и в еще большей степени – ‘антисемитизм’ стояли особняком среди обозначений национальных фобий. Термины, рассмотренные нами выше, относились прежде всего к государствам, а также к народам, обладавшим собственной государственностью. Евреи же не только не обладали собственной государственностью, но и не считались нацией, а лишь религиозно-этнической группой.

Слова, обозначающие враждебность к евреям, раньше всего появились в немецком языке. В посвященной евреям монографии гамбургского юриста Иоганна Людвига Хольста (1821) мы находим слова ‘Judenhaß’ (‘ненависть к евреям’, ‘иудеоненавистничество’), ‘Judenverachtung’ (‘презрение к евреям’), ‘Judenfeindschaft’ (‘враждебность к евреям’) [Holst, 1821, S. 87].

Психологическую подкладку враждебности к евреям (Judenfeindschaft) высмеивал Мориц Сафир¹ в юмореске «Враг евреев» (1831). «Враг евреев» (judenfeind) означает здесь то же, что и появившееся почти полвека спустя слово ‘антисемит’: «Для человека, лишённого собственного лица, нет проще способа обзавестись им. В обществе спрашивают: кто этот силуэт человека? Он ученый? – Нет! – Он поэт? – Нет! – Помещик? – Нет! – Банкир? – Нет! – Мастеровой? – Нет! – Художник? – Нет! – Врач? – Нет! – Адвокат? – Нет! – Кто же он? – О! да он враг евреев (judenfeind)! – И вдруг он обретает лицо» [Saphir, 1832, p. 171].

Ок. 1834 г. появилось слово Judenfresser (‘жидоед’), а затем Judenfresserei (‘жидоедство’). Памфлет Мозеса Гутмана, направленный против книги Р. Вагнера «Еврейство в музыке» (1869), назывался «Рихард Вагнер, жидоед» [Gutmann, 1869].

Слово ‘юдофобия’ (англ. judeophobia, judaophobia) встречалось уже в 1825 г. в биографии еврейско-немецкого просветителя Мозеса Мендельсона (1729–1786). Мендельсон, говорилось здесь, был «первым, кому магией своих сочинений удалось получить благоприятные симптомы в лечении немецкого эндемического² расстройства, *юдофобии*» [Samuel, 1825, p. 22].

В другие языки это слово (нем. Judophobie, фр. judéophobie) вошло в 1870-е годы, однако вплоть до конца XIX в. оставалось сравнительно редким в западноевропейской печати.

Прилагательное ‘антисемитский’ в значении «враждебно настроенный к евреям» окказионально встречалось с начала 1870-х годов (фр. antisémite, нем., нидерл. antisemitisch). В 1879 г. немецкий журналист и политик Вильгельм Марр опубликовал памфлет «Победа еврейства над германством, рассматриваемая с неконфессиональной точки зрения» [Marx, 1879]. Понятие ‘семитизм’ означало здесь «духовную сущность еврейства», «еврейский дух». В том же году Марр основал Антисемитскую лигу; в газетных сообщениях о ней появилось слово ‘антисемитизм’. Сам Марр использовал его в своем следующем памфлете: «Путь к победе германства над еврейством» (1880).

С этого времени ‘антисемитизм’ становится в Западной Европе основным обозначением антиеврейских фобий. Так, в газетной

¹ Мориц Готлиб Сафир (1795–1858), популярный австрийский писатель-юморист еврейского происхождения.

² Эндемическое заболевание – заболевание, характерное для определенной местности.

базе newspapers.com до 1900 г. насчитывается менее 10 упоминаний слова *Judeophobia* и ок. 4800 упоминаний слова *Anti-semitism*.

‘Антисемитизм’ понимался Марром и его сторонниками как идейная программа, затрагивающая все основные сферы общественной жизни, в отличие от инстинктивной, эмоциональной ненависти к евреям, обозначавшейся словами ‘иудеоненавистничество’, ‘жидоедство’, ‘юдофобия’. Это и было самым радикальным отличием понятия ‘антисемитизм’ от прочих обозначений национальных фобий.

В середине 1870-х слово ‘юдофоб(ы)’ появилось в русско-еврейской печати, напр.: [Лернер, 1874, с. 5; Флисфедер, 1874, с. 29, 51] – вероятно, как аналог немецкого *Judenfresser*. С 1881 г. оно получило заметное распространение и в собственно русской печати. В 1886 г. А.П. Чехов прозвал издателя и журналиста С.С. Окрейца (1836–1922) «Юдофоб Юдофобович» (юмореска «Визитные карточки») [Чехов, 1976, с. 284]. При этом слово ‘юдофобия’ вплоть до конца XIX в. использовалось сравнительно редко, а слова ‘антисемитизм’, ‘антисемит(ы)’ чаще встречались в сообщениях о зарубежной жизни.

Оформление антисемитизма как идеологии нового типа почти совпало во времени с еврейскими погромами на юге Российской империи (1881–1882). Эти события привели к появлению раннего манифеста политического сионизма, автором которого стал Лев (Леон, по рождению Йехуда Лейб) Пинскер (1821–1891) – еврейский общественный деятель, врач, публицист.

После погромов 1881–1882 гг. и ужесточения антиеврейских законов в России Пинскер отказался от программы ассимиляции и издал на немецком языке брошюру-воззвание «Автоэмансипация! Призыв русского еврея к своему народу» [Pinsker, 1882]. Анонимный русский перевод (возможно, авторский) появился в петербургском журнале «Рассвет» в том же году. Главный тезис воззвания: «евреи должны стать нацией» и прежде всего обрести собственную территорию, «сборный пункт, который был бы нашей собственностью» [Пинскер, 1992, с. 255, 276].

Годом ранее Люсьен Вольф¹, отмечая возрождение юдофобии почти во всех странах Европы, рассматривал это явление в категориях коллективной психологии: «Ненависть к евреям <...> стала <...> одной из тех приобретенных привычек, которые, как учит нас

¹ Л. Вольф (1857–1930), английский публицист, еврейский общественный деятель.

ходячая философия, выступают в роли вторичных инстинктов» [Wolf, 1881, p. 340]. Пинскер был врачом по профессии, и юдофобия в его воззвании трактуется в духе новейшей психиатрии:

«...Таинственное появление блуждающего мертвеца – народа, <...> не имеющего клочка земли, не живущего более и все же остающегося среди живых, – этот странный образ <...> не мог не произвести глубокого впечатления на воображение народов. <...> ...Чувство страха перед призраком есть нечто врожденное человеку, находящее до известной степени оправдание в его психическом мире <...>».

Этот страх пред призраком еврейства <...> подготовил почву для юдофобии. <...> Юдофобия – это психоз; как таковой она наследственна, и как болезнь, в течение тысячи лет переходившая по наследству, – стала неизлечимой» [Пинскер, 1992, с. 256].

Юдофобия, таким образом, есть «наследственная, присущая всему человеческому роду боязнь привидений» [там же, с. 258].

Как было показано выше, уподобление национальных фобий душевным заболеваниям (как правило, соматического происхождения) встречалось с XVIII в., но такого рода сближения носили метафорический, а нередко и сатирический характер. Пинскер же говорил о вполне реальном, по его мнению, коллективном психозе.

Термин «психоз» ввел в 1841 г. немецкий врач К.Ф. Канштат; заметное распространение он получил лишь с 1870-х годов, причем до 1880-х годов встречался преимущественно в немецкоязычной печати. Тогда же в психиатрии стали выделять различные виды фобий. Как можно предположить, это в той или иной степени повлияло на восприятие терминов с морфемой «фобия» в позднейшем политическом языке.

4. Обозначения национальной мегаломании

Понятие ‘национализм’ нередко ассоциируется с ксенофобией и мегаломанией. Такое сближение мы находим уже у Огюстена Баррюэля¹, который, по-видимому, первым употребил слово ‘национализм’. В его «Записках по истории якобинства» (ч. 3, 1797) национализм – синоним патриотизма (напомним, что в годы Французской революции ‘патриот’ стал едва ли не синонимом ‘революционера’).

¹ О. Баррюэль (1741–1820), французский иезуит, автор первой развернутой концепции Французской революции как просветительско-масонского заговора.

Это понятие оценивается здесь негативно, как противоположность христианского (католического) универсализма: «С той минуты, как люди объединились в нации, они перестали узнавать друг друга под общим именем. *Национализм*, или *Любовь к нации* (l'Amour National), занял место всеобщей любви. <...> ...Для достижения этой цели было позволено презирать чужеземцев, обманывать и обижать их. *Эта добродетель именовалась патриотизмом. Патриотом* называли того, кто был справедлив по отношению к своим, несправедлив по отношению к другим, слеп к достоинствам чужеземцев, а пороки собственного отечества почитал совершенствами» [Barruel, 1797, p. 172–173].

В том же духе высказывался протестантский автор эпохи Июльской монархии: «Дух национальности, национализм (который нельзя смешивать с истинным патриотизмом, это совершенно другое) <...> должен быть исключен из числа христианских добродетелей, поскольку противоречит общечеловеческим воззрениям этой религии. Христианин <...> принадлежит не только своей стране, он гражданин мира <...>. Христианство повелевает нам любить весь человеческий род; национализм – угнетать все прочие страны в надежде содействовать процветанию своей собственной. <...> Национализм <...> почитается потому, что позволяет творить обиды не только безнаказанно, но и со славой» [De la morale..., 1835, p. 251].

Однако вплоть до 2-й половины XIX в. такая трактовка понятия ‘национализм’ оставалась редкостью. Во французском словаре 1860 г. ‘национализм’ определяется как «исключительное предпочтение всего отечественного (tout ce est propre à la nation)» [Poitevin, 1860, p. 312]. Это определение повторено во французско-русском словаре 1870 г.: «исключительное предпочтение, отдаваемое всему родному, народному» (‘народный’ здесь означает ‘национальный’) [Макаров, 1870, с. 152].

В англоязычных словарях ‘национализм’ первоначально определялся как «состояние национальной принадлежности; национальность» [Webster, 1841, p. 173], «национальная специфика (national peculiarity)» [Bolles, 1845, p. 510], «национальная идиома или оборот речи» [Johnson's..., 1874, p. 127]. В теологии ‘националист’ означал сторонника доктрины богоизбранности народов, а не индивидов [Ogilvie, 1855, p. 274; The Encyclopaedic..., 1885, p. 162].

В позднейших словарях зафиксированы политические значения слова: «Политическая программа ирландских националистов»;

«Приверженность целям националистов или же их поддержка» [The Encyclopaedic..., 1885, p. 162]. В том же словаре первое значение слова 'националист' – 'патриот', второе – «сторонник политического движения в Ирландии, стремящегося к более или менее полному отделению от Великобритании» [ibid.].

По мысли итальянского революционера Джузеппе Мадзини, 'национализм' предполагает братство народов: «Священный Союз Народов – вот цель нашей борьбы». Мадзини осуждает «повсеместную подмену духа национализма духом национальности (т.е. национального эгоизма. – К. Д.), безумные притязания на то, что каждый народ был вправе решать политические, экономические и социальные проблемы внутри себя и своими силами». «...Язык узкого национализма во Франкфурте убил немецкую революцию, а роковая идея расширения Савойского дома убила итальянскую революцию» (предисловие к книге «Вера и будущее», 1850) [Mazzini, 1850, p. IX].

Для анархиста Прудона национализм – т.е. любые национальные идеологии и движения – стоит в одном ряду с милитаризмом и ненавистным ему централизмом, причем корни того и другого он усматривает в якобинстве, этом «отце шовинизма» [Proudhon, 1860, p. 177].

Немецкий историк и правовед Феликс Дан (1834–1912) определяет национализм как патриотизм, т.е. «преданность органической форме нации – государству». Национализм признает права других национальностей и не противоречит космополитизму, поскольку «человечество существует лишь как совокупность национальных индивидуумов» [Dahn, 1870, S. 334]. Необходимо заметить, что Дан, подобно большинству авторов XIX в., имел здесь в виду лишь «исторические нации», обладавшие давней традицией собственной государственности.

В конце XIX в. автор национал-либерального немецкого еженедельника «Grenzboten» противопоставляет «деструктивный национализм» (zerstörenden Nationalismus) катковского и славянофильского толка национальным движениям на Западе. Последние одушевлялись идеей свободы, тогда как «русский национализм негативен: он живет враждебностью к другим народам и борьбой со всеми внутренними социальными организациями; во внешней политике он угрожает и завоевывает» [Der Nationalismus, 1891, S. 171].

Ранний пример использования слова 'национализм' в русской печати находим у Герцена, который имел в виду славян в

Австрийской империи: «...Там исключительный национализм был <...> воплем притесненного чужестранным игом народа» («Былое и думы», IV, 1857) [Герцен, т. 9, с. 135]. Заимствованное слово ‘национализм’ у Герцена – синоним понятия «идея народности», т.е. национальности. «Идея народности, сама по себе, – идея консервативная, выгораживание своих прав, противоположение себя другому; в ней есть и юдаическое понятие о превосходстве племени, и аристократические притязания на чистоту крови и на майорат. Народность как знамя, как боевой крик только тогда окружается революционной ореолой, когда народ борется за независимость, когда свергает иноземное иго. Оттого-то национальные чувства, со всеми их преувеличениями, исполнены поэзии в Италии, в Польше и в то же время пошлы в Германии» [там же, с. 134].

Определение национализма в духе представлений, преобладавших в Европе 2-й половины XIX в., содержалось в трактате И.И. Юзова «Основы народничества» (1882): «Основное положение национализма заключается в том, что всякая народность имеет свои особенности и национальные черты, а потому ее жизнь и развитие идут самобытным путем; вместе с тем национализм утверждает, что всякая народность имеет *право* на существование и развитие. <...> Наши ретрограды стараются подменить принцип национализма, признающий равенство наций, своим ретроградным пониманием его, при котором оказывается, что наша национальность имеет право и чуть ли не обязана относиться к другим самым хищническим образом. Такое понимание национализма, конечно, нелепо и узко» [Юзов, 1882, с. 163–164].

Как видим, «истинному» национализму в различных странах Европы противопоставлялся «узкий национализм», т.е. национализм шовинистической окраски. Такое противопоставление было особенно свойственно «неисторическим» нациям, которые в Российской империи выступили на политическую арену в конце XIX в. Украинский публицист замечает: «...Среди европейских государств шовинизм наиболее овладел Францией и Россией. В России он, правда, именуется “национализмом”. Но нужно ли доказывать, что этот “национализм” так же похож на подлинный, разумный национализм, как государственный строй России на устройство Швейцарии? “Национализм” в России – это, попросту говоря, варварское нагибание всех невеликороссов под ярмо “обрусения”» [Вишницованья..., 1892, с. 285].

Слово ‘шовинизм’ появилось во Франции 1832 г. в контексте критики ультрапатриотических настроений, теснейшим образом связанных с наполеоновской легендой. Многие авторы, не исключая левых республиканцев, считали, что понятие ‘шовинизм’ лишено реального содержания и пущено в ход хулителями французского патриотизма. Ностальгирующая окраска феномена, определявшегося словом ‘шовинизм’, была очень сильна по крайней мере до Крымской войны, а его связь с наполеоновской легендой сохранялась на протяжении всего XIX в. В словарных определениях шовинизма наблюдался сильный разброс значений – от «хронического фанатизма» до «страстного чувства гордости славой французского оружия».

В печати других европейских стран шовинизм понимался обычно как французская форма национальной мегаломании, гораздо реже – как сочетание мегаломании с ксенофобией. В русской печати слово ‘шовинизм’ появилось в 1839 г. С конца 1860-х годов оно начинает применяться также к русскому национализму великодержавного толка.

Частичным синонимом шовинизма можно считать выражение Герцена «казенный патриотизм». Обращаясь к славянофилам в разгар Польского восстания, он писал: «...Ваш независимый патриотизм <...> близко подошел к казенному» («“Колокол” и “День”», в газете «Колокол», 10 июля 1863) [Герцен, т. 17, с. 210].

Во Франции с XVIII в. существовало выражение *patriotisme farouche* – «свирепый/дикий патриотизм», например: «Что за свирепый патриотизм – желать своему народу вечной войны из-за пустяковых коммерческих интересов!» [A continuation..., 1761, p. 65]. У Герцена оно встречается (по-французски и по-русски) как характеристика настроений русского общества во время Польского восстания 1863–1864 гг. [Герцен, т. 11, с. 368; Герцен, т. 20, с. 39, 68].

Философу Вл. Соловьеву принадлежит выражение «зоологический патриотизм», очень близкое к понятию ‘шовинизм’ в его позднейшем, однозначно негативном значении. Первоначально речь шла о взглядах М.Н. Каткова и его последователей: «Хомяков и его единомышленники подверглись <...> анафеме от представителей новейшего зоологического патриотизма» («Славянофильство и его вырождение», I) (1889) [Соловьев, 1989, с. 445]. Два года спустя Вл. Соловьев применяет это определение уже к славянофильству:

«...Оказалось, что глубочайшею основою славянофильства была не христианская идея, а только зоологический патриотизм, освобождающий нацию от служения высшему идеалу и делающий из самой нации предмет идолослужения» («Идолы и идеалы», 1891) [там же, с. 630–631].

Немецкими аналогами понятия ‘шовинизм’ были *Mordspatriotismus* (букв. ‘убийственный/кровожадный патриотизм’; в русских переводах – ‘ура-патриотизм’) и *Hurrpatriotismus* (ура-патриотизм).

Слово *mordspatrioten* появилось в брошюре С.Л. Боркгейма¹ 1871 г. [Borkheim, 1871], слово *mordspatriotismus* – в его же статье 1873 г. [Borkheim, 1873]. «Кровожадный патриотизм» обличали прежде всего в социал-демократической печати.

Слово *hurrpatriotismus* в немецком справочнике по крылатым словам датируется 1900 г. [Geflügelte..., 2001, S. 474]. Однако оно появилось раньше. В романе Оскара Мюзинга «Революционер» (1892) читаем: «Шовинизм и ура-патриотизм <...> – устаревшая точка зрения» [Mysing, 1892, S. 293].

В Британии имперский ультра национализм с конца 1870-х годов именовался ‘джингоизмом’, от выражения ‘by Jingo’ (слэнговый вариант оборота ‘Богом клянусь’, ‘видит Бог’). Словечко ‘джингоизм’ сразу же было обращено либералами против консерваторов; те в свою очередь заявляли, что оно придумано для дискредитации британского патриотизма.

Список литературы

Валуев П.А. Дневник // Вестник Европы. – Санкт-Петербург, 1907. – Т. 1, кн. 1. – С. 232–286.

Вишшовання про ХХ. вік // Правда. – Львів, 1892. – Т. 13, вып. 39. – С. 281–288.

Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Москва: Изд-во АН СССР, 1954–1966.

Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь. – Санкт-Петербург: Неклюдов, 1870. – Ч. 2. – 552 с.

Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. – 9-е изд. – [Москва]: Русская тип. А.О. Лютецкого, 1883. – 752 с.

Лернер О.М. Майор Осман-Бей пред судом здравого смысла: по поводу книги «Покорение мира евреями». – Одесса: Бейленсон, 1874. – 60 с.

¹ Сигизмунд Людвиг Боркгейм (1826–1885), демократ, участник революции 1848–1849 гг., друг К. Маркса.

- Пинскер Л.* Автоэмансипация: призыв русского еврея к своим соплеменникам // Сионизм в контексте истории: хрестоматия по истории сионизма. – [Иерусалим]: Библиотека-алия, 1992. – Кн. 1. – С. 252–277.
- Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. – Москва: Правда, 1989. – Т. 1. – 687 с.
- Стоянов З.* Отворени писма. II. До Георги Кърджиев, редактор на в. «Напред» // Стоянов З. Събрани съчинения: в 3 т. – София: Български писател, 1965. – Т. 3. – С. 309–314.
- Татищев И.И.* Всеобщий французско-русский словарь. – Изд. 3-е. – Москва: С. Селивановский, 1839. – Т. 1. – 651 с.
- Флисфедер Д.И.* Евреи и их учение об иноверцах. – Санкт-Петербург: Ландау, 1874. – 366 с.
- Хаджиниколов В.* Русофилы и русофобы в болгарской исторической литературе до Октябрьской революции // Etudes Historiques. Academie des sciences de Bulgarie. – Sofia, 1968. – P. 55–83.
- Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: в 15 т. – Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1947. – Т. 3. – 885 с.
- Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. – Москва: Наука, 1976. – Т. 4. – 552 с.
- Энгельс Ф.* Эрнст Мориц Арндт // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 30 т. – Изд. 2-е – Москва: Политиздат, 1970. – Т. 41. – С. 117–131.
- Юзов И.И.* Основы народничества. – Санкт-Петербург: Котомин, 1882. – 325 с.
- A continuation of the complete History of England, by T. Smolett, M.V. For R. Baldwin [Revue] // Journal étranger. – Paris, 1761. – Novembre. – P. 63–87.
- Arnobat C.P.C. de.* Voyage au pays de Bambouc, suivi d'observations intéressantes sur les castes indiennes, sur la Hollande et sur l'Angleterre. – Bruxelles: Dujardin; Paris: Defer de Maisonneuve, 1789. – 358 p.
- Barruel A.* Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme. – Londres: Imprimerie Française, 1797. – 3 me partie. – 405 p.
- Boiste P.* Dictionnaire universel de la langue française. – 7-me ed. – Bruxelles: Frechet, 1828. – Т. 1. – 1093 p.
- Bolles W.* An Explanatory and Phonographic Pronouncing Dictionary of of the English Language. – New London: Bolles and Williams, 1845. – 944 p.
- [*Borkheim S.L.*] Ein Bonner Professor conta den Artikel des «*Volksstaat*» // *Volksstaat*. – Leipzig, 1873. – N 50, 21 Juni. – S. 1.
- [*Borkheim S.L.*] Zur Erinnerung für die deutschen Mordspatrioten, 1806–1807. – Leipzig: Verlag der Expedition des «*Volksstaat*», 1871. – 85 S.
- Captain A.O.W.* Seamarks and Landmarks. – London: E. Benn, 1927. – 359 p.
- Carpenter W.B.* *Principles of Human Physiology*: With Their Chief Applications to Psychology ... – Philadelphia: Blanchard and Lea, 1853. – 1091 p.
- Chronique anglaise* // Bibliothèque universelle et revue suisse. – Lausanne, 1890. – Т. 45, N 136, Avril. – P. 402–409.
- Csaplovics J. (Čaplovič J.)* Ungern's Industrie und Cultur. – Leipzig: Wigand, 1843. – 83 S.
- Dahn F.* Zur Rechtsphilosophie // Kritische Vierteljahrsschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. – München, 1870. – Bd. 12. – P. 321–395.

- De la morale chrétienne, comparée a celle des anciens // *Le Semeur*. – Paris, 1835. – T. 4, N 32, 12 août. – P. 250–251.
- Der Nationalismus (Schluß) // *Die Grenzboten*. – Leipzig, 1891. – Bd. 2. – S. 164–175.
- Dixon J.M. *Dictionary of Idiomatic English Phrases*. – London; Edinburgh; New York: Nelson, 1891. – 384 p.
- Drennan W. To the Editor of the Monthly Magazine // *The Monthly Magazine*. – London, 1800. – Vol. 8, September. – P. 595–596.
- Extérieure // *La Quotidienne*. – Paris, 1838. – N 60, 1 mars. – P. 1–2.
- Extrait du Westminster Journal du 21 Avril 1759 // Genet E.-J. *Etat politique actuel de l'Angleterre, ou Lettres sur les ecrits publics de la nation Angloise ...* – Paris: Estienne, 1759. – T. 9, Lettre 15. – P. 3–12.
- For an Honest Election // *The New York Times*. – New York, 1895. – 24 October. – P. 8.
- Frankfurt. August 3 // *Morning Chronicle*. – London, 1832. – 15 August. – P. 2.
- Geflügelte Worte: Der klassische Zitatenschatz. – München: Ullstein Verlag, 2001. – 650 S.
- Gutmann M. Richard Wagner, der Judenfresser: Entgegnung auf Wagner's Schrift: «Das Judenthum in der Musik». – Dresden: C. Weiske, 1869. – 17 S.
- Hoblyn R.D. *A Dictionary of Terms Used in Medicine and the Collateral Sciences*. – London: Sherwood, Gilbert & Piper, 1835. – XX, 328 p.
- Holst J.L. Judenthum in allen dessen Theilen aus einem Staatswissenschaftlichen Standpunkte betrachtet. – Mainz: Kupferberg, 1821. – 459 S.
- Hoppe G. Bezeichnungs- und Benennungsstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen. – Mannheim: Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache, 2018. – 550 S.
- Jefferson T. [Letter] to James Madison from [13 May] 1793 [Электронный ресурс]. – URL: <https://founders.archives.gov/documents/Madison/01-15-02-0019> (дата обращения: 12.12.2021).
- Johnson's dictionary, with numerous additions / Ed. by J.H. Murray. – London; New York: Routledge, 1874. – 192 p.
- King H. Fear of flute girls, fear of falling // *Mental Disorders in the Classical World* / Ed. by Harris W.V. – Columbia Studies in the Classical Tradition. – Leiden; Boston: Brill, 2013. – P. 265–282.
- Landais N. *Dictionnaire général et grammatical des dictionnaires français*. – Paris: Bureau Central des Dictionnaires, 1836. – T. 1. – 848 p.
- Marr W. Der Sieg des Judenthums über das Germanenthum. Vom nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet. – Bern: Costenoble, 1879. – 51 S.
- Mazzini J. Foi et avenir. – Paris: Beaulé, 1850. – 104 p.
- Meyer von Knonau G.L. Der Kanton Zürich, historisch-geographisch-statistisch geschildert von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. – 2. Aufl. – St.Gallen, Bern: Huber und Co, 1846. – Bd. 2, Theil 2. – 567 S.
- [Millingen J.G.] Jack Horner; or, The march of intellect. – London: R. Bentley, 1845. – Vol. 1. – 322 p.
- [Mysing O.] Ein Revolutionär. – Berlin: Janke, [1892]. – 346 p. – На титуле псевд.: Otto Mora.
- Nouveau dictionnaire de la langue française, d'après l'Académie. – Paris: Baudouin, 1827. – 1008 p.

- O'Brien B.* Letters on Books // Truth. – London, 1886. – N 494, 17 June. – P. 946–947.
- O'Rell M.* Les chers voisins! – Paris: C. Lévy, 1885. – 372 p.
- Ogilvie J.* A Supplement to the Imperial Dictionary. – Glasgow; Edinburgh; London: Blackie, 1855. – 414 p.
- [*Pinsker L.*] Autoemancipation! Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden. – Berlin: Issleib, 1882. – 36 S.
- Poitevin P.* Nouveau dictionnaire universel de la langue française. – Paris: Reinwald, 1860. – T. 2. – 1014 p.
- Proudhon P.-J.* Nouvelles de la révolution: Le Jacobinisme et l'Empires // Proudhon P.-J. De la justice dans la révolution et dans l'église. Deuxième étude: Amour et mariage. Nouvelle édition, corrigée et augmentée. – Bruxelles: Office de publicité, 1860. – P. 167–194.
- Revolutionsalmanach von 1794. *Göttingen* [Rezension] // Neue allgemeine deutsche Bibliothek. – Kiel, 1794. – Bd. 13, Stuck 2, Heft 5. – S. 294–299. – Подпись: Н.
- Rogge W.* Oesterreich seit der Katastrophe Hohenwart-Beust. – Leipzig; Wien: Brockhaus, 1879. – Bd. 2: Umgestaltung des Dualismus. – 518 S.
- [*Rush B.*] [On the different Species of Phobia]. To the Editor of the Columbian Magazine // The Columbian Magazine. – Philadelphia, 1786. – November. – P. 110–113.
- Samuel M.* Memoirs of Moses Mendelsohn, the Jewish Philosopher. – London: Saintsbury, 1825. – 171 p.
- Saphir M.G.* Lebende Bilder. 6. Der Judenfeind // Saphir M.G. Neueste Schriften: Nesselblätter der Zeit und des Lebens. Satyrisches. – München: Lindauer, 1832. – Bd. 3. – S. 170–174.
- Schweizer J.C., Orell C. von.* Fremdwörterbuch: zur Erklärung fremder Wörter und Redensarten.–5. Aufl. – Zürich: Orell, Füssli und Co, 1841. – 575 S.
- The Encyclopaedic Dictionary. – London: Cassel, 1885. – Vol. 5, Part 1. – 384 p.
- The History of the Word 'Xenophobia' [Электронный ресурс]. – URL: www.merriam-webster.com/words-at-play/a-short-history-of-xenophobia
- Train G.F.* Spread-eagleism. – New York: Derby and Jackson, 1859. – 177 p.
- Tréguer P.* Origin and Meanings of 'Jingo' // Tréguer P. Word histories [Сетевой ресурс]. – URL: <https://wordhistories.net/2017/06/05/origin-of-jingo>
- Une correspondance de Constantinople ... // La France. – Paris, 1837. – N 198, 17 juillet. – P. 3.
- Wichmann W.* Denkwürdigkeiten aus der Paulskirche. – Hannover: Helwing, 1888. – 568 p.
- Webster N.* An American Dictionary of the English Language. – New Haven: Webster, 1841. – Vol. 2. – 1004 p.
- Wolf L.* A Jewish View of the Anti-Jewish Agitation // The Twentieth Century. – London, 1881. – Vol. 9, February. – P. 340–357.

II. ПОНЯТИЕ 'РУСОФОБИЯ' В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Дебаты о 'руссофобии' в англоязычной печати XIX в.

В данном разделе рассматриваются обстоятельства появления слова 'руссофобия', а также круг значений, который связывался с ним в Англии на протяжении XIX в. 'Руссофобия' была первым обозначением подобного рода, получившем широкое распространение. Слово 'франкофобия' (*francophobia*, *фр.*) встречалось уже в 1759 г., 'англофобия' (*Anglophobia*, *англ.*) – в 1793 г., однако до конца 1830-х годов эти обозначения использовались крайне редко.

В современном Оксфордском словаре английского языка 'руссофобия' (*Russophobia*) определяется как «сильная неприязнь или враждебность (*strong aversion or hostility*) к России (или бывшему Советскому Союзу), ее народу, культуре и т.д.»; 'руссофоб' (*russophobe*) – «тот, кто испытывает сильную неприязнь или враждебность к России, ее народу, культуре и т.д.»

Однако в раннем словарном определении (1883) вместо 'неприязни' на первом месте стоит 'страх', политические коннотации преобладают над национальными (этническими), а «враждебность к культуре» отсутствует. 'Руссофобия' – «страх перед Россией или ее политикой, сильная антипатия (*a strong feeling against*) к России или же к русским». Соответственно, 'руссофоб' (*Russophobist*) – «тот, кто *боится русских или их политики* и кто испытывает сильную антипатию к России, ее народу *или ее политике*» (курсив наш. – К.Д.) [*Ogilvie*, 1883, p. 748].

В популярном английском пособии по древнегреческому языку конца XIX в. читаем: «φόβος – страх; отсюда *гидрофобия*¹, *руссофобия* и т.д.» [Rushbrooke, 1892, p. 233]. Тогда же английский филолог-классик Т.Д. Гуделл замечает: «У многих <...> от их [школьного] греческого языка осталось лишь <...> ясное понимание значения таких слов, как *метафизика*, *агностик*, *синтетический*, *анархия*, *руссофоб* <...>» [Goodell, 1889, p. V]. Из этих примеров видно, во-первых, насколько обычными были слова ‘руссофобия’ и ‘руссофоб’ в английском языке XIX в., а во-вторых, «ясное понимание» говорящими того, что речь идет именно о *страхе* перед Россией или же русскими.

Наряду со словом ‘Russophobia’ (1836) с 1860-х годов встречалась также форма ‘Russophobism’. О ‘руссофобах’ (Russophobists) писали уже в 1836 г., но в широкий обиход слово ‘Russophobist’ вошло с середины 1840-х годов. Еще десятилетием позже появилась форма ‘russophobe’ (по французскому образцу), ныне преобладающая.

1.1. Тема «русской угрозы» в первые десятилетия XIX в.

Понятие ‘руссофобия’ вошло в обиход в Англии в 1836 г. Следующие пять лет были временем оживленной полемики по поводу явления, обозначаемого этим словом, а также по поводу самого слова. Полемика затрагивала преимущественно вопросы внешней политики.

Тема русской угрозы занимала видное место во французской пропаганде 1806–1807 и 1812–1813 гг. В эпоху Просвещения Россия представлялась страной, хотя еще и не цивилизованной, но цивилизующейся; теперь же, напротив, акцентировалась тема «русского варварства». В 1812 г. в Париже был обнародован первый набросок апокрифического плана установления мирового господства России, позднее названного «Завещанием Петра Великого». Те же мотивы нередки в высказываниях Наполеона-изгнанника, публиковавшихся с начала 1820-х годов. Россия, однако, была не единственным и даже не главным сюжетом наполеоновской пропаганды. Главным противником на пути к господству в Европе и в мире Наполеон считал Англию; соответственно, ведущей темой

¹ Гидрофобия (водобоязнь) – устаревшее название бешенства по одному из его симптомов.

пропаганды Первой империи был «коварный Альбион», «нация лавочников».

К эпохе наполеоновских войн относится единичный пример слова 'казакофобия'. В марте 1807 г. в лондонской «Morning Post» появилось письмо к издателю за подписью «Англо-московит», выдержанное в бурлескном стиле. Здесь сообщалось, что французскую армию в Польше охватил «ужаснейший испуг (the most dreadful consternation)»¹, а парижские академики пришли к выводу, что «корни этого расстройствa восходят к некоей стране *Древних Скифов*, и потому весьма мудро *постановили*, что впредь оно будет именоваться *казакофобией* (the *Kosukophobia*)» [To the publisher..., 1807].

Всего два года спустя после Ватерлоо тема русской угрозы возникает в книге Роберта Вильсона «Очерк военной и политической власти в России в 1817 году». В 1812 г. Вильсон представлял интересы Британии при штабе русской армии; теперь же главную опасность он усматривал со стороны России, которая способна «обеспечить себе *господство* над Европой и Азией» [Wilson, 1817, p. 128].

В то же время Вильсон отвергает образ России как страны варварской, изображая ее «как вымышленную страну, тем более опасную, что она уже достигла высокого уровня цивилизации» [Resis, 1985, p. 685]. Здесь «крестьяне живут в лучших домах, <...> лучше одеты и на свой манер лучше питаются, чем крестьяне любой страны континентальной Европы или *современной* Англии!». «Россия <...> довольствуется своими завоеваниями с умеренностью; во всех странах она уважает их веру, обычаи, сохраняет их законы, если считает, что они не противоречат законам гуманности; <...> она ищет не прозелитов, но подданных, которым открыты все гражданские и военные должности согласно их способностям и заслугам <...>. В Азии она азиатка, в Европе – европейка, в Америке <...> – американка» [Wilson, 1818, p. 36, 128–129].

В 1817 г. предостережения Вильсона заметного отклика не нашли. Тема русской угрозы актуализировалась в Англии с конца

¹ Имелось в виду крайне кровопролитное сражение при Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии 7–8 февраля 1807 г., после которого обе стороны заявили о своей победе.

1820-х и особенно – в 1830-е годы. Вызвано это было совпадением целого ряда причин, рассмотренных в монографии Дж.Г. Глисона «Генезис русофобии в Великобритании» (1950).

1. Ближневосточный вопрос. 1828–1833 гг. были периодом наибольших военных и дипломатических успехов России на Ближнем Востоке. Туркманчайский трактат (1828) обеспечил ей преобладание в Персии, Адрианопольский договор (1829) – в Черноморском бассейне. В октябре 1829 г. «Таймс», прибегая к гиперболам, писала: «Турция <...> существует отныне <...> в качестве рабыни и собственности России» [Gleason, 1950, p. 85]. Еще больше встревожил общественность и правительство Англии Ункяр-Искелесийский мирный договор (1833), который, в частности, обязывал Турцию закрывать Проливы по требованию России.

2. Польский вопрос. Созданное в 1815 г. Царство Польское было конституционным государством, объединенным с Россией личной унией. Роберт Вильсон мог с полным основанием утверждать, что положение поляков в России гораздо лучше, чем в Пруссии и Австрии [Wilson, 1817, p. 130–132]. Восстание 1830–1831 гг. повлекло за собой кардинальное изменение русской политики в Польше. Согласно Органическому статуту 1832 г. царство Польское становилось частью самодержавной России. Варшавский и Виленский университеты были закрыты, широко практиковались ссылки поляков во внутреннюю Россию, конфискации имений и т.д.

Репрессии в ходе и особенно после подавления восстания оказали огромное влияние на образ России в европейском общественном мнении. До 1830 г. сообщения о русской жизни в английской печати в целом были выдержаны в духе сочувственного любопытства; теперь же выражения ‘варварство’, ‘варвары’, ‘варварская тирания’ становятся обычными, и связаны они с действиями военных и гражданских властей в Польше [Gleason, 1950, p. 133–134]. То же относится к французской и немецкой печати (там, где она могла высказываться свободно). Органический статут расценивался как нарушение решений Венского конгресса; в глазах либералов «польская революция» была борьбой свободы против деспотизма; католическая общественность сочувствовала полякам как единоверцам.

3. Внешнеторговая политика. Усиление позиций России на Ближнем Востоке представлялось угрозой британской торговле, составлявшей основу могущества Британской империи. Кроме того, в 1822 г. Россия ввела протекционистский таможенный

тариф взамен фритредерского тарифа 1819 г.; сотни наименований товаров были вовсе запрещены к ввозу, что вызвало недовольство пострадавших групп интересов.

4. Идеологический фактор. Июльская революция 1830 г. установила во Франции либеральную монархию, а парламентская реформа 1832 г. ликвидировала полуфеодальную избирательную систему в Англии. «На развалинах Священного союза на Западе возник конституционный альянс, который уравнивал союз самодержцев», т.е. России, Австрии и Пруссии [Gleason, 1950, p. 107]. Политический и социальный строй России чем дальше, тем больше воспринимался как архаичный.

В августе 1828 г. Джордж Эванс, ветеран наполеоновских войн, выступил с памфлетом «О замыслах России». Эванс предостерегал перед угрозой завоевания Россией Константинополя, что повлекло бы за собой крах Османской империи, а затем, возможно, и британского владычества в Индии. Россия рисуется страной милитаристской и отсталой («полуварвары Севера» с «наполовину азиатским, наполовину европейским» правительством) [Evans, 1828, p. 15, 55], но это не означало ее противопоставления Европе как некоему целому. Эванс, убежденный либерал, лишь в Англии и Франции видит полноценных представителей европейской цивилизации среди великих держав; он ратует за англо-французский военный союз, направленный не только против России, но и против возможной «русско-германской конфедерации» [ibid., p. 14–15].

Автор анонимных «Замечаний о замыслах России», опубликованных после обнародования Органического статута, предрекает – если не принять меры – участь Польши всей Центральной и даже Южной Европе, а также Османской империи, после чего под угрозой окажутся британские владения в Индии [Remarks on..., 1832].

С середины 1830-х годов наиболее деятельным и влиятельным публицистом, говорившим о русской угрозе, стал Дэвид Уркварт (1805–1877). В позднейшей литературе наименование ‘русофоб’ закрепилось за ним чуть ли не в качестве прозвища¹, встречалось даже слово ‘урквартизм’ (urquhartism), одним из

¹ В 1855 г. издававшаяся Урквартом газета писала: «На протяжении многих лет Уркварта клеймили как русофоба (Russophobic); ныне он может гордиться своим прозвищем (nickname)» [Progress of Russia, 1855].

значений которого была 'русофобия'. В 1827 г. Уркварт воевал за свободу Греции, в 1831 г. приехал в Стамбул в составе дипломатической миссии и здесь обнаружил привлекательные черты турецкой культуры; позднее именно он популяризировал в Англии турецкие бани.

В книге «Турция и ее ресурсы» (1833) Уркварт доказывал, что Османская империя отнюдь не клонится к упадку, но полна жизненных сил, хотя пока еще слишком слаба, чтобы устоять против России без помощи извне. Памфлет Уркварта «Англия, Франция, Россия и Турция» (январь 1834) стал началом его неугомонной кампании против русской политики на Ближнем Востоке.

Аргументация автора памфлета двойственна. Он говорит о защите цивилизации от варварства: «...Самой цивилизации угрожает затмение более опасное, чем нашествие варваров в 604 году» [Urquhart, 1835, p. 139]; «Станет ли мамонт сарматских равнин Левиафаном Гесперийских морей?» [ibid., p. 101].

Однако подобного рода риторика носит скорее орнаментальный характер. Такие же обороты – применительно к России и Германии в равной мере – можно найти, например, у философа Дэвида Юма (1711–1776), незадолго до смерти сожалевшего о том, что «национальный долг разорит Англию и <...> две наиболее цивилизованные нации, английская и французская, должны прийти в состояние упадка, а варвары, готы и вандалы Германии и России, – достичь могущества и славы» (в частной беседе 24 апреля 1776 г.) [Horne, 1822, p. 170].

Для Уркварта, как и для других британских либералов 1-й половины XIX в., Европа отнюдь не единое целое, противостоящее России. Главный критерий, по которому он оценивает государства, – их социально-политический строй. И хотя сначала он называет Речь Посполитую оплотом против «славянских орд» [Urquhart, 1835, p. 2], далее оказывается, что Польша «по расе родственна России; ее язык – диалект русского языка (!)», а Речь Посполитая была страной религиозных преследований (тут Уркварт ошибался), закрепощения и бесправия основной массы народа, словом, «государством презренным и отвратительным», как никакое другое в истории [ibid., p. 65].

Австрия, как можно заключить из памфлета, недалеко ушла от России: это «империя, в сущности, феодальная»; среднего класса здесь нет – только аристократия и крепостные, «положение которых немногим лучше положения русских крепостных». «Не Франция и Англия выступят против Австрии и России, но Либерал

против Абсолютиста, право народа – против божественного права монархов» [ibid., p. 94, 137]. Пруссия стоит в том же ряду, что Россия и Австрия.

Туркофилия Уркварта – не конъюнктурная, а вполне искренняя, – ясно показывает, что дело было не в цивилизационной чуждости России, а в восприятии ее как угрозы интересам Британии (которая для Уркварта не только отечество, но и оплот мирового либерализма). Доминация России на Ближнем Востоке угрожает английской торговле; все прочие соображения для Уркварта второстепенны. Если Россия овладеет Дарданеллами, «торговля Европы будет в ее руках» [ibid., p. 98]. «Наши индийские владения – будем ли мы сражаться за них на Днестре, имея за собой всех мусульман, или на Инде, в Багдаде или в Персии, в одиночку <...>?» [ibid., p. 91].

Мотив цивилизационной чуждости России развит в позднейшей публицистике Уркварта, однако «чуждость» сама по себе не оценивается им негативно; из всех «урквартистов» Уркварт в наименьшей степени европоцентрист. В 1855 г., анализируя понятия политического языка, он критикует использование во внешней политике понятий ‘цивилизация’ и ‘варварство’ и с одобрением говорит о «разумных людях, политических мужах, которым было наплевать на Турцию или цивилизацию, но которые с глубокой проницательностью видели, что Россию нужно держать в стороне» [Urquhart, 1855, p. 186].

С ноября 1835 по 1837 г. Уркварт издавал на английском и французском языках журнал «Портфолио, или Собрание государственных документов <...>, иллюстрирующих историю нашего времени». Главный интерес представляла здесь секретная переписка российских послов, вывезенная в 1831 г. из канцелярии вел. кн. Константина Павловича в Варшаве. В ней можно было усмотреть свидетельства более амбициозных планов в отношении Константинополя и Проливов, нежели это признавалось официально [Улунян, 2014, с. 72].

Велика была роль Уркварта и в журнале «The British and Foreign Review», основанном в июле 1835 г. с теми же целями, что и «Портфолио».

Г. Пальмерстон, министр иностранных дел в правительстве вигов, воспользовался публикацией секретной переписки в своих

целях¹, не разделяя при этом главных тезисов Уркварта, требовавшего проведения гораздо более жесткой политики по отношению к России. В этом вопросе позиции правительства и общественности различались очень существенно. По оценке британского историка дипломатии, «в период между Венским конгрессом и революциями 1848 года новая война Франции против Европы была единственной, которую имели в виду стратеги», а «приготовления английского военно-морского флота <...> были направлены исключительно против Франции» вплоть до конца XIX в. [Тэйлор, 1958, с. 51].

1.2. Рождение термина ‘русофобия’

Огромное впечатление на европейскую общественность произвела речь Николая I перед магистратом Варшавы 10 октября 1835 г., обнародованная в № 1 «Портфолио»: царь угрожал навсегда разрушить Варшаву «при малейшем возмущении»². «Таймс» сперва отказалась поверить в подлинность этой речи, а затем, 17 ноября, в газете появилась редакционная статья, начинавшаяся со слов: «Жестокий татарин, восседающий на русском престоле...» [Gleason, 1850, p. 179; A fierce Tartar..., 1835].

На карикатуре, помещенной в «Портфолио» в 1836 г., монархи Франции, Австрии, Пруссии и британский премьер танцуют под дудку и барабан русского медведя, в лапах у которого турецкий султан; на переднем плане череп и обглоданные кости, на заднем – виселица с повешенными [Observations..., 1836].

В ноябре 1835 г. Аарон Вейл, американский поверенный в делах в Лондоне, сообщал в Вашингтон об «антирусских настроениях» (anti-Russian sentiments) британской печати [Gleason, 1950, p. 186]. Симптоматично, что он еще не пользуется словом ‘русофобия’, как стали называть подобные настроения в следующем году. Непосредственным поводом дебатов о ‘русофобии’ послужила речь Дадли Стюарта в Палате общин.

¹ Одной из них была дискредитация русской политики в глазах Меттерниха [Улунян, 2014, с. 74].

² Текст речи был опубликован также в «Journal des débats» от 11 ноября и перепечатан (с комментариями) в «Journal de Saint-Petersbourg» от 24 нояб. / 3 дек. [Фомин, 1873, с. 679].

Рис. 2. Карикатура в журнале «Портфолио» (1836, № 22)

19 февраля 1836 г. лорд Стюарт, виг, единомышленник Уркварта и друг польской эмиграции, выступил с пространном обличением России и ее внешней политики. «Прежде нам говорили, что Россия цивилизует варваров, но времена, когда можно было говорить таким языком, прошли навсегда», примером тому Польша. «...Повсюду, где Россия распространяла свое влияние, вы видели варварские пытки, жестокое угнетение, неистребимую продажность, крайнюю развращенность, вероломную систему шпионажа, грабежа, морального разложения и рабства со всеми сопутствующими пороками и ужасами» [Hansard's..., 1836, col. 632]. Россия хочет стать во главе «великого союза всех славянских народов мира» [ibid., col. 630], и она тем опаснее, что ее население охвачено «одним пламенным чувством – желанием добиться превосходства своей страны и ее владычества над остальным миром» [ibid., col. 616]. Уже в недалеком будущем Россия может стать великой военноморской державой; и что было бы, если бы она «вышла из <...>

портов на западе Европы и к ней присоединился американский, а скорее всего, и голландский флот?» [ibid., col. 631–632].

На другой день в еженедельнике «Spectator» появился отзыв о речи Стюарта: «Русофобия (the Russo-phobia) крепко овладела этим любезным вельможей, который, кажется, прилежно читал апокрифические бумаги, публикуемые в *Портфолио*¹, а также в *Британском и иностранном обозрении*». Однако «министры заявили о своей решимости “сохранять мир столь долго, сколь это будет возможно” и доказали, к удовлетворению Палаты, что для войны нет ни причины, ни оправдания»² [News of the week..., 1836, p. 165]. Нельзя исключить, что слово ‘русофобия’ встречалось несколько раньше, но известность оно получило лишь с этого времени.

«Spectator» отражал взгляды радикального крыла вигов, которое и пустило в ход полемически заостренное словечко ‘русофобия’. Вскоре в том же духе высказался Джон Стюарт Милль, один из лидеров радикалов. В апрельском номере редактируемого им журнала «London and Westminster Review» Милль, осуждая «увеличение военно-морского флота под надуманными предложениями», замечает: «Настоящая причина, согласно общему мнению, заключается в том, что министры поражены эпидемической болезнью русофобии» [Mill, 1836, p. 276].

Милль, как и его соратники-радикалы, выступал не в поддержку России, а против наращивания вооружений. Виднейший идеолог либерализма, понятно, не мог испытывать симпатий к империи Николая I. Радикалы к тому же вполне сочувствовали польскому делу. Двумя годами ранее рецензент «London and Westminster Review» высказывался в духе Уркварта: русский самодержец «не остановится до тех пор, пока его владения не будут простираться от Белого моря до Киклад, чтобы хлынуть живым потоком на Запад и повторить в XIX веке ужасы Алариха и Аттилы. <...> Ему нужен Константинополь как ключ к Черному и Средиземному морям, который откроет для мировой торговли обильные и богатые продукты его империи. <...> Если Россия займет такое же выдающееся положение в коммерции, как в физи-

¹ О том же спустя три десятилетия писал Е.М. Феоктистов в «Русском вестнике»: «К документам подлинным легко было присочинить множество других» [Феоктистов, 1868, с. 57]. Но русское правительство не выступило с опровержениями относительно публиковавшихся в «Портфолио» документов, а позднейшие историки не ставили под сомнение их подлинность.

² Именно таким был смысл ответа Пальмерстона на речь Стюарта.

ческой мощи, прежде чем принципы свободы сокрушат форму ее правления, свободные государства Европы могут содрогнуться» [The History of Modern..., 1834, p. 294].

Тема «враждебности/антипатии к русским» (а по сути – к России как государству) затрагивалась в апрельском номере журнала «Tait's Edinburgh Magazine» за 1836 г. Журнал симпатизировал радикальному крылу вигов, в числе его сотрудников были Дж. С. Милль и Ричард Кобден. «История “баланса сил”, – говорилось здесь, – покажет, что Англия на протяжении более столетия настойчиво и безвозмездно приносит себя в жертву политическому фантому, который в действительности никогда не существовал и не может существовать, кроме как в качестве химеры воображения дипломата. <...> Нас, признаемся, приводит в некоторое недоумение враждебность к русским, овладевшая общественным сознанием. Один наш остроумный приятель объясняет это тем, что каждый народ непременно должен иметь какой-то объект национальной ненависти: так, говорит он, французы ненавидят пруссаков; турки не выносят персов; американцы питают отвращение к своему цветному населению; англичане же, на протяжении нескольких столетий всей душой ненавидевшие французов, теперь перенесли свою неприязнь на русских. Но какова бы ни была причина нашей антипатии к этому народу, причины нашей любви к туркам – которая, кажется, в известной степени породила эту антипатию, – объяснить гораздо труднее» [England, Turkey..., 1836, p. 241].

9 июля 1836 г. в «Manchester Times» появилось сообщение о выходе в свет памфлета «Россия» за подписью «Манчестерский фабрикант» и с подзаголовком «Лекарство от русофобии». Автором памфлета (что сразу же стало известно) был Ричард Кобден (1804–1865), промышленник, апостол свободы торговли и убежденный антимилитарист. В памфлете осуждались призывы «наших помешавшихся на России (букв. ‘русоманиакальных’ – ‘Russomanias’. – К. Д.) ораторов и литераторов» к расширению морских вооружений [Cobden, 1836, p. 21]; конкретно упоминалась речь лорда Стюарта 19 февраля. Памфлет распространялся очень широко, «с плакатами и рекламой, <...> в каждом городе, деревне и деревушке королевства» [Russia. By a Manchester..., 1836, p. 448].

Сочинение Кобдена, в отличие от других выступлений с критикой ‘русофобии’, носило подчеркнуто эпатирующий характер.

Россия предстает здесь носительницей цивилизации на Балканах и Ближнем Востоке. Возможность появления русских на берегах Босфора Кобдена ничуть не страшит: если Россия не свернет с пути цивилизации, тогда, даже если она покорит Турцию, «Англия скорее выиграет, чем проиграет» [Cobden, 1836, p. 2], поскольку британская торговля, в том числе ближневосточная, возрастет. Если же Россия двинется вспять, к варварству, она утратит значение великой державы как в экономическом отношении, так и в военном. Для Кобдена немислим «Чингисхан с телеграфом», которого так опасался Герцен.

Источник богатства и власти – промышленность и торговля; территория сама по себе бесполезна. Британия «без колоний, которые представляют собой лишь дорогостоящий придаток аристократического правительства, без войн, которые были лишь еще одним аристократическим способом грабежа и угнетения торговли <...>, благодаря богатству, накопленному ее искусством и трудолюбием, решала бы судьбы России с ее миллионами квадратных миль территории. Ливерпуль и Халл с их тысячами судов будут в состоянии диктовать законы повелителю четвертой части земного шара: <...> блокировать Россию в Мраморном море <...>, лишить ее гордую знать всех иностранных товаров и предметов роскоши и низвести их, владельцев тысяч крепостных, до варварского состояния их предков, древних русинов, – и держать ее царя взаперти в Константинополе, этой великолепной тюрьме» [Cobden, 1836, p. 10].

Сочувственный отклик на памфлет появился в «Leicester Chronicle» от 27 августа, критический – в «British and Foreign Review», т.е. исходил из круга Уркварта. Здесь специально говорилось о «чувстве, которое г-н Кобден <...>, а также писатели и ораторы его калибра имели удовольствие назвать *русофобией*», и здесь же впервые появляется закавыченное слово ‘русофобы’ (Russo-phobists): «памфлет <...> не мог не привлечь внимание “русофобов”». «...Мыслящие люди всех партий, – разъяснял рецензент, – были вынуждены смотреть на замыслы русского кабинета не со “страхом” – нам как нации неизвестно значение этого слова, – но с той подозрительностью и недоверием, которые возникают при игнорировании международных договоров <...>». Причина этого недоверия – «изошренное варварство и более чем пунийское вероломство» русского правительства [Russia. By a Manchester..., 1836, p. 448].

Журнал намекал на личную заинтересованность автора памфлета – «экспортера крученной хлопчатобумажной ткани в Петер-

бург» [ibid.]. О том же говорилось в циркуляре Польского демократического общества от 22 октября 1836 г.: «Из Лондона нам сообщают, что автор, г-н Кобден, отправился в Санкт-Петербург с рекомендациями г-на Пуллета Томсона, министра торговли, вся семья которого, как нам известно, ведет самую большую торговлю с Россией» [Okólniki..., 1836, s. 188]. Кобден и Пуллет в самом деле вели крупную торговлю с Россией (хлопчатобумажные ткани составляли треть русского импорта из Англии), но визит Кобдена в Петербург и Москву состоялся лишь в 1847 г.

В сентябре 1836 г. «Spectator» отозвался на анонимный памфлет¹ «Продвижение и современное положение России на Востоке» [McNeill, 1836], используя аргументы, приведенные ранее Кобденом: «Автор явно заражен русофобией <...>. ...Он видит лишь территориальное расширение русских владений, не оценивая, насколько усилили или ослабили ее эти приобретения, или каковы у Англии причины беспокоиться по этому поводу» [Progress and Present..., 1836, p. 875].

Памфлет Кобдена сыграл крайне важную роль в популяризации понятия ‘русофобия’. Позднейший английский историк допускает любопытную неточность в названии брошюры Кобдена: «Русофобия» вместо «Россия»; это показывает, до какой степени слово ассоциировалось с памфлетом [Prentice, 1853, p. 48].

1.3. Ранние дебаты о ‘русофобии’ (1836–1841)

‘Русофобия’, понимаемая как выдвижение русской угрозы на первый план, не обязательно предполагала неприязнь к России и русским. Примером тому служит анонимный памфлет «Несколько замечаний о нашей внешней политике», автор которого полемизировал с Кобденом. Россия, по его убеждению, самый могущественный соперник Британии и ее главный враг. Однако и Франция не может быть союзником Англии ввиду несходства их интересов. Автор предлагает союз с Испанией и Португалией против Франции, и союз с Германией – против России. Слово ‘русофобия’ его не смущает: «Если “русофобии” и суждено возникнуть, я верю, что она будет слишком сильной, чтобы какой-либо “манчестерский фабрикант” мог ее “вылечить”» [A Few Remarks..., 1836, p. 2].

¹ Автором был Джон Макнил, британский дипломат в Тегеране.

При этом мысль о варварстве русских ему так же чужда, как и Роберту Вильсону. «...Стало модно называть русских варварами и обильно награждать этот народ и его правителей всевозможными оскорбительными наименованиями, в то же время крайне негодуя, если они поступают так же и осмеливаются одаривать нас такими же эпитетами». Но «если бы упомянутые авторы прожили несколько лет в России, они, возможно, обнаружили бы, что русские далеки от варваров; что их богатый, гибкий, звучный язык во многих отношениях превосходит наш офранцуженный англосаксонский; а их литература, хотя и не изобилует “наблюдениями, замечаниями, зарисовками и личными сообщениями” множества странствующих джентльменов, обладает, несмотря на сей крупный изъян, многочисленными произведениями безупречного достоинства, которые сделали бы честь любому веку и любой стране. К своему немалому удивлению они также смогли бы заметить, что положение русского крепостного предпочтительнее положения манчестерского рабочего <...>; и <...> русский, размышляя о растущей мощи своей страны и об огромном прогрессе, уже достигнутом ею и все еще совершаемом как в искусствах, так и в военном деле, может испытывать патриотизм не менее сильный, нежели тот, что когда-либо согревал грудь британца» [A Few Remarks..., 1836, p. 19, 20].

Жестокости русского правительства в Польше сильно преувеличены и вызваны отнюдь не врожденной жестокостью русских, а соображениями государственной пользы, хотя, вероятно, неверно понятыми. «Ирландцы, как и поляки, часто восставали; после одного из этих восстаний мы решили сделать их англичанами и протестантами <...>; но ирландцы держались языка и веры своих предков, и мы выгоняли их из дому <...> почти так же, как русские теперь гонят поляков в дебри Сибири» [A Few Remarks..., 1836, p. 22–23].

В свою очередь критика ‘русофобии’ не означала принятия позитивного образа России. В журнале «Monthly Magazine», например, она соседствовала с крайне негативным изображением Российской империи. Все три материала с упоминанием ‘русофобии’, появившиеся здесь осенью 1836 г., принадлежали одному автору – вероятно, основателю журнала и редактору его политического отдела Ричарду Филлипсу (1767–1840). В рецензии на «Несколько замечаний о нашей внешней политике» говорилось: «...Автор – один из тех, кто заражен русофобией, как бы сильно он ни восхищался правительством и политикой этой страны, посвящая ее восхвалению более четвертой части памфлета» [A Few Re-

marks ..., 1836, p. 406]. «...Русский император, – утверждалось в другой статье, опубликованной в том же номере, – не так силен, каким его обычно изображают те, кто страдает модной болезнью русофобии; в действительности скудость военных ресурсов царя была ясно доказана во время последнего подавления польской независимости <...>» [On the Present Crisis..., 1836, p. 315].

Этот тезис развернут в статье «Россия, какова она есть, а не какой ее обычно изображают»: «Из всех европейских государств, за вычетом Османской империи, Россия, несомненно, наименее цивилизована, наименее населена и управляется наиболее деспотично; ее разноплеменные, полуварварские и не признающие закона жители по праву считаются современными вандалами и гуннами севера, а ее правители на протяжении столетий были если не хуже, то определенно не намного лучше, чем Гейзерихи и Аттилы древности». Однако военная мощь России преувеличена, а «необъяснимое представление о подавляющем величии России, по всей вероятности, преднамеренно пропагандировалось некоторыми заинтересованными политическими писателями, тайными врагами всеобщей цивилизации, свободы и независимости; и российский кабинет не был недоволен тем, что его так переоценивают в Европе» [Russia, as It..., 1836, p. 423]. После того как Россия добилась некоторых успехов в войнах с «нецивилизованными народами Азии», персами и турками, «болезнь русофобии достигла такой остроты, что заразила легковерную часть британской нации, и эта зараза, кажется, ширится из-за некоторых алармистов, которые в течение последних двух лет так горячо и так часто выступали против будущего *всеобщего преобладания России* <...>, и то, что на самом деле есть всего лишь *химерическое предположение*, в глазах многих англичан превратилось почти в *реальность* <...>» [ibid., p. 425].

По этому поводу автор рассказывает «один анекдот, случившийся в Париже в 1831 году». «На собрании политического кружка несколько зараженных русофобией французских джентльменов <...> доказали, к своему собственному удовлетворению, что в течение полувека Россия завоюет не только всю Малую Азию, персидские и турецкие владения и английские владения в Индии, но также покорит весь Юг и Запад Европы. Присутствовавший при этом генерал Ламарк¹ не произнес ни слова, но, когда спросили его

¹ Жан Максимильен Ламарк (1770–1832), участник революционных и наполеоновских войн. Рассказанный здесь «анекдот» не слишком правдоподобен:

мнение, заметил: “Messieurs, <...> il me semble qu’un Cauchemer Russe vous fait déraisonner: ce que vous supposez de la future toute puissance de la Russie est tout-à-fait impossible”» («Господа, <...> мне кажется, что Русский Кошмар не позволяет вам рассуждать разумно: грядущее всемогущество России, о котором вы говорите, совершенно невозможно») [ibid.].

Автор убежден, что «Россия *никогда* не сможет стать настолько грозной державой, чтобы устрашать свободную и энергичную Англию или цивилизованный европейский континент» [ibid.]. Для этого она слишком неразвита, бедна и неустроена. На усмирение небольшого Царства Польского ей понадобился почти год; Россия не смогла помешать ни свержению Бурбонов, ни появлению независимой Бельгии, ни конституционным реформам в Испании и Португалии. Далее в общих чертах предугадан ход событий во время Крымской войны: «...Английский и французский флот, подкрепленный богатством своих наций, очень скоро положил бы конец всеобщему господству русского царя, даже не стараясь разжечь восстание в многочисленных недовольных и угнетенных русских провинциях или атаковать ее границы на суше» [ibid., p. 430].

В августе 1836 г. вышел в свет памфлет «Дополнительные замечания о нашей внешней политике» (расширенное изд.: январь 1837). Здесь обсуждалась книга француза Гюстава д’Эйхталь «Два мира» (1836). Эйхталь «нисколько не “испорчен русофобией”»; главным противником он считает Англию и ратует за продвижение Франции в Средиземноморье, чтобы «нанести ощутимый удар морскому господству Англии, напомнив о торговле Индии ее древними путями» [Supplementary Remarks..., 1836, p. 12, 13]. Пока что, замечает автор памфлета, франко-русскому союзу мешает «их [французов] нелепое представление о русских как о варварах», но «национальные предрассудки быстро исчезают в каждой стране», и в будущем такой союз вполне возможен [ibid., p. 20].

В сентябре 1836 г. близкий к радикалам еженедельник «Examiner» писал о книге Г. Темпла «Путешествия в Грецию и Турцию»: «...Все его доводы и разъяснения ведут к полной дискредитации “русофобии”», несмотря на симпатии автора к туркам и Турции [Travels in Greece..., 1836, p. 580].

Ламарк считал Россию главным оплотом реакции в Европе и в 1831 г. требовал от правительства Луи Филиппа вмешательства на стороне восставшей Польши.

В июле 1837 г. сотрудник военного журнала «United Service Journal» отмечал возросшую боеспособность Балтийского флота. «Вряд ли есть необходимость указывать на почти непоправимый ущерб, который такая сила может нанести неожиданным нападением на наши военно-морские учреждения на Темзе и Медуэ¹; и, хотя я далек от участия в той русофобии, которую ощущают или которой поражены наши псевдопатриоты, я все же считаю крайне предосудительным любое правительство, которое при таких обстоятельствах пренебрегает морской обороной страны...» [The Russian Fleet..., 1837, p. 410].

В 1838 г. банкир Томас Рейкс опубликовал книгу «Город царя» о своей поездке в Петербург. Россия, полагал он, хочет захватить Константинополь и всю торговлю на Черном и Каспийском морях. «Examine» констатировал, что Рейкс «заражен болезнью Этвуда², именуемой “кошмарный медведь России”³», и проявляет «несчастную склонность к русофобии» [The City of..., 1838, p. 564].

Тогда же лондонская газета «Standard» вступила в полемику с «Morning Chronicle», заявившей: «Не позволяйте такой великой нации выставлять себя на смех безумной *руссофобией*», имея в виду надуманность русской угрозы индийским владениям Англии⁴ [цит. по: Our few..., 1838]. «Standard» возражала: «московский деспот» ненавидит Англию как оплот разумной свободы во всем мире, так что русская угроза вполне реальна. Любопытно, что здесь же цитировался лидер ирландских националистов Дэниел О’Коннел: пока Англия ведет себя в Ирландии так же, как Россия в Польше, она не имеет морального права выступать в роли защитника свободы. «Standard» не оспаривала это утверждение, а лишь указывала на опасность подстрекательства Ирландии к мятежу со стороны России.

Журнал «Eclectic review» в статье о русской территориальной экспансии (апрель 1839) осуждал «запугивание наших соотечественников» территориальными приобретениями России, повторяя аргументацию Кобдена: «Почва, климат, ситуация, нехватка населения или полезных производств и различные другие обстоя-

¹ Медуэй – судоходная река, впадающая в эстуарий Темзы.

² Томас Этвуд (1783–1856), экономист и политик-либерал, выступал в парламенте с резкой критикой русской политики, прежде всего в Польше, и требовал усиления военно-морского флота ввиду русской угрозы.

³ В оригинале ‘night-bear’, по созвучию с ‘nightmare’ – кошмар.

⁴ Как мы увидим ниже, «Morning Chronicle» вовсе не отрицала русской угрозы в принципе и в свою очередь сама нередко обвинялась в ‘руссофобии’.

тельства часто упускаются из виду среди галлюцинаций *русофобии*» [Aggressive Policy..., 1839, p. 459].

Осенью 1840 г. Джон Прингл Никол, шотландский экономист и астроном, предостерегал перед угрозой войны Англии и России против Франции. Обозреватель «Tait's Edinburgh magazine», считая такие опасения преувеличенными, замечает: «Д-р Никол, возможно, слегка заражен русофобией, которая скорее преобладает в Глазго; но, в конце концов, для искреннего борника свободы это совершенно естественно» [Political Register, 1840, p. 812].

В памфлете Уильяма Уолтера Каргилла «Мехмет Али, лорд Пальмерстон, Россия и Франция» (1840) утверждалось, что Россия готовит оккупацию Константинополя, после чего Англию ожидает судьба Польши. Темой его второго памфлета была т.н. «Прусская лига» – союз абсолютистских государств, направленный против Англии и Франции. Особый пассаж посвящен здесь слову ‘руссофобия’ как средству злонамеренной манипуляции общественным сознанием: «Достаточно глупцу или предателю изобрести *слово*, пригодное в качестве знака принадлежности к его “партии”, – достаточно произнести “*Русофобия*”, чтобы половина нации оказалась слепа к актам несправедливости или агрессии <...>». «...*Слова* и впрямь мощные орудия действия, и прозорливый Талейран был прав, сказав, что *слова* изобретены лишь для того, чтобы скрывать *мысли*! <...> ...Таковы средства, с помощью которых действует Россия, и это ей удастся <...>» [Cargill, 1840, p. 36–37].

В 1840 г. вышло в свет переиздание сатирического эпистолярного романа О. Голдсмита «Гражданин мира» (1760–1761). К письму 87 Чарльз Найт, издатель романа, поместил примечание: «Это письмо показывает, что русофобия нашей политической эпохи родилась почти столетием раньше» [Goldsmith, 1840, p. 177]. Примечание Найта любопытно как симптом интереса к генеалогии понятия, нового в политическом языке.

Письмо, о котором шла речь, называлось «Сколь глупо для западных областей Европы использовать русских в своих войнах». Оно увидело свет в октябре 1760 г., в разгар Семилетней войны. Англия была тогда союзником Пруссии, воевавшей против коалиции во главе с Австрией, Россией и Францией. Голдсмит пытается вбить клин между западными участниками коалиции и Россией: «Я не могу не видеть в Российской империи естественного врага западных частей Европы <...>. Петр, их великий монарх, давно желал иметь укрепленные пункты в некоторых западных областях

Европы <...>. Укрепленный пункт во власти этого народа был бы подобен владению шлюзом; <...> они могли бы затопить весь западный мир варварским наводнением. <...> Русские сейчас переживают период между цивилизованностью (refinement) и варварством, который, по-видимому, наиболее способствует военным успехам <...>. Плодородных долин и мягкого климата (Европы. – К. Д.) всегда будет достаточно, чтобы привлечь целые мириады из их родных пустынь, бескрайних чащоб или с их заснеженных гор» [Goldsmith, 1885, p. 325].

Однако 'русофобия' эпохи Семилетней войны была исключением в английской политике вплоть до 1830-х годов. И даже в этой войне главным противником Англии была Франция, а главной целью – захват французских колониальных владений.

Действие романа Бенджамина Дизраэли «Конингсби» (1844) происходит в 1830-е годы. Один из персонажей, политик-карьерист Ригби, получает от посетившего Англию русского великого князя «материалы для “сокрушительной” статьи против русофобии, <...> доказывающей, что московская агрессия отвечала интересам Англии и полностью объяснялась нехваткой морского побережья, что заставило царя из чисто торговых соображений двинуться на Балтику и Черноморье» [Disraeli, 1844, p. 149]. Ригби был карикатурным портретом Джона Уилсона Крокера (1780–1857) – человека, менее всего пригодного для написания русофильской статьи: он сотрудничал в консервативном «Quarterly Review», вполне разделявшем мнение о реальности русской угрозы.

Пропагандистская кампания радикалов против 'русофобии' не осталась без влияния на общественное мнение. В разгар Крымской войны сотрудник журнала «British Quarterly Review» с неудовольствием вспоминал: «За десятилетие, закончившееся в 1835 году, ежегодные расходы на национальную оборону сократились более чем на пять миллионов фунтов стерлингов. <...> Если бы в те дни безудержного сокращения кто-либо в Палате общин попробовал <...> хотя бы заикнуться о подозрениях в отношении агрессивных намерений этой грозной державы (России. – К. Д.) на Черном море или где-либо еще, его бы немедленно заклеили как 'русофоба'; в то время это был персонаж почти столь же одиозный, как в наши дни русофил» [The War, 1855, p. 199].

Как мы видели выше, слово 'русофобы' встречалось уже в 1836 г., но в широкий обиход вошло лишь с середины 1840-х годов (Russophobic, затем также Russophobe). Ранее в том же значении встречалось слово 'алармист'. Рецензент журнала «Metropolitan

Magazine»¹ писал по поводу книги о состоянии русского Балтийского флота: «Мы сердечно рекомендуем это разумное сочинение вниманию тех алармистов, которые думают, что в одно прекрасное утро русские проглотят нас перед завтраком» [A Few Observations..., 1837].

В немецкой печати слово ‘русophobia’ (Russophobie) появляется не позднее осени 1836 г. в сообщениях из Англии; во французской печати – не позднее 1837 г.

В турецко-египетской войне 1839–1841 гг. все пять великих держав поддерживали султана, а Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. отменили фактический контроль России над проливами. После этого тема русской угрозы в британской печати на время – до Восточного кризиса, приведшего к Крымской войне, – утратила прежнюю остроту.

Итак, понятие ‘русophobia’ было введено английскими радикалами во 2-й половине 1830-х годов в полемических целях. Спор между противниками ‘русophobia’ и их оппонентами шел не поводу положительного или негативного образа России и русских: это был спор о реальности русской угрозы британским интересам и способах противодействия ей. В огромном большинстве случаев слово ‘russophobia’ в тогдашней английской печати следует понимать как ‘Россия-боязнь’. Виднейшие представители алармистов, равно как и критики ‘русophobia’, принадлежали к различным течениям британского либерализма; но алармисты выступали в роли «ястребов», а критики ‘русophobia’ – в роли «голубей».

1.4. Споры о ‘русophobia’ в публицистике 1842–1900 гг.

Дискредитации антирусского алармизма способствовала крайне неудачная англо-афганская война 1838–1842 гг., начатая из опасений перед продвижением России в Центральной Азии. После этого «слово “Россия” было запретным, и всякого, кто осмеливался произнести его в связи с Индией, объявляли русофобом» [Ches-son, 1873, p. V]. (Впрочем, это суждение журналиста Ф.У. Чессона следует отнести к гиперболам.)

¹ Редактором журнала был писатель-маринист Ф. Мариетт.

Далее нас будут особо интересовать высказывания, содержащие рефлексию по поводу понятий ‘русофобия’, ‘русофоб’ и т.д. Чаще всего они принадлежат критикам ‘русофобии’ (в различных значениях этого слова), иногда также тем, кому приписывают ‘русофобию’. Эти последние либо объясняют, почему они не ‘русофобы’, либо уточняют, в чем именно состоит их ‘русофобия’.

«Колониальный журнал» в статье «Кто развязал Афганскую войну?» расценивает ‘русофобию’ как заблуждение, поощряемое Россией: «Несколько лет назад британская нация, казалось, была охвачена приступом своего рода *русофобии*: донские казаки, подобно скифам и вандалам древности, того и гляди захватят Европу, и захлестнувший ее поток варварства обратит цивилизацию вспять, в темные века. Русская дипломатия, конечно, старалась поощрять эти настроения <...>» [Who Caused..., 1842, p. 297]. Как мы видели выше, тема «русского варварства» возникла в английской печати в связи с Польским восстанием 1830–1831 гг. и репрессиями после его подавления; позднее она также чаще всего ассоциировалась с русской политикой в Польше.

В период 1842–1852 гг. о ‘русофобии’ по-прежнему охотней всего говорили радикалы в контексте осуждения милитаризма и колониальной политики. Тем же, кто считал русскую угрозу реальной, нередко приходилось защищаться от обвинений в ‘русофобии’, т.е. в неоправданном страхе перед Россией. Лорд Дадли Стюарт, выступая в Палате общин 7 февраля 1850 г., разъяснял: «Много было сказано о русофобии, и считалось, что он (Стюарт. – К. Д.) болен этой болезнью¹. Он расскажет им, насколько он русофоб. Он был совершенно убежден, что, когда наша страна будет всерьез говорить с Россией и скажет ей, что та не будет делать определенные вещи, то голос нашей страны будет услышан без необходимости подкреплять его ревом пушек» [Hansard’s..., 1850, col. 493].

Осуждение ‘русофобии’ как фантомного страха могло сочетаться с признанием реальности русской угрозы. Путешественник и дипломат Фрэнсис Бёртон (1821–1890) писал: «Каждые несколько лет м-р Джон Булль, вы и ваша семья, страдаете своего рода болезнью – перемежающейся лихорадкой, именуемой русофобией. Во время приступа вас преследуют призраки. Скелет усаживается перед вашим ростбифом, отбивая весь его вкус; кошмары, созданные больным воображением либо обманчивым преувеличением

¹ Напомним, что именно речь Д. Стюарта в Палате общин 19 февраля 1836 г. положила начало дебатам о ‘русофобии’.

реальной угрозы, лишают ваш крепкий до этого сон половины его освежающей силы. Такова природа приступа; когда он проходит, наступает обычная реакция: вы смеетесь над своими страхами <...> и выдвигаете множество здравых и трезвых доводов, доказывающих, что этот фантазм не более чем “воздушное ничто”¹. Но русофобия не совершенно безосновательна. Нет никаких оснований думать, будто Западу предстоит “оказачивание (Cossacking)”², однако Восток дремлет, не обращая внимания на опасность. В России имеются элементы силы, пусть даже она не способна уже сейчас сделать все то, что предрекал Наполеон и что она намеревается сделать. Недаром всю мощь своего коварства она обратила против никому не подчиненных полудикарей Центральной Азии, недаром она постаралась вытеснить нас из Персии, наводнила Афганистан шпионами и расточает кровь и золото в бескрайних степях к востоку от Каспия. Русофобия, повторяю, не фантазия, а лишь искаженный образ возможного» [Burton, 1851, p. 58–59].

Число упоминаний слова ‘руссофобия’ в английской печати XIX в., согласно статистике сайта newspapers.com, имеет три отчетливо выраженных пика: 1) Крымская война; 2) Восточный кризис конца 1870-х годов, с постепенным затуханием в 1880-е годы (период острого англо-русского соперничества в Азии); 3) англо-бурская война.

Во время Крымской войны синолог и дипломат Томас Тейлор Мидоус (1815–1868), признавая опасность «растущей мощи этого огромного государства» для «свободных народов Европы», предостерегал «против варваризации руссофобии (а barbarizing Russophobia)», т.е. против шовинистических настроений, недостойных цивилизованной нации [Meadows, 1856, p. 606, 608].

После Крымской войны, по словам Ф.У. Чессона, «британский страус, набравшись храбрости, вытащил голову из куста и, оглянувшись, увидел мертвую руссофобию. Чудовище сдохло от истощения» [Chesson, 1873, p. V–VI]. В период между Крымской

¹ «Airy nothing» (Шекспир, «Сон в летнюю ночь», V, 1).

² Аллюзия на часто цитировавшееся высказывание Наполеона: «Я могу понадобиться против русских, ибо при нынешнем положении дел лет через десять вся Европа, возможно, будет казацкой либо республиканской» (по записи Э. Лас Казеса 18 апреля 1816 г.) [Las Cases, p. 215].

войной и Восточным кризисом 1876–1879 гг. ‘руссофобия’ упоминается обычно в связи с русской угрозой британским колониальным интересам в Азии.

Дж.М.Ф. Людлов (1821–1911), англо-индийский юрист, христианский социалист, писал: «Руссофобию и бешенство (Russo-phobia and hydrophobia) я равно считаю болезнями. Кампании в Афганистане принесли, по крайней мере, ту пользу, что ценой крайне дорогостоящего опыта мы узнали, какие трудности придется преодолеть русским на пути в Индию. Тем не менее нам следует постоянно помнить о том, что вторжение в Индию в более или менее отдаленном будущем – предмет рассмотрения русской военной науки, навязчивая идея всех русских военных, и что российское владычество медленно и неуклонно продвигается к юго-западу» [Ludlow, 1858, p. 85].

Гораздо спокойнее смотрит на русскую угрозу Роберт Хантер в своей «Истории Индии»: «Как и другие болезни, которым подвержен человек, у нее есть ученое название: *руссофобия*; <...> это грозное слово составлено из двух греческих слов¹, означающих “страх перед Россией”. Она, как и прочие лихорадки, имеет горячие и прохладные фазы, а иногда отступает вовсе. <...> При очередном приступе пациент подходит к карте мира и, размышляя над ней, восклицает со вздохом: “До чего же огромна Россия! Как легко ей двинуть свои орды на нашу восточную империю! как легко ей потрясти эти земли!” Но все это лишь симптом горячечного состояния, в которое впал больной. Нет ничего проще, чем взять карту мира и провести по ней воображаемую армию из России в Индию, и ничего труднее, чем провести реальную армию тем же путем <...>. Злокачественная руссофобия миновала с Крымской войной, и с тех пор наблюдались лишь самые легкие формы этого расстройства» [Hunter, 1863, p. 223–224].

Согласно «Edinburgh Review», «большая часть британской общественности <...> расценивает руссофобию как разоблаченное заблуждение. В интересах гуманности она радуется тому, что заря христианской цивилизации одолевает ужасную тьму варварства, в которой доселе пребывала Центральная Азия; <...> Индия сможет иметь соседа, отношения с которым будут строиться на основе европейских принципов доброй воли и чье устойчивое правительство предложит новые возможности для торговли. Ее видение будущего – казак и сипай, возлежащие вместе на берегу Инда

¹ В действительности корень ‘russo’ неолатинский.

подобно ягням» [Parliamentary Blue..., 1867, p. 44]. Автор статьи считает русскую угрозу реальной, хотя и отдаленной во времени, причем опасается он не столько вторжения в Индию, сколько восстаний туземцев в расчете на помощь извне.

Либеральный «Spectator» пытается оценить новое положение дел, создавшееся в результате Крымской войны и реформ Александра II в России: «До 1857 г. существовала влиятельная школа английских политиков, взиравших на Московскую империю с чувствами, мало отличными от тех, что питают к своему фетишу негры». Крымская война уничтожила веру в чуть ли не безграничное могущество России. «На немногих политиков, все еще державшихся старого вероучения, смотрели как на допотопных зануд, а завешание Петра Великого, если оно когда-либо существовало, было предано забвению». «...Роковая ошибка старой русофобской школы состояла в том, что она твердила об опасности русского вторжения вследствие таинственных интриг потомков Петра Великого. Мы полагаем, что если бы <...> на смену самодержавному правлению царей пришла олигархия или демократическая республика, опасность, о которой идет речь, стала бы не меньше, но и не больше» [The Policy of..., 1867, p. 602].

В том же духе высказывается «Pall Mall Gazette», в то время близкая к консерваторам: «Русофобия, ранее господствовавшая в нашей стране <...>, безусловно, имела что сказать в свою защиту, но теперь ее основание разрушено полностью; ее целью была не Россия, а царь; это усугублялось тревогой и неприязнью, которые английским либералам внушал человек, демонстративно выступавший в роли смертельного врага всякого либерализма и всякой свободной формы правления, разгромивший Польшу и сделавший все возможное, чтобы помешать независимости Бельгии. В настоящее время в Англии, да и в любой другой стране, нет ни одного класса, который относился бы к правящему императору (Александру II. – К. Д.) с подобными чувствами. Он отменил крепостное право; считается, что он не любит войну <...>. Однако сейчас главный вопрос заключается не столько в том, что думает император, сколько в том, что думают его подданные» [Changes in the European..., 1872, p. 1].

«Таймс» приветствует «разумный пересмотр мнений» в вопросе о продвижении России в Азии: «Чувствуется, что есть интересы выше национальных – интересы гуманности. Если верно, что продвижение России в этих варварских землях означает прогресс цивилизации и хорошее управление, не ставим ли мы себя в ложное

положение, выступая против него? А в том, что дело обстоит именно так, не может сомневаться ни один разумный человек. <...> Можно, конечно, предположить, что скрытые последствия чрезмерного возвышения России окажутся настолько ужасными для других государств, что это оправдывает сохранение варварства на большей части Азии в качестве барьера против продвижения России. Но даже самый ярый русофоб едва ли решился бы на столь экстравагантное предположение» [London, October 29, 1872].

Более скептически настроен Ф.У. Чессон: «Призрак Северного великана, с которым эти нелепые русофобы заставили нас вступить в [Крымскую] войну <...>, ныне оказывается реальностью во плоти, и уже “отбрасывает, как грядущее событие, свою тень”¹ в Каракоруме, у наших ворот» [Chesson, 1873, p. VI].

‘Русофобия’ в значении ‘антипатия к русским’ встречается сравнительно редко. В анонимном историческом романе «Воспоминания авантюриста», публиковавшемся в популярном еженедельнике «Vanity Fair», читаем: «Иностранцы обычно покидают Россию с ложными представлениями о ней, потому что всякий приезжающий туда иностранец сразу ударяется в русоманию или русофобию и уже не в состоянии видеть в русских таких же мужчин и женщин, каких можно встретить в тех же классах парижского или пекинского общества. Они просто члены великой человеческой семьи; и хотя в России бывает снег, там также светит солнце. Еда и климат несколько отличаются, но умы формируются обстоятельствами, а души – Богом» [Memoirs..., 1876, p. 178]. Здесь ‘русомания’ – увлечение всем русским, в ряде других случаев – синоним ‘русофобии’.

Во время Восточного кризиса 1876–1878 гг. ‘русофобами’ именовались по преимуществу тори, стоявшие у власти, а в качестве критиков ‘русофобии’ выступала наиболее влиятельная часть либералов во главе с У. Гладстоном. «...Мы немало потеряли просто как торговцы, отдавая свое сочувствие угнетателям ради ублажения нашей русофобии, – сетует либеральный экономист А.Дж. Уилсон. – У русских хватает врагов и без нас, и лучшими их врагами могли бы стать мы в качестве друзей угнетенных народов

¹ Цитата из баллады Томаса Кемпбелла «Пророчество Лошила» (1801): «Грядущие события отбрасывают назад свою тень».

Турции, а заодно и лучших защитников наших чисто торговых интересов» [Wilson, 1876, p. 754].

Против прозвищ ‘русофобы’ и ‘туркофилы’ протестует консервативная «Pall Mall Gazette»: «Считается, что слова, прозвища достаточно, чтобы избавиться от них (трудных вопросов. – К. Д.). Учитывать английские интересы – это “эгоизм”; бояться общеевропейской войны как следствия крестового похода России против Турции – это “паника”; питать подозрения относительно замыслов России – русофобия; предупреждать, что турок будет сражаться и вправе сражаться отчаянно, если будет доведен до крайности, – значит быть “туркофилом”» [Two Reviews..., 1876]. «...Недомыслие, царившее в правительственных кругах, умело подкреплялось недомыслием прессы, которая криками “паникер”, “пугало”, “русофобия” и тому подобной трескотней заглушала голос здравого смысла и ободряла таких мечтателей, как мистер Гладстон, и таких неспособных, как лорд Нортбрук <...>» [Our Laurentian..., 1878].

Того же мнения держится «Quarterly Review»: «...Христианские элементы (Османской империи. – К. Д.) предполагается полностью подчинить влиянию России в качестве покровителя, прежде чем она станет владыкой. Способы и учреждения, с помощью которых осуществляется эта политика, составляют предмет обсуждения. Таким образом, никто не может быть обвинен в русофобии. <...> ...Будь мы русскими, мы могли бы счесть эту политику мудрой и отвечающей интересам России. Но как англичане мы можем сказать, не подвергаясь обвинениям в ненависти или низменной (vulgar) зависти к России, что мы считаем такую политику противоречащей нашим интересам и наш долг – противостоять ей, так же как долг России – ее проводить» [Parliamentary Papers, 1877, p. 292].

«Pall Mall Gazette» и «Standard» нередко закавычивают слово ‘русофобия’ как «чужое слово». «...Если вместе с Эрзерумом падет и Карс, – предостерегает «Standard», – идея господства России станет близка каждому племени от Черного моря до Инда. Бессмысленно призывать нас не страшиться “русского пугала”. Проповедовать о “русофобии” хуже, чем глупость. Этот призрак – чудовище из плоти и крови. Этот страх – самый разумный страх, какой мы только можем испытывать без малейшего ущерба для нашей доблести. Те, кто пытается высмеять оправданные и здоровые опасения британского народа по поводу продвижения России в Азии, едва ли читали историю Индийского мятежа» [The details..., 1877].

«Панч» высмеивает антироссийский алармизм некоего «бешеного органа неистовой русофобии и дикого славяноненавистничества (Slavodium)» [Ghazi Osman..., 1877]. Этот курьезный неологизм образован от *неолат.* ‘slavonicus’ (славянский) и *лат.* ‘odium’ (ненависть, отвращение).

Критики ‘русофобии’ объявляются ‘русофилами’. «Pall Mall Gazette» публикует «Письмо выздоравливающего русофила своей деревенской тетушке», направленное против «русофильской агитации»: «Доктора Франклина обратил в деизм некий ортодоксальный апологет; точно так же русофильские журналы обратили меня в русофобию». ‘Русофилы’ умалчивают об истреблении мусульман в Болгарии и о том, что «война за освобождение турецких христиан превратилась в войну за обладание Константинополем». «...Но можно ли отыскать хоть малейшие следы этого полного опровержения теории русофилов в языке русофильских журналов?» [Letters..., 1878, p. 4].

Характерно, что обвиняемые в ‘русофилии’ не считали нужным возражать — надо думать, потому что английских критиков ‘русофобии’ крайне трудно было заподозрить в симпатии к Российской империи. Более точным было наименование ‘антирусофобы’, встречавшееся в 1883 г.

После 1878 г. накал полемики вокруг ‘русофобии’ снова спадает, а сама полемика, как и перед Восточным кризисом, касается главным образом русской политики в Азии. Хотя «в настоящий момент русофобия бушует сильнее, чем когда-либо», отмечает либеральный политик Эрскин Перри, член Совета по делам Индии, однако «обе школы» — т.е. антирусские алармисты и их критики — «пришли к единому выводу: успешное вторжение России в Индию совершенно невероятно» [Perry, 1879, p. 10]. Либеральный «Examiner» констатирует: «Резко выраженная форма русофобии, преобладавшая в последнее время среди некоторых наших современников, была сумасбродной манерой отзываться о русских как о “монголах”. Эта манера сошла на нет с тех пор, как Кетчвайо¹ сменил царя в роли монстра» [Political and social..., 1879, p. 4].

В 1883 г. востоковед Роберт Нидхэм Каст совершил поездку на Кавказ с научными, а заодно и разведывательными целями

¹ Вождь зулусов в англо-зулусской войне 1879 г.

(конкретно речь шла о «возможной оккупации Герата русскими»). «Я отвергаю всякую русофобию, — заявляет он, — у меня нет ни крупницы антипатии к России. Я смотрю на эту великую державу как на сотрудницу Англии в распространении цивилизации в Азии; тем не менее, когда на карту поставлены важные интересы, стоит знать, чем занимаются наши друзья и соседи, какими бы добрыми и бескорыстными они ни были или хотели бы выглядеть» [Cust, 1884, p. 290].

В 1878 г. английские радикалы пустили в ход слово ‘джингоизм’ как синоним национального шовинизма и мегаломании, причем поначалу имелся в виду именно антирусский шовинизм. В 1880 г. в радикально-либеральном еженедельнике «Truth» была опубликована стихотворная сатира, написанная от лица ‘ультра-джингоиста’. «В моем символе веры, — провозглашает он, — два догмата, включающие все прочие: / Первый — ненависть к человеку, стоящему ныне у руля Англии (т.е. к У. Гладстону, лидеру либералов. — К. Д.); / Второй — русофобия, столь ожесточенная и неистовая, / Что она велит мне напрочь забыть о порядочности и идти против здравого смысла» [Song, 1880].

Обличители ‘русофобии’ не устанут сочинять сатирические метафоры:

«Русофобия — это политическая болезнь, которой страдает ряд наших государственных деятелей. Ее можно назвать политической корью. Симптомы ее крайне мучительны, болезнь сопровождается сильным жаром в области френологической шишки воинственности. Приступы, как правило, непродолжительны, но пациент крайне раздражителен и недоволен. При рецидиве обычно наблюдается слабая лихорадка, затем верхняя область головы выздоравливает, разум возвращается в нормальное, спокойное состояние и начинает работать как ни в чем не бывало» [Thomas Carlyle..., 1881, p. 107].

«Если привязать пробку к концу веревки и помахивать ею перед мордой котенка, это сообразительное животное никогда не устанет пытаться завладеть пробкой. <...> В такой игре Россия — искусный мастер, а котят, которых она заставляет резвиться, — все русофобы.

Порой русофоб столь охоч до игры, что не ждет, пока пробку привяжут к веревке и станут помахивать ею. Если он помешан на военных делах, он постоянно думает о русской армии. <...> Он считает, сколько осталось стран между нашими и русскими владениями, и вечно требует занять эти страны из боязни, что

именно так поступит Россия. Если же злосчастный сосед действительно попросит защитить его от России, он либо откажет, либо поставит невыполнимые условия» [Notes, 1885, p. 103].

«Русофобия – болезнь мозга, предрасполагающая к суициду» [Stead, 1888, p. 468]. В этом случае, как и в ряде других, ‘русофобия’ сближается с ‘гидрофобией’, тогдашним медицинским наименованием бешенства.

Семантика слов ‘русофоб’ и ‘русофобия’ в английском языке последних десятилетий XIX в. не вполне совпадает. Последнее относится почти исключительно к сфере внешней политики, тогда как первое относительно чаще означает неприязнь к России и русским. В этом значении слово использует Стюарт Камберленд¹: «Я ни в коей мере не русофоб, потому что в России есть много того, что мне нравится и чем я восхищаюсь, а народ, пожалуй, самый интересный и гостеприимный во всей Европе; но это не мешает мне не доверять внешней политике этой страны. Будь я русским, эта политика, несомненно, была бы мне по душе; но я англичанин» [Cumberland, 1888, p. XVI, XVII].

О том же писал Джордж Керзон, путешествовавший по России в 1888–1889 гг.: «Будет преувеличением сказать, что каждый англичанин въезжает в Россию русофобом, а покидает ее русофилом; но верно, по крайней мере, то, что даже непродолжительное проживание в этой стране смягчает более раннюю оценку <...>. Причиной тому прежде всего откровенные и любезные манеры и чрезвычайная вежливость людей, от высших должностных лиц до самых простых мужиков. Русский джентльмен обладает всей полировкой французского без намека на показной галльский лоск; русский простолудин может быть бестолковым, но не бесцеремонным, подобно тевтонцу <...>». Кроме того, англичанин не без удивления обнаруживает, что «в России нет широко распространенной враждебности к Англии», зато несомненна «непреодолимая и всепоглощающая неприязнь к Германии» [Curzon, 1889, p. 20–21].

Эта оценка тем более любопытна, что Керзон был консерваторм, в 1919–1924 гг. – министром иностранных дел, автором знаменитой «ноты Керзона» от 8 мая 1823 г. Консерваторы же традиционно считались сторонниками жесткого курса по отношению к России. В романе популярной английской писательницы

¹ С. Камберленд (1857–1922) известен прежде всего как разоблачитель спиритуализма.

Уиды (псевд. Марии Луизы Рамэ) «Гости в загородном доме» (1887) выведен персонаж по фамилии Аск. «Аск – русофоб с тех пор, как сделался истинным тори. Он глубоко убежден, что все русские – шпионы, если только не аферисты, почти так же как в начале нашего века его дед был убежден, что всякий француз – наемный убийца, если он только не танцмейстер. В глазах англичан, подобных Аску, на смену Petit Caporal¹ и треуголке как объектам страха и отвращения пришли Белый царь и меховая шапка» [Ouida, 1890, p. 590].

В самом конце XIX в. фельдмаршал Фредерик Робертс, участник колониальных войн, готов (как и многие другие до него) признать себя ‘русофобом’, но только в узком значении термина: «Меня высмеивали как русофоба и насмехались над тем, что меня будоражит фантомное продвижение России. Что ж, милорды, я не возражаю против наименования русофоб, если русофоб означает того, кто убежден, что цивилизационные факторы со временем заставят Великобританию и Россию встретиться в Азии, и <...> если России когда-либо будет позволено пересечь Гиндукуш, овладеть Афганистаном и пограничной областью, то нападение на Индию станет лишь делом времени» (речь 7 марта 1898 г. в Палате лордов) [Hansard's..., 1898, col. 761–762].

В то же время английский востоковед замечает: «Русофобская партия в этой стране привыкла в каждом действии России видеть руку дьявола. Считается, что русские – раса варваров, не претендующих на то, чтобы их считали цивилизованными людьми, и что полное отсутствие честности и добросовестности, проявляющееся во всех их отношениях с другими странами, исключает их из рассмотрения (в качестве партнеров. – К. Д.)» [Krausse, 1900, p. 308]. Отметим, однако, что ‘варварство’ здесь – опять-таки прежде всего характеристика русской внешней политики.

Особую группу среди причислявшихся к ‘русофобам’ составляли идейные либералы и демократы, сочувствовавшие национально-освободительным движениям в Европе, прежде всего польскому, итальянскому и венгерскому. Отчасти к ним принадлежал публицист и политик Дэвид Уркварт (1805–1877), за которым наименование ‘русофоб’ закрепилось чуть ли не в качестве прозвища. Все

¹ Маленькому капралу (*франц.*), т.е. Наполеону.

же для Уркварта на первом месте стояли торгово-колониальные интересы Британии, а его сочувствие полякам и венграм носило скорее инструментальный характер.

К этой группе принадлежали уже упоминавшийся лорд Дадли Стюарт (1803–1854), поэт Альфред Теннисон (1809–1892), а также представители следующего поколения: промышленник Джозеф Коуэн (1829–1900) и поэт Алджернон Суинберн (1837–1909), взгляды которых на Россию сложились под влиянием Уркварта.

У Теннисона осуждение русского деспотического государства, угрожающего свободе европейских народов, сочеталось с представлением о России как полудикой стране, враждебной европейским гуманистическим ценностям. Эти представления начали формироваться у него уже в юности, окончательно оформились во время Польского восстания 1830–1831 гг. и впоследствии почти не подвергались пересмотру [см. Чернин, Жаткин, 2010]. Хотя Теннисон был другом У. Гладстона, во время Восточного кризиса 1870-х годов он поддерживал внешнюю политику консерватора Дизраэли.

Республиканец Суинберн выступал «против свободной торговли панславизмом, оспой и всякой иной заразой»; те, кто «высмеивает тщетность и глупость русофобии», по его мнению, подобны противникам вакцинации [Swinburne, 1876, p. 20]. В то же время он осуждал жестокости англичан в Ирландии, на Ямайке, на плантациях, ликвидацию Римской республики Наполеоном III и милитаризм Бисмарка. Объект критики Суинберна – русское самодержавие как наиболее опасная форма монархического правления, в том числе для русского народа, который Суинберн хотел бы видеть «образованной и взрослой нацией свободных, доблестных и достойных людей» [ibid., p. 23].

Радикалы с самого начала были главными критиками ‘русифобии’. Наиболее заметным исключением из этого правила был Джозеф Коуэн, друг Гарибальди, Кошута, Герцена и Бакунина, один из спонсоров польской революционной эмиграции. Под влиянием Уркварта, сообщалось в его некрологе, Коуэн «сделался убежденным русофобом; поэтому он энергично поддерживал политику лорда Биконсфилда (т.е. Дизраэли. – К. Д.) и, к удивлению и отвращению радикалов, зарекомендовал себя стойким туркофилом» [Death of Mr..., 1900]. Понятно, что мотивы ‘русифобии’ Коуэна лишь частично совпадали с мотивами Дизраэли, которого невозможно вообразить другом Герцена и Бакунина.

Судя по обширной газетной базе newspapers.com, в американской печати о 'русофобии' вплоть до конца XIX в. говорилось сравнительно редко и почти всегда по поводу английской политики. Объясняется это прежде всего тем, что русско-американские отношения с момента основания США и до прихода к власти большевиков были дружественными, так что ни о какой русской угрозе речи быть не могло.

Николас Бьерринг¹ писал в своем «Журнале Восточной Церкви»: «На первый взгляд естественно было бы заключить, что английская русофобия должна была в значительной степени заразить Соединенные Штаты. Оба народа говорят на одном языке, являются наследниками одной и той же литературы, связаны множеством уз кровного родства, общими традициями и социальными отношениями. Здесь широко читают и цитируют английскую прессу; <...> основная часть <...> новостей <...> фильтруется лондонскими агентствами, которые редко колеблются, если нужно подретушировать новость согласно их собственным видам или же прихотям. Тем не менее дружественные отношения между Россией и США не омрачает даже малейшая тень недоверия» [Bjerthing, 1879, p. 138–139].

'Русофилия' в межгосударственных отношениях вовсе не исключала негативного образа внутренней жизни России. В 1880 г. в газете «Неделя» появилась заметка А.П. Лопухина² «Русофильство американцев». «Что американцы считают нас, русских, своими друзьями, – это несомненно», – писал Лопухин. Но дружелюбие вполне уживается с превратными представлениями о России, примером чего служит поставленная в Нью-Йорке оперетта Франца Зуппе «Фатиница». Ее действие разворачивается на фоне русской-турецкой войны 1877–1878 гг., а главные приметы русской армейской жизни – кнут, щи и водка. «Вся пьеса построена на осмеянии русской дикости и варварства, в которых мы, русские, будто бы далеко оставляем позади себя турок, более нас восприимчивых к европейской цивилизации. <...> Они не знают нас непосредственно <...>. Они смотрят на нас чрез очки, которые

¹ Н. Бьерринг (1831–1900), американский издатель, в 1870–1884 гг. – православный священник, основатель первого православного прихода в США.

² А.П. Лопухин (1852–1904), библиист, богослов, в 1879–1881 гг. жил в Нью-Йорке.

услужливо подставляются враждебно нам немецкою и английскою печатью» [Лопухин..., 1880, с. 128]. Тут следует уточнить, что первоначально действие оперетты происходило во время Крымской войны. У Лопухина речь идет об американской версии либертто; оперетта шла по всему миру, а в 1881 г. была с успехом поставлена в Москве.

15 лет спустя обозреватель сан-францисского журнала сетовал: «Книга о России на английском языке, свободная от русофобских настроений, — “редкая птица”. <...>. ...Потребуется не одна книга, чтобы свести на нет в сознании американских читателей работу, проделанную годами английских писаний о русской тирании и жестокости, не говоря уж о таких американских сочинениях, как книга м-ра Кеннана <...>» [Mrs. Brodhead's..., 1895]. Здесь ‘руссофобия’ понимается прежде всего как критика властей и порядков самодержавной России, поскольку Дж. Кеннану, автору книги «Сибирь и система ссылки» (1891), никак нельзя приписать враждебные чувства к русскому народу или русской культуре.

1.5. Суждения о ‘русомании’ конца XIX в.

В британской печати XIX в. слово ‘русомания’ использовалось обычно либо как синоним политической ‘руссофобии’, либо, напротив, политической ‘руссофилии’. В Америке оно получило новое значение: увлечение русской культурой.

В американском словаре 1888 г. читаем: «*Русомания*, страстное увлечение (а passion) русской манерой одеваться, чтением русских книг и изучением языка». Далее дается пример использования слова: «С тех пор как сочинения Толстого обрели популярность, ненависть ко всему русскому неуклонно угасала, и теперь русомания грозит потеснить англomанию» [Diehl, 1888, p. 183].

Одним из источников этой словарной статьи была, вероятно, ироническая заметка, появившаяся годом ранее в газете «New York World»: «В Бостоне [русский] Медведь постепенно одолевает [британского] Льва. Беглые нигилисты, русские романы и русский язык вызывают все бóльший интерес среди сливок общества. Полностью исчерпав интеллектуальные ресурсы греческого, латыни, иврита, санскрита, французского, немецкого, испанского и итальянского языков, Афины Америки (т.е. Бостон. — К. Д.) пробираются через литературные и лингвистические достопримечательности московитского языка. Однако, чтобы добиться полного успеха,

русомания должна обратить свое внимание на одежду в меньшей степени, чем на словесность. Когда русомания затронет брюки, шляпы, трости и манеру ходьбы, она сможет всерьез побороться с англоманией» [цит. по: Drift, 1887].

В 1892 г. в Лондоне вышел в свет второй том романа Уильяма Блэка¹ «Вольфенберг». Несколько глав посвящено здесь «развитию русомании» у американки Амели Дюмареск. Амели, участница морского круиза с заездом в Севастополь «вернулась из своей маленькой поездки на берег в совершенно безумном энтузиазме по поводу России и всего русского». На недоуменные вопросы спутников она отвечает: «...Я восхищаюсь страной, у которой есть свое национальное лицо, определенное место и определенная цель в истории, страна сплоченного народа с единственным и всемогущим руководителем, которому народ готов и желает подчиняться без всяких вопросов. Это страна, пользующаяся уважением; она может терпеть неудачи или ошибаться, но она сделала все, что в ее силах; нельзя не восхищаться ее целеустремленностью, патриотизмом, единением чувств. Да, они говорят у себя о нашей свободе – но что это значит? <...> Соединенные Штаты вообще не страна; это не нация, а всего лишь собрание больших приходов, ненавидящих друг друга, завидующих друг другу и имеющих разные интересы. В последний раз дрались друг с другом Север и Юг; в следующий раз драться будут Запад и Восток <...>» [Black, 1892, p. 119–120].

Амели начинает исполнять русские песни, появляется на балу в цветах русского флага, а в довершение всего с увлечением затягивает гимн «Боже, царя храни!». Неожиданная ‘русомания’ Амели мотивируется ее влюбленностью в красавца-русского. За это увлечение автор жестоко ее карает: погрязший в долгах русский со знаменательной фамилией Хитрово закладывает драгоценности девушки, и та умирает, не вынеся такого позора. Понятно, что перед нами не столько зарисовка с натуры, сколько карикатура на американскую ‘русоманию’, увиденную глазами британца.

Список литературы

[Лопухин А.П.] Русофильство американцев // Неделя. – Санкт-Петербург, 1880. – № 4. – С. 126–128. – Подпись: A.L. (Вошло в книгу: Лопухин А.П. Жизнь за

¹ У. Блэк (1841–1898), один из самых популярных английских романистов последних десятилетий XIX в.

- океаном: очерки религиозной, общественно-экономической и политической жизни в Соединенных Штатах Америки. – Санкт-Петербург: [Тип. С. Добродеева], 1882. – XII, 401 с.)
- Улуян Ар. А. Дэвид Уркварт, «The Portfolio» и начало конца тайной дипломатии Санкт-Петербурга: секретные дипломатические документы Российской империи в британской печати (1835–1837 гг.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуяна: сб. статей. – Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 58–90.
- Феокистов Е.М. Русская политика на востоке перед Крымской войной // Русский вестник. – Москва, 1868. – Т. 73, № 1. – С. 21–82.
- Фомин Я.В. Император Николай Павлович в Варшаве в 1835 г. // Русская старина. – 1873 г. – Т. 7, № 5. – С. 677–690.
- Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – Пенза, 2010. – № 2(14). – С. 58–69.
- A Few Observations on the Russian Fleet in the Baltic [Revue] // The Metropolitan Magazine. – London, 1837. – Vol. 20, September. – P. 51.
- A Few Remarks on our Foreign Policy. – 2 nd ed., with additions. – London: Ridgway, 1836. – 76 p.
- A Few Remarks on our Foreign Policy [Revue] // The Monthly Magazine. – London, 1836. – Vol. 22, N 129, September. – P. 405–407.
- A fierce Tartar who now tills the throne of Russia ... [Editorial] // Times. – London, 1835. – November 17. – P. 2.
- [Aggressive Policy of Russia. Revue] // The Eclectic review. – London, 1839. – Vol. 5, April. – P. 457–478. – Заглавие дано в колонтитуле.
- [Bjerring N.?] Russia and the United States // The Oriental Church Magazine. – New York, 1879. – Vol. 1, N 2. – P. 137–142.
- Black W. Wolfenberg. – London: W. Clowes, 1892. – Vol. 2. – 268 p.
- Burton R.F. Scinde: Or, The Unhappy Valley. – London: R. Bentley, 1851. – Vol. 2. – 309 p.
- Cargill W. An Examination of the Origin, Progress, and Tendency of the commercial and political Confederation against England and France, Called the “Prussian League” – Newcastle: W. Cargill, 1840. – 50 p.
- Changes in the European State-System // The Pall Mall Gazette. – London, 1872. – Sept. 10. – P. 1–2.
- Chesson F.W. The Central Asian Question. – London: H.S. King, 1873. – XII, 31 p.
- [Cobden R.] Russia: A cure for the Russo-phobia / By a Manchester Manufacturer. – Edinburgh: W. Tait, 1836. – 52 p.
- Cumberland S. The Queen’s Highway from Ocean to Ocean. – London: S. Low, 1888. – XXVIII, 431 p.
- Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889: And the Anglo-Russian Question in 1889. – London: Longmans, 1889. – 475 p.
- Cust R.N. The Russians on the Caspian and Black Seas // Journal of the Royal United Service Institution. – London, 1884. – Vol. 28, N 124, Jan. 25. – P. 289–305.
- Death of Mr. Joseph Cowen, Newcastle’s Eloquent Citizen // The Pall Mall Gazette. – London, 1900. – 19 Feb. – P. 8.

- Diehl A.R.* Two Thousand Words and Their Definitions, Not in Webster's Dictionary. – New York; Chicago: Butler brothers, 1888. – 220 p.
- Disraeli B.* Coningsby; Or, The New Generation. – Paris: Baudry, 1844. – 347 p.
- Drift // The American: A National Journal.* – Philadelphia, 1887. – Vol. 14, N 357, June 11. – P. 127.
- [*Eichthal G. de*]. Les Deux Mondes. Par M.G. D.E. – Paris: Bertrand, 1836. – 352 p.
- England, Turkey, Russia – The Balance of Power, and the Non-Intervention Principle // *Tait's Edinburgh Magazine.* – Edinburgh, 1836. – Vol. 3, N 26, April. – P. 240–246.
- Evans G.* On the Designs of Russia. – London: J. Murray, 1828. – 251 p.
- Ghazi Osman and the Newspapers // Punch.* – London, 1877. – Vol. 73, Dec. 29. – P. 289.
- Gleason J.H.* The Genesis of Russophobia in Great-Britain: Study of the Interaction of Policy and Opinion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1950. – IX, 314 p.
- Goldsmith O.* The Citizen of the World to his Friends in the East. – London: C. Knight, 1840. – 239 p.
- Goodell T.D.* The Greek in English: First Lessons in Greek. – 2 nd ed. – New York: H. Holt, 1889. – VII, 138 p.
- Hansard's Parliamentary Debates. – London: Hansard, 1836. – Vol. 31. – 1396 col.
- Hansard's Parliamentary Debates. – London: Hansard, 1850. – Vol. 108. – 1446 col.
- Hansard's Parliamentary Debates. – London: Hansard, 1898. – Vol. 54. – 1641 col.
- Home J.* The Works. – Edinburgh: A. Constable, 1822. – Vol. 1. – 387 p.
- Hunter R.* The History of India. – London: T. Nelson, 1863. – 284 p.
- Krausse A.S.* Russia in Asia: A Record and a Study, 1558–1899. – G. Richards, 1900. – 411 p.
- Las Cases E.* Mémorial de Sainte-Hélène. – Paris: Le Seuil, 1968. – 732 p.
- Letters That Might Have Been Written. II. From a convalescent Russophil to his Maiden Aunt in the Country // *The Pall Mall Gazette.* – London, 1878. – Feb. 20. – P. 12. – Подпись: Nephew.
- London, October 29, 1872 [Editorial] // *The Times.* – London, 1872. – October 29. – P. 7.
- Ludlow J.M.F.* British India, Its Races and Its History Considered with Reference to the Mutinies of 1857: A Series of Lectures Addressed to the Students of the Working Men's College. – Cambridge: Macmillan, 1858. – Vol. 1. – 319 p.
- [*McNeill J.*] Progress and Present Position of Russia in the East: An Historical Summary. – Murray, 1836. – 151 p.
- Meadows T.T.* The Chinese and Their Rebellions: Viewed in Connection with Their National Philosophy, Ethics, Legislation, and Administration. – London: Smith, Elder & Company, 1856. – 656 p.
- Memoirs of an Adventurer. Chapter LII. Literature and Politics. // *Vanity Fair.* – London, 1876. – Vol. 16, Sept. 16. – P. 176–178.
- [*Mill J.S.*] State of Politics in 1836 // *The London and Westminster Review.* – London, 1836. – Vol. 25(2), N 1, April. – P. 271–278. – Подпись: A.
- Mrs. Brodhead's «Slav and Moslem» [Review] // *The Overland Monthly.* – San Francisco, 1895. – Vol. 25, N 146, February. – P. 218–219.
- News of the Week // *The Spectator.* – London, 1836. – N 399, February 20. – P. 165–166.
- Notes // *Vanity Fair.* – London, 1885. – Febr. 21. – P. 101–105.

- Observations on an Intercepted Caricature // The portfolio. – London, 1836. – Vol. 3, N 22. – P. 195–196.
- Ogilvie J.* The Imperial Dictionary of the English Language. – New ed., <...> greatly augmented <...> by C. Annandale. – London: Blacky; New York: The Cencury Co., 1883. – Vol. 3. – 799 p.
- Okólniki Towarzystwa Demokratycznego Polskiego: 1836/37. – *Paryż*: Maulde I Renou, 1837. – T. 5. – 392 s.
- On the Present Crisis of Spain: Its Real Cause and its Most Probable Results, in Connexion with the Present State of France and Europe // The Monthly Magazine. – London, 1836. – Vol. 22, N 129, September. – P. 309–319.
- Ouida.* Granville de Vigne // *Ouida.* Granville de Vigne; A House-party; Our Wager; Lampblack. – New York: Collier, 1890. – Vol. 2. – 698 p.
- [Our few words yesterday...: Editorial] // The Standard. – London, 1838. – N 4483, November 2. – P. 2.
- Our Laurentian Misfortunes // The Pall Mall Gazette. – London, 1878. – Nov. 29. – P. 1.
- Parliamentary Blue Books relating to Bhootan <...> [Review] // Edinburgh Review. – Edinburgh, 1867. – Vol. 255, January. – P. 1–47.
- Parliamentary Papers. Turkey, 1876. <...> [Review] // The Quarterly Review. – London, 1877. – Vol. 143, N 285. – P. 276–320.
- Perry E.* The Future of India // The Library Magazine of Select Foreign Literature. – New York, 1879. – January. – P. 1–21.
- Perspective des Whig cabinets // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt, 1838. – N 335, 5 декабря. – [S. 1–2].
- Political and social notes // The Examiner. – London, 1879. – Aug. 23. – P. 1–4.
- Political Register // Tait's Edinburgh Magazine. – Edinburgh, 1840. – Vol. 7, N 84, December. – P. 809–812.
- Politische Nachrichten // Nürnberger Zeitung. – Nürnberger, 1837. – N 21, 21. Januar. – S. 2–4.
- Prentice A.* History of the Anti-corn-Law League. – London: Cach, 1853. – Vol. 1. – 774 p.
- Progress and Present Position of Russia in the East // The Spectator. – London, 1836. – № 428, September 10. – P. 875–876.
- Progress of Russia <...> by David Urquart [Revue] // The Free Press. – London, 1855. – Vol. 1, N 11, December 22. – P. 2.
- Remarks on the Conduct and Probable Designs of Russia. – London: Ridgway, 1832. – 18 p.
- Resis A.* Russophobia and the “Testament” of Peter the Great, 1812–1980 // Slavic Review. – Cambridge, 1985. – Vol. 44, N 4. – P. 681–693.
- Rushbrooke W.G.* A First Greek Reader. – 3 d ed. – Oxford: Clarendon Press, 1892. – 236 p.
- Russia // The Spectator. – London, 1867. – Vol. 40, June 1. – P. 602–603.
- Russia, as It Really Is, and not as It Is Commonly Represented // The Monthly Magazine. – London, 1836. – N 131, November. – P. 423–431. – На титуле ошибочно: N 141.
- Russia. By a Manchester Manufacturer <...> Edinburgh. <...> [Revue] // The British and Foreign Review: Or, European Quarterly Journal. – London, 1836. – Vol. 3, N 6. – P. 446–477.

- Song. I am an anti-Radical // Truth. – London, 1880. – Dec. 25. – P. 34.
- [*Stead W.T.*] The Progress of Man // The Universal Review. – London, 1888. – Vol. 2, N 8. – P. 449–468.
- Supplementary Remarks on our Foreign Policy... – London: Ridgway, 1836. – 59 p.
- Supplementary Remarks on our Foreign Policy. [Continuation:] Supplementary Remarks. – London: Ridgway, 1837. – 27 p.
- Swinburne A.C.* Note of an English Republican on the Muscovite Crusade. – London: Chatto and Windus, 1876. – 24 p.
- The City of the Tsar. By Thomas Raikes. [Revue] // The Examiner. – London, 1838. – N 1597, September 9. – P. 563–564.
- [The details of the defeat of Modkhtar Pacha at Erzeroum ...] // The Standard. – London, 1877. – Nov. 9. – P. 3–4.
- The History of Modern Greece. By James Emerson <...> London. 1830 [Revue] // The London and Westminster Review. – London, 1834. – Vol. 20, N 40, Aprile. – P. 274–295.
- The Russian Fleet in the Baltic in 1836. By H.W. Crawford [Revue] // The United Service Journal. – London, 1837. – Pt. 3, July. – P. 410–412.
- The War: Who's to Blame? <...> [Revue] // The British Quarterly Review. – London, 1855. – Vol. 21, N 41, January. – P. 182–215. (Art. VII.)
- Thomas Carlyle: A Study. By J.C. – Manchester: J. Heywood, 1881. – 138 p.
- To the publisher the Morning Post // Morning Post. – London, 1807. – March 31. – P. 3. – Подпись: Anglo-Moscovite.
- Travels in Greece and Turkey. By Major Sir Grenville Temple's. <...> 1836. [Revue] // The Examiner. – London, 1836. – N 1493, 11 September. – P. 579–580.
- Two Reviews of the Eastern Question // The Pall Mall Gazette. – London, 1876. – Dec. 5. – P. 1.
- [*Urquhart D.*] England and Russia. Being a Fifth Edition of England, France, Russia, Turkey. – London: Ridgway, 1835. – 197 p.
- Urquhart D. Familiar Words, as Affecting the Conduct of England in 1855. Second Series. – London: Trübner, 1855. – Pt. 2. – P. 151–350.
- Who Caused the Affghan War? No. II // The Colonial Magazine and Commercial-Maritime Journal. – London, 1842. – Vol. 7, N 28. – P. 296–326.
- [*Wilson A.J.*] British Trade. № 4. Russian Progress // Fraser's Magazine for Town and Country. – 1876. – Vol. 14, December. – P. 736–755. – Подпись: A.J.W.
- [*Wilson R.T.*] A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. – 5-th ed. – London: Ridgway, 1817. – 208 p.
- Тэйлор А.Д.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1958. – 644 с.

2. 'Русофобия' и родственные понятия в Германии XIX в.

Как было показано выше, в Англии середины XIX в. виднейшие представители антироссийского алармизма, равно как и критики 'русофобии', принадлежали к различным течениям британского либерализма. В Германии споры о 'русофобии' получили

гораздо более отчетливую идеологическую окраску: здесь водораздел проходил между демократами и национал-либералами, с одной стороны, и консерваторами – с другой; и образ России у тех и других отличался очень заметно. В 1830–1840-е годы либеральная – т.е. преобладающая – часть общественного мнения Западной Европы видела в России страну абсолютистскую и феодальную, а ее политику в Польше осуждала как варварскую. В немецких землях Россия (наряду с Францией) воспринималась как препятствие к объединению Германии, а кроме того, ассоциировалась с угрозой панславизма [Осват, 1999, с. 233]. Поэтому здесь круг значений, связывавшихся со словом ‘русophobia’ и родственными ему словами, был, вообще говоря, шире, чем в Англии.

2.1. Немецкие аналоги понятия ‘русophobia’

Для Германии XIX в. характерно множество способов обозначения национально-политических фобий – при помощи не только латинских и греческих, но также собственно немецких корней [см. Норре, 2018]. Аналогами понятия ‘русophobia’ (Russophobie, 1836 г.) служили следующие наименования (в скобках приведена дата наиболее раннего известного нам упоминания):

- Russen-scheu (русобоязнь) (1831),
- Russenhaß (ненависть к русским) (1831),
- Russenfurcht (страх перед русскими) (1839),
- Russenfeindschaft (враждебность к русским) (1844),
- Russophagie (русофагия) (1844),
- Russenfresserei (русоедство) (1845).

Последний аналог был наиболее употребителен, остальные встречались редко, преимущественно в 1830–1840-е годы.

Два первых обозначения из этого ряда появились во время Польского восстания 1830–1831 гг. и обычно использовались в связи с польским вопросом. Слово ‘Russen-scheu’ принадлежало гессенскому либеральному политику Генриху Карлу Гофману (1795–1845). Так называлась статья, опубликованная летом 1831 г. в журнале Гофмана «Материалы к обсуждению отечественных дел». На заседании Баденского ландтага 24 марта 1831 г. одного из депутатов прервали, едва он начал говорить в пользу Польши и против России; комиссар правительства указал ему на опасность, грозящую Бадену, если Россия сочтет себя оскорбленной. Гофман так комментирует этот инцидент:

«...Поляки <...> доказали, что даже сегодня <...> нет ничего более неодолимого, чем твердая воля одушевленных людей, и с тех пор голова Медузы русского всевластия утратила свою парализующую силу. Страх (Angst) ушел; отвращение (Abscheu) осталось. Я говорю “отвращение” не потому, что я – или же мой народ, склонный оценивать другие народы более чем справедливо, – слеп к здоровой силе полудикого народа России, а равно к стремлению его правителей формировать и обрабатывать эту сырую массу. Напротив, друг человечества будет крайне обрадован, приглядевшись ближе к тому и другому. Но мракобесы и холопские души в Западной Европе в течение многих лет использовали силу России в качестве пугала, чтобы при помощи страха погрузить народы в сон, – уж точно не из уважения к колоссальному государству, которое так прочно и тесно объединяет столь разные народы, и которое, едва явившись глазам образованного мира, словно юный Геракл, убило дракона, напавшего на него в колыбели. Если Россия освободила Европу от тирании Наполеона, смирила варваров в двух частях света, освободила Грецию, – то во всем этом партия тьмы и корыстолюбия видит лишь свидетельство физической силы, страх перед которой должен сдерживать прогресс цивилизации в остальной Европе». «Пусть Россия справедливостью и умеренностью по отношению к Польше разоружит ненависть, устыдит презрение <...>. Россия уже ничего не достигнет в Европе угрозами; ей следует завоевать уважение и доверие; именно поэтому Франция, Англия и Северная Америка царят во всех сердцах <...>» [Hofmann, 1831, S. 59–60].

В контексте статьи ‘*Russen-scheu*’ можно перевести также, как ‘запугивание Россией’. Созданное Гофманом слово не утвердилось в языке. Нам известны лишь два позднейших примера его употребления, оба раза по поводу Англии, как перевод английского ‘*russophobia*’: «“*Courier*”, гордый орган вигов, 4 октября проповедовал против мании русофобии (*die Manie der Russen-scheu*)» [Mahmud und..., 1838, S. 1]; «...Бессмысленно и глупо пытаться привить нации “русофобию” (“*Russenscheu* (*Russophobia*)”), которая может без надобности вовлечь ее в войну» [Großbritannien, 1838].

Слово ‘*Russenhaß*’ также появилось в 1831 г. «Ненависть к русским была написана у него на лбу», – говорилось об одном из польских офицеров в книге Х. Харринга (1831)¹ [Harring, 1831, S. 20].

¹ Харро Поль Харринг (1798–1870), немецко-датский революционер и поэт; в 1828–1830 гг. служил юнкером в гвардейском уланском полку в Варшаве.

Наиболее значимый случай употребления этого слова мы находим в книге Генриха Гейне «О Людвиге Бёрне» (1840): «...Если Германия когда-либо снова встряхнется, а это рано или поздно случится, то едва ли уцелеет самое имя поляков – они полностью сольются с русскими <...>. Единственное приобретение, которым мы обязаны им, – ненависть к русским, которую они сеют среди нас и которая, постепенно возрастая в немецком сознании, объединит нас, когда пробьет великий час и нам придется защищаться от страшного великана, который покуда спит <...>, грезя о новой мировой империи. Однажды Германии придется сразиться с этим гигантом, а потому хорошо, что мы рано научились ненавидеть русских, и что эта ненависть умножилась в нас, и что все другие народы также ее разделят, – вот служба, которую сослужили нам поляки, вечно кочующие по свету как живая пропаганда ненависти к русским. Ох уж, несчастные эти поляки! когда-нибудь они окажутся следующими жертвами нашего слепого гнева; <...> они составят русский авангард и вкусят горькие плоды ненависти, которую сами же и посеяли» [Heine, 1840, S. 198].

‘Русские’ здесь – синоним русского самодержавного государства. «Русские, – писал Гейне в 1831 г., – славный народ, и я рад бы уважать и любить их; но после падения Варшавы, последней преграды меж ими и нами, они подошли к нам до ужаса близко» («Французские художники. Деларош») [Heine, 1855, S. 46].

В разгар революции 1848 г. одна из баварских газет писала по поводу призывов к войне за восстановление Польши: «Те, кто проповедует ненависть к русским, не ведают, что творят. В нашем веке ненависть к народам – варварство. Ненавидеть следует не людей, но систему, а ненависть к русским лишь упрочает систему. Через несколько лет Россия тоже пополнит ряды новых государств <...>» (т.е., надо понимать, реформированных в либеральном духе) [Frankfurt, 24. Juli, S. 830].

2.2. Понятие ‘руссофобия’ до Крымской войны

Слово ‘руссофобия’ (Russophobia) в немецкой печати появилось как перевод английского ‘Russophobia’. В сентябре 1836 г. в литературном прибавлении к газете «Allgemeine Literatur-Zeitung» была помещена рецензия на т. 6 «Всеобщей истории новейшего времени» Й. Мюнха. Раздел о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. был написан главным образом по материалам английской печати.

«Возможно, – замечает рецензент, – и он (автор. – К. Д.) не совсем чужд той *русофобии*, которой охвачены многие наши современники <...>» [Leipzig u. Stuttgart..., 1836, S. 657].

В июне 1837 г. «Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung» назвала «продуктом русофобии» предостережение «Morning Chronicle» перед угрозой высадки русского десанта в Британии [Russland's Heer..., 1837, S. 2]. Позднее та же газета сообщала, что англичане в Индии считают угрозу со стороны России реальной: «...В Калькутте, Мадрасе и Бомбее русофобия совершенно сбивает людей с толку» [Perspective..., 1838, S. 1].

Вскоре появляется слово ‘Russenfresser’ (‘русоед’) – аналог английского ‘Russophobist’ (‘русофоб’):

«То, что Франция довольно скоро протянет руку России, не вызывает сомнений; даже бывший русоед по имени “Courtier français”¹ <...> говорит только, что ради приличия не следует сразу вступать в новый брак, не выдержав хотя бы несколько месяцев траура по старому предмету любви» [Was gibt's..., 1840, S. 202];

«...Известные враги России Дарем и Моген² <...> вернулись из Петербурга на родину с предубеждениями в пользу России <...>. ...Эти русоеды превратились в конфузливых друзей России» [Koch, 1842, S. 15].

Фридрих фон Шмитт³ в своей официозной истории Польско-го восстания 1830–1831 гг. (1848) использует слово ‘русоед’ в значении ‘истребитель русских’, по образцу более раннего ‘Türkenfresser’ (1825) – букв. ‘туркоед’, калька с *неолат.* ‘turcophagus’:

«...Пруссак, которые, поверив обману газетных писак, каждого польского солдата считали Сидом или Баярдом, увидели, как более 20 000 этих яростных “русоедов” гонят через границу без сопротивления, словно стадо ягнят» [Smitt, 1848, S. 522].

С 1837 г. слово ‘русофобия’ стало использоваться и во внутригерманском контексте, преимущественно в консервативной печати. В январе 1837 г. берлинский корреспондент «Nürnberger Zeitung» сообщал: «...Русский император стал гражданином Берлина, приобретя в собственность здание русского посольства на Унтерден Линден; в подтверждение ему должны послать диплом гражданина в золотой оправе. <...> Для успокоения тревожных умов, кото-

¹ Либеральная ежедневная газета.

² Лорд Дарем (Д.Д. Лэмбтон), в 1835–1837 гг. – английский посол в России; Франсуа Моген, французский либеральный политик.

³ Ф. Шмитт (Смит) (1787–1865), русский историк немецкого происхождения.

рые в своей русофобии любой дружественный акт подобного рода готовы счесть усилением влияния России в нашем немецком отечестве, мы отмечаем, что наше Королевское Величество (т.е. прусский король Фридрих-Вильгельм III. – *К. Д.*) также является домовладельцем за границей, а именно в Париже; тем не менее до сих пор ни одному французцу не пришлось в голову усмотреть тут рост влияния Пруссии во Франции» [Politische Nachrichten, 1837, S. 2].

В 1840 г. рецензент либерально-консервативного «Литературного листка» замечает по поводу путевых очерков о Петербурге немецкого географа И.Г. Коля: «Издredка автор также позволяет себе немного русофобии, скорее чтобы поддразнить, словно бы желая поугаать политических недорослей в Германии просто ради шуток» [Neueste Schriften..., 1841, S. 348]. «Листок» выходил под редакцией известного критика Вольфганга Менцеля (1798–1873), прозванного «французоедом» (Franzosenfresser) за обличение пагубного влияния французских идей.

В 1841 г. католический богослов Франц фон Баадер, один из идеологов консервативного романтизма и проповедник экуменизма, опубликовал трактат «Восточный и западный католицизм». Французские и немецкие журналисты, пишущие о России, говорит Баадер, «часто страдали от недоброжелательности, даже настоящей русофобии, отчасти из-за воображаемой угрозы вторжения, мало того: поглощения Германии этими, как вам представляется, совершенно необразованными и пребывающими в унижительном рабстве варварами». Кроме того, русским «вменяют в вину то, что они столь неумолимо продвигаются в своем национальном становлении и, чтобы не отказаться от русских начал в пользу немецких или французских <...>, тоже позволяют себе самоутверждаться» [Baader, 1841, S. 9].

В начале 1840-х годов слово ‘руссофобия’ было в Германии уже настолько известно, что стало заглавием стихотворной сатиры Георга Гервега. Стихотворение «Руссофобия» вошло в расширенное издание его сборника «Стихи живого человека» (1842), необычайно популярного в революционно-демократических кругах. Оно построено в виде диалога; первый собеседник обращается к «отошедшим от политики духовидцам, башкироманам»:

Наша свобода будет [завоевана] здесь,
Никакой царь на своем Кавказе ее не выкует.

Другой отвечает:

Вы просто утратите ее слишком рано,
И ваши насмешки исчезнут сами собой,
Потому что все, все указывает на башкир.

Разве вы не бредите русскими стихами?
Не напрасно же Раупах уже сейчас
Выводит на сцену всю русскую историю!¹
[Herwegh, 1842, S. 165].

Авторским комментарием к этим стихам может служить отзыв Гервега о публицистике графа Адама Гуровского²: «...Истинный Спаситель должен явиться к нам из России! От всей души желаем русскому народу процветания и изобилия; но можно ли услышать что-либо более безвкусное, несуразное, более самонадеянное, чем это бахвальство русской политикой прогресса, глубинами полуазиатской премудрости? Европа, ушедшая далеко вперед, должна пойти в школу страны, где еще не решена борьба между абсолютизмом, боярством и крепостными массами <...>?» [Herwegh, 1844, S. 108].

Если в Англии дебаты о ‘русофобии’ (т.е. о русской угрозе) после 1841 г. и вплоть до Восточного кризиса 1850-х годов утратили прежнюю остроту, то в Германии дело обстояло иначе. «Россия, – замечает франкфуртская газета в 1843 г., – рассматривается всей Европой как общий враг, и при определенных обстоятельствах это верно (это утверждение <...> ни в коем случае не следует абсолютизировать, как делается у нас; русофобия в Европе сродни англофобии во Франции) <...>», т.е., по мысли автора статьи, обусловлена преходящими внешнеполитическими обстоятельствами [Orientalische..., 1843, S. 261].

В газете, которую издавал в Швейцарии леволиберальный публицист Х.Ф. Штётцнер (C.F. Stötzner), ‘русофобия’ связывается с национал-либеральной идеологией и ставится в один ряд с франко-

¹ Эрнст Раупах (1784–1852), автор трагедий «Княжна Хованская» (1820), «Крепостные, или Исидор и Ольга» (1826), а также драмы «Тимолеон Освободитель» (1814), где под именем Тимолеона выведен Александр I.

² Участник Польского восстания 1830–1831 гг., в эмиграции стал панславистом и апологетом русского самодержавия.

фобией: «Немецкость (Deutschthum) – это эпидемическая болезнь, которой мы страдаем уже 30 лет и симптомы которой крайне разнообразны: сначала non plus ultra¹ французество, поляколюбие (Polensympathie), русофобия и, наконец, конституционализм <...>» [Korrespondenznachrichten..., 1843, col. 808].

Католический публицист Людвиг Вёльтер также осуждает ‘русофагию’ национал-либералов: подлинный, христианский патриотизм «столь же далек от галлофобии и русофагии, <...> как и от связанного с ними чрезмерного превозношения национальных добродетелей и преуменьшения национальных недугов <...>» («Об особенностях христианского воспитания, 1846») [Völter, 1846, S. 51].

Юморист Генрих Гофман² иронизирует: «С малым запасом философии и большим – русофобии, нынче доберешься куда угодно» [Hoffmann, 1847, S. 6].

В предисловии к немецкому переводу французской книги о России (1844) ‘русофобия’ (т.е. русская угроза) признается «в высшей степени смехотворной». Знаменательно, что этот вывод делается на основании крайне негативной оценки российского государства и общества: «Столь дурно организованное целое, удерживаемое только кнутом и апатией, проистекающей от невежества, не может развить сколько-нибудь значительных сил во вне» [Marmier, 1844, S. VII].

Эдуард Кольбе³, неодобрительно высказываясь о «пароксизме французо- и русоедства», в то же время цитирует «Завещание Петра Великого» – вымышленный план установления господства России в Европе [Kolbe, 1847, S. 73, 266]. В Германии, несмотря на усилия консерваторов-‘русофилов’ (Philorussen), полагает Кольбе, «признается, что русизм (Russenthum) – возмутитель спокойствия в Европе, тюремщик мысли, дракон, препятствующий развитию немецкого национального самосознания, противник всякого движения в пользу свободы <...>». Преобладающая часть населения России – частные и государственные рабы, а остальные – «так называемые свободные» [ibid., S. 266, 267].

¹ Самое крайнее (лат.).

² Г. Гофман (1809–1894), писатель, публицист, автор популярной детской книжки «Степка-растрепка» («Struwwelpeter», 1845), сторонник конституционной Пруссии монархии.

³ Кольбе, проживший в России 33 года, в 1847 г. анонимно издал трехтомный труд «Внутренняя жизнь России».

Согласно консервативной баварской газете, «русоненавистничество и поляколюбие» (Russenhaß und Polenliebe) столь же пагубны для Германии, как космополитические идеи для Франции конца XVIII в. [Des Freiherrn..., 1851, S. 1294]. Прусский чиновник Август фон Гакстгаузен, автор капитальных трудов о России, замечает: «Конечно, мы хорошо понимаем, что русоед (Russenfresser) издавна доминировал в западной литературе, поэтому едва ли можно надеяться, что <...> высказанные нами истины <...> получают всеобщее признание в настоящее время» [Haxthausen, 1852, S. 370]. Здесь ‘русоедство’ понимается более широко – как негативный образ России и русских.

Консервативная печать, отвергая реальность русской угрозы, на первый план выдвигала угрозу со стороны Франции. Обозревателю ультраконсервативного еженедельника «Berliner politisches Wochenblatt» видит в ‘русофобии’ «искусственный продукт, созданный с особыми целями, тем очевиднее опасность, угрожающая с запада» – т.е. со стороны Франции, не оставляющей мысли о возвращении себе Рейнских провинций Пруссии [Preussens..., 1841].

Консервативно-католическая «Augsburger Postzeitung» также считает русскую угрозу призраком: «С тех пор как появился пентархист со своей системой¹, <...> сильнейшая русофобия охватила нас, немцев, более чем когда-либо; куда мы ни взглянем, мы видим лишь казаков да кнут, и вторжение с востока, подобное второму переселению народов через Центральную Европу на запад». «*Страху мерещатся призраки, и ощущение слабости заставляет вечно слышать на западе кукареканье галльского петуха, а на востоке – пощелкивание кнута*». Но если второстепенные германские государства «не желают бросаться в объятия Франции, какую державу следует им признать в качестве покровительницы, если не Россию?» [Rußland und..., 1843, S. 581, 582].

В самом начале революции 1848 г. в Мюнхене было опубликовано письмо к издателю «Аугсбургской газеты» с пометой: «Париж, 11 марта 1848». «Аугсбургская газета» обвинялась здесь в пропаганде «воскрешения Польши и ненависти к России» [Lettres à Monsieur..., 1848, p. I]. «...Когда французы господствуют на реке По, мы очень близки к тому, чтобы подвергнуться нападению на

¹ В анонимно опубликованной книге «Европейская пентархия» (1839) предлагалось разделить Европу на пять сфер влияния, по числу великих держав; сферой влияния России должен был стать Германский союз. Автором книги был К.Э. фон Гольдман, цензор при канцелярии графа И.Ф. Паскевича в Варшаве.

Рейне. <...> ...Не будем слишком потакать нашей русофобии. Русские оказали нам очень хорошие услуги, и, возможно, нам потребуются еще больше. Впрочем, если мы окажемся достаточно сильны, чтобы противостоять Франции в одиночку, мы также будем достаточно сильны, чтобы избавиться от наших вспомогательных войск с севера, как только они станут нам не нужны» [ibid., p. 9].

«Allgemeine Zeitung» считает вполне вероятной войну революционной Германии с Россией для восстановления Польши. «Поменьше декламации, поменьше русоедства на словах и побольше деятельной подготовки к почти неизбежной схватке с противником <...>» [Deutschland, 1848, S. 1665].

С противоположных позиций выступает консервативная баварская газета. Тезис об извечной враждебности славян к немцам соседствует здесь с осуждением 'русофобии' либеральной печати: «...Всем славянским племенам присуща глубокая, неистребимая ненависть к немцам. Эта ненависть имеет самые глубокие и непреходящие корни в сердцах упрямого польского народа. <...> Я утверждаю это не для того, чтобы присоединиться к невежественному крику пернатых русофагов (русоедов), которых так много во всех частях Германии; <...> глупы те, кто верит, будто Польша может когда-либо стать защитной стеной между нами и Россией. Старинный спор, разделяющий поляков и русских¹, – лишь крошечная трещина в сравнении с пропастью, зияющей между поляками и немцами» [Deutschland und..., 1848, S. 17]. Берлинский еженедельник «Grenzboten» также осуждает «бессмысленную русофобию» «наших радикалов и филистеров» [Vom Reich, 1848, S. 91].

Будущее России – «великая загадка нашего времени», замечает автор статьи, опубликованной в охваченной революцией Вене. «...Отклоняя обвинения в русофобии, мы должны признать, что пока Российская империя остается такой, какова она есть, мы не можем отрицать ее угрожающего значения в качестве компактного и могущественного государства по сравнению с Австрией и ее провинциями <...>» [Oesterreichs..., 1848, S. 449].

В базе немецкоязычной печати digitale-sammlungen.de период Крымской войны (1854–1856) отмечен всплеском упоминаний о 'русофобии / русоедстве', а затем наступает заметный спад. Эти упоминания связаны главным образом с Англией и английской

¹ «Старинный спор» здесь – оборот из пушкинского стихотворения «Клеветникам России», которое цитируется в статье.

прессой. Немецкие авторы (обычно консерваторы либо умеренные либералы) упоминают о ‘русофобии’ чаще всего критически.

Мюнхенский католический еженедельник в войне России против Турции видит «борьбу с Антихристом». «Отрицать это могут только партийные писаки и те, кто страдает русофобией. Несомненно, что Россия начинает войну с сильным религиозным чувством, а Англия и Франция – без него, единственно из соображений политической пользы» [Kirchliche..., 1854, S. 144].

Либеральная венская газета «Der Humorist»¹ пародирует лозунги ‘русоеда’: «Царь должен отречься от престола, и на его место приходит префект полиции с наполеоновской кухни. <...> ...Бессарабия терпит поражение в Иерусалиме и становится империей Ротшильдов» и т.д. [цит. по: Vermischte..., 1854].

«Allgemeine Zeitung» возмущается стихотворением «Война на Востоке» некоего Л. Женена из Марселя, который «в своем фанатичном русоедстве называет императора (Николая I. – К. Д.) “наемным убийцей”» [Frankreich. Paris..., 1854, S. 1578].

Умеренный социальный реформатор Виктор Эме Хубер в путевых заметках лета 1854 г. отмечает предрасположенность германского общественного мнения к Турции, выражаемую чаще не напрямую, а косвенно. Причиной тому «национальное тщеславие вкупе с революционной, квазиреволюционной и либеральной русофобией и русофагией» [Huber, 1855, S. 311].

В марте 1854 г. «Pfälzer Zeitung», пользовавшаяся поддержкой баварского правительства, писала: «Сегодня русоедство стоит на повестке дня. <...> Нельзя допустить дальнейших посягательств России в Европе, особенно <...> если царь решит присвоить территорию нижнего Дуная, <...> этой, в сущности, немецкой реки <...>» [Vom Rhein, 1854]. Однако в феврале следующего года та же газета порицает «либералов и демократов, раздувающих русоедство» и призывающих к войне с Россией вопреки воле основной массы баварцев [Ludwigshafen, 1855, S. 1].

Действие рассказа Г.А. Лютера «Крестьянин» (1857) происходит в баварской деревне летом 1855 г. «“Во вчерашней деревенской газете пишут, что у русских дела плохи”, — начал фермер. “Газета, газета, — пренебрежительно сказал пастор, — вечно она со своим русоедством. А я вам ручаюсь, что через год, когда русские проучат французов, эта газетенка запоет по-другому”» [Luther, 1857,

¹ Выходила под редакцией известного писателя-юмориста Морица Готлиба Сафира.

S. 107]. Но тут приносят номер газеты с известием о падении Севастополя – ко всеобщей радости жителей, кроме одного пастора.

В кукольном фарсе Альберта Хопфа «Шалопай в Крыму, или Разрушение Севастополя» (Берлин, 1855¹) высмеиваются все участники конфликта – французы, турки, русские и случайно оказавшиеся в Севастополе шалопай-берлинцы:

«– Скажи прямо, ты друг русских или русоед (ein Russenfreund oder ein Russenfresser)?»

– Русоед? Тьфу, черт подери, они, должно быть, на вкус отдают чесноком! Я им не друг и не враг!» [Hopf, 1855, S. 12].

2.3. ‘Русофобия’ и ее критики после Крымской войны

Осенью 1855 г. нюрнбергская газета опубликовала статью об итогах Крымской войны под загл. «Благотворное унижение». Статья была написана немцем, ранее жившем в России. «Мы не русоеды и не испытываем ни малейшего удовольствия от того, что полмиллиона несчастных русских стали жертвами этой войны <...>. В наших глазах это печальное, но, к сожалению, необходимое зло; ибо, увы, нет других средств обезвредить политику России. Но <...> политика России коренится не в каких-либо национальных устремлениях русского народа; она главным образом дело рук русского правительства», «безусловного и неограниченного самодержавия». Представление о воинственных русских, жаждущих завоеваний, – «большая ложь, <...> распространяемая заядлыми русоедами под видом устрашающей истины». Русские ни в коей мере не противники западной цивилизации; всякий образованный русский стремится овладеть плодами европейской культуры. «А раз так, не смешно ли называть русский народ врагом Европы?» [Die heilsame..., 1855].

«...Военные успехи в Крыму, – согласно национал-либеральной газете «Богемия» (Прага), – развенчали <...> страх перед непобедимостью России, а вместе с русофобией (в Австрийской империи. – К. Д.) сильно приутихло выискивание русофилов и объявление ересью всего, что напоминает русизм <...>» [Local- und Provinzialchronik, 1857].

О русской угрозе как главном препятствии объединению Германии продолжали говорить «люди 1840-х годов» из круга де-

¹ Фарс имел немалый успех и выдержал 137 представлений.

мократов-республиканцев, многие из которых оказались в эмиграции. Эту позицию наиболее отчетливо выразил Генрих Бернгард Оппенгейм¹: «Если русофобия, если страх перед французской жаждой завоеваний могут помочь немецкому стремлению к единству обрести крылья, то да будут благословенны эти порожденные страхом образы!» [Oppenheim, 1857, S. 34–35].

Среди деятелей этого круга наименование ‘русофоб’ нередко применялось к Карлу Блинду², Юлиусу Фрëбелю³ и Сигизмунду Людвигу Боркгейму (Боркхейму)⁴. К. Маркс не без иронии имену-ет Блинда «“страшным” русофобом и “республиканцем”» (письмо Ф. Энгельсу от 15 декабря 1854 г.) [Маркс, Энгельс, 1962, с. 352]. 24 октября 1868 г. Маркс писал Энгельсу: «Боркхейм, руссофобия которого (я привил ее ему как самое невинное противоядие, чтобы дать выход его излишней жизненной энергии) принимает опасные размеры <...>» [Маркс, Энгельс, 1962, с. 152].

Сам Боркгейм был готов признать свои взгляды ‘русофобскими’, но в строго определенном, а именно внешнеполитическом контексте: «...Людам, обсуждающим подобные политические вопросы в моем духе, приписывают русофобию, и совсем недавно ректор шотландского университета, известный член английской Палаты общин, <...> заявил, что эта болезнь время от времени поражает именно немцев. Действительно, русских не следует бояться, когда они остаются в одиночестве; но они становятся устрашающими благодаря союзам с европейскими правительствами или партиями. <...> ...То, что моя разновидность русофобии не беспочвенна, подтверждается ее (России. – К.Д.) легким завоеванием шведских, турецких, татарских, персидских земель, изгнанием или подавлением народов Азиатского нагорья и особенно замышляемым ею уничтожением Польши». Европейские нации должны совместно противостоять «дальнейшим завоеваниям русских в Европе», в крайнем случае – «с применением вооруженной силы» [Borkheim, 1868, S. 18, 25].

¹ Г.Б. Оппенгейм (1819–1880), в 1840-е годы радикальный демократ, затем национал-либерал.

² К. Блинд (1826–1907), журналист, революционер, после 1849 г. в эмиграции.

³ Ю. Фрëбель (1805–1893), геолог, в 1840-е годы революционер-демократ, по возвращении из эмиграции в 1857 г. – сторонник «великогерманского» пути объединения Германии, после поражения Австрии в австро-прусской войне (1866) выбрал прусскую ориентацию.

⁴ С.Л. Боркгейм (1826–1885), демократ, участник революции 1848–1849 гг., друг К. Маркса.

В памфлете Карла Фогта¹ против «Allgemeine Zeitung» читаем: «Его (Фрёбеля. – К. Д.) причуда, которую он проповедует с пугливостью мономана, – русофобия. Тут он уподобляется Блинду: обоих лишают сна призрачные казаки с кнутами наперевес, представляющиеся их возбужденному воображению. Судьба будущих поколений, которые будто бы неизбежно падут под натиском русизма, страшит их больше, чем несчастья ныне живущих» [Vogt, 1859, S. 220–221].

Блинд счел нужным уточнить свою позицию: «Моя русофобия заключается в том, что я годами обличал уловки петербургской дипломатии и боролся с чванливыми или оплаченными рассуждениями о московской миссии омоложения мира как полным вздором». «Интриги русских в Венгрии», согласно Блинду, «пагубны для дела венгерской независимости и опасны для Европы», а потому Германии следует вооружиться [Blind, 1860].

Фрёбель рассуждал уже в иных категориях – в категориях, говоря позднейшим языком, «столкновения цивилизаций». Европе в равной мере противостоит «славяно-тюркский (slavisch-tatarische) мир» и Америка как молодые, экспансионистские государственно-культурные образования. «Славяно-тюркский мир» пока активно представлен только Россией. Цивилизационная молодость России объединяет ее с Америкой. При этом отныне опасность для Запада представляет не «европеизированный царизм», а «все еще темный славянский дух». Именно панславизм как новое учение и даже как новая религия – «заклятый враг западной цивилизации» [Fröbel, 1859, S. 50, 53, 59].

В либеральной и консервативной печати после Крымской войны тема ‘русофобии’ отходит на второй план, а на первый выдвигается французская угроза. «Французское преобладание гораздо реальнее и опаснее русского, – отмечает в 1860 г. консервативный штутгартский журнал. – <...>. Громада русской мощи <...> движется медленно <...>. Оказаться – не такое уж скорое дело, хотя мы никоим образом не можем согласиться с теми идеалистами, которые ныне пытаются выставить русофобию смехотворной с тем же пылом, с каким десять лет назад раздували ее во все горло» [Ueber Coalitionen, 1860, S. 35].

¹ К. Фогт (1817–1895), немецкий естествоиспытатель, философ, участник революции 1848 г.; в 1850-е годы склонялся к ориентации на бонапартистскую Францию.

В год создания Германской империи фритредерский «Квартальник народного хозяйства...» констатировал: «В Европе имеются <...> русофилы и русофобы. Те и другие в упадке, но время от времени все еще слышны. Русофилы <...> из них глупее, <...>, а русофобы шумнее». «...Мы не видим в настроениях русского народа причин для русофобии». «...Продвижение России в Азии, как нам кажется, лишь отвечает интересам культуры и, прежде всего, интересам Германии. <...> ...Русские – европейский культурный народ, а не азиатские полукочевники» [Parteien und..., 1871, S. 155, 157]. В военном отношении Россия «просто карлик» в сравнении с Британией, если та решит использовать всю свою силу. «Все действительные угрозы в Европе, как и всегда, коренятся в отношениях между Германией и Францией <...>» [ibid., S. 158].

Пять лет спустя в консервативной «Leipziger Zeitung» читаем: «Тот самый ходячий либерализм, который двадцать лет назад отличался самым ожесточенным русоедством, ныне видит надежнейшую и прочнейшую гарантию достижений недавнего прошлого (т.е. объединения Германии. – К. Д.) в союзе трех императоров и в теснейшей близости с Россией, “единственным совершенно надежным друге Германии!”» [Der wahre..., 1875, S. 397].

‘Русофобия’ нередко сближается с ‘пруссофобией’ (Borusso-phobie): «Русофобия (родная сестра пруссофобии)», – говорилось в памфлете, подписанном «Австрийский немец» [Zur Orientalischen..., 1876, S. 9].

Либеральная «Neue Wiener Presse» пишет: «О новой, прусской Германии всегда говорят как о могущественной военной державе» (т.е. державе милитаристской, угрожающей европейскому равновесию). «Эта пруссофобия походит на русофобию двадцатых годов, о которой сегодня никто не говорит; и пугало пруссофобии точно так же <...> мало-помалу сойдет на нет» [Wien, 10. April, 1875, S. 1].

Резко враждебное отношение к России и Пруссии как оплотам европейской реакции неизменно проявляла социал-демократия. Франц Меринг, будущий идеолог левых социал-демократов, а в 1870-е годы национал-либерал, замечает: «Либкнехт – министр иностранных дел немецкой социал-демократии; правда, единственная мерка, с которой он подходит к международной политике, – это пруссоненавистничество и русофобия (Preußenhaß und Russophobie)» [Mehring, 1878, S. 32].

Осенью 1877 г. «Прусский ежегодник» (орган национал-либералов, выходивший под редакцией Г. фон Трейчке) так оцени-

вал предварительные итоги русско-турецкой войны: «В 1850 году, когда <...> Пруссии пришлось отказаться от идеи [германского] союза под диктатом царя, роль последнего в Германии сравнивали с ролью Филиппа Македонского по отношению к грекам». Это сравнение стало совершенно бессмысленным после создания Германской империи. Нынешняя война показала недостаточность наступательной военной мощи России. «Никто уже не поверит в то, что она может запросто положить Европу себе в карман. Русофобия утратила смысл» [Politische Correspondenz, 1877, S. 465].

Со времени Восточного кризиса конца 1870-х годов основная часть упоминаний о 'русофобии' в немецкой печати связана с англо-русскими отношениями. Слово 'русоедство' практически выходит из обихода. Действие романа Ганса Гофмана «Слава!..» происходит в Померании. «...В этих краях, – замечает повествователь, – не слыхали о какой-то особой русофобии, напротив, очень любили российские ценные бумаги» [Hoffmann, 1891, S. 4].

Это, разумеется, не значит, что негативный образ России утратил всякое значение в немецком обществе, но его роль в качестве фактора консолидации общественно-политических групп резко упала¹. Положение стало меняться лишь накануне и особенно – в годы Первой мировой войны.

Список литературы

- Заиченко О.В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: дис. на соиск. степени канд. ист. наук. – Москва: Ин-т всеобщей истории РАН, 2004. – 317 с.
- Заиченко О.В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. – Москва: Наука-М, 2001. – Вып. 2. – С. 92–109.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – Изд. 2-е. – Москва: Политиздат, 1962. – Т. 28. – 767 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. – Изд. 2-е. – Москва: Политиздат, 1964. – Т. 32. – 804 с.
- Осват А.Л. Элементы политической мифологии Тютчева (комментарий к статье 1844 г.) // Тютчевский сборник II. – Тарту: Кафедра рус. лит. Тартуского ун-та: Ин-т славянских языков Стокгольмского ун-та, 1999. – С. 227–263.

¹ Схожие выводы, преимущественно на другом материале, формулирует О.В. Заиченко [Заиченко, 2001; Заиченко, 2004]. К сожалению, в ее содержательном исследовании понятие 'русофобия' используется в неотрефлексированном виде, в весьма различных значениях.

- Baader F. von.* Der Morgenländische und Abendländische Katholicismus. – Stuttgart: Köhler, 1841. – 168 S.
- Blind K.* Gegen Karl Vogt // Allgemeine Zeitung. – Stuttgart; Augsburg, 1860. – 13 Februar. – S. 722.
- [*Borkheim S.L.*] Meine Perle vor dem Genfer Congress. Von einem proletarischen Diplomaten. – Zürich: Verlags-Magazin, 1868. – X, 11–25 S.
- Der wahre Sachverhalt der Mission des Fürsten Menschikow nach Konstantinopel vor Ausbruch des Krimkriegs // Leipziger Zeitung. Wissenschaftliche Beilage. – Leipzig, 1875. – N 65, 15 August. – S. 393–397.
- Des Freiherrn von Haxthausen Studien über Rußland // Neue Münchener Zeitung. – München, 1851. – 10 Juli. – S. 1294–1295.
- Deutschland // Allgemeine Zeitung. – Stuttgart; Augsburg, 1848. – 13.04. – S. 1665–1666.
- Deutschland und das Slaventhum // Würzburger Conversationsblatt. – Würzburg, 1848. – 18 Mai; [Anhalt:] Der deutsche Volksfreund. – N 5. – S. 17–18.
- Die heilsame Demüthigung // Fränkischer Kurier. – Nürnberg, 1855. – 2 November. – S. 1.
- Frankfurt, 24. Juli // Bayreuther Zeitung. – Bayreuth, 1848. – 28 Juli. – S. 829–830.
- Frankreich. Paris, 6 April // Allgemeine Zeitung. – Stuttgart; Augsburg, 1854. – 9 April. – S. 1578–1579.
- Fröbel J.* Amerika, Europa und die politischen Gesichtspunkte der Gegenwart. – Berlin: Springer, 1859. – 213 p.
- [*Goldmann K.E. von.*] Die europäische Pentarchie. – Leipzig: Wigand, 1839. – VI, 442 S.
- Großbritannien. London, 6. November // Bayreuther Zeitung. – Bayreuth, 1838. – N 272, 16 November. – S. 1087.
- Harring H.P.* Erinnerungen aus Warschau: Nachträge zu den Memoiren über Polen. – Nürnberg: C. Mosig, 1831. – 279 S.
- Haxthausen A. von.* Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands. – Hannover; Berlin: Hahn, Behr, 1852. – 3. Theil. – VIII, 640 S.
- Heine H.* Sämmtliche Werke. – Amsterdam: Binger & Söhne, 1855. – Bd. 6: Der Salon. 1. Theil. – XVI, 215 S.
- Heine H.* Über Ludwig Börne. – Hamburg: Hoffman und Kampe, 1840. – 378 S.
- [*Herwegh G.*] Gedichte eines Lebendigen. – 4. Aufl. – Zürich; Winterthur: Verlag des literarischen Comptoirs, 1842. – 202 S.
- [*Herwegh G.*] Polen's Zukunft und der Graf Gurowski. (Von R. Nauwerk.) [Rezension] // Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz / [Hrsg. von Georg Herwegh]. – Glarus: F. Schmid, 1844. – Bd. 1. – S. 99–110.
- Hoffmann, Hans.* Ruhm!: Novelle. – Berlin: Paetel, 1891. – 197 p.
- Hoffmann, Heinrich.* Eine Kartoffelkomödie // Hoffmann H. Humoristische Studien. – Frankfurt am Main: Literarische Anst., 1847. – S. 1–98.
- Hofmann H.K.* Russen-Scheu // Beiträge zur Erörterung vaterländischer Angelegenheiten. Gesammelt und herausgegeben von Heinrich Karl Hofmann. – Darmstadt: Leske, 1831. – Bd. 1, Lieferung 1. – P. 57–60.
- Hopf A.* Die Bummler in der Krimm oder: Die Zerstörung Sebastopols, orientalisches Puppenspiel mit Gesang und Tanz in 2 Akten. – Berlin: A. Hopf, 1855. – 16 S.
- Hoppe G.* Bezeichnungs- und Benennungstraditionen der griechischen Antike und ihre Bedeutung für die Entwicklung von Einheiten der Wortbildung lateinischer

- Sprachstufen und kontrastierender moderner europäischer Sprachen. – Mannheim: Eigenverlag des Instituts für Deutsche Sprache, 2018. – 550 S.
- Huber V.A.* Reisebriefe aus Belgien Frankreich u. England im Sommer 1854. – Hamburg: Rauhen, 1855. – Bd. 1. – 364 S.
- Kirchliche Nachrichten. Deutschland // Der katholische Volksfreund. – München, 1854. – N 18, 29. April. – S. 143–144.
- Koch K.* Reise durch Rußland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. – Stuttgart, Tübingen: Cotta, 1842. – XII, 542 S.
- Kolbe E.* Russland und Deutschland. – Leipzig: Brockhaus, 1847. – Theil 1. – XIV, 272 S.
- Korrespondenznachrichten und Miszellen. Frankfurt a. M., den 6. Dezbr. 1843 // Der Vorläufer. – *Schaffhausen*, 1843. – N 100, 16 December. – Col. 808–811. – Подпись: W.M.
- Leipzig u. Stuttgart, h. Scheible: Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit <...> durch Joseph Münch // Ergänzungsblätter zur Allgemeinen Literatur-Zeitung. – Halle; Leipzig, 1836. – N 83, September. – S. 657–658.
- Lettres à Monsieur le Dr. Gustave Kolb, Rédacteur de la Gazette Universelle d'Augsburg. – Munich: Franz, 1848. – II, 20 p.
- Local- und Provinzialchronik // Bohemia. – Prag, 1857. – N 122, 23 Mai. – S. 746.
- Ludwigshafen, 26. Febr. // Pfälzer Zeitung. – Ludwigshafen, 1855. – 28 Februar. – S. 1–2.
- Luther G.A.* Der Hofbauer // Luther G.A. Geschichten aus dem jetzigen Volksleben. – Leipzig: Kollmann, 1857. – Bd. 2. – S. 1–108.
- Mahmud und Mehemed. (Zweiter Artikel) // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt, 1838. – N 280, 10. October. – S. 1–2.
- Marmier X.* Rußland, Finnland und Polen: Schilderungen über Adel, Leibeigenschaft, Polizei, Schul- und Unterrichtswesen, Literatur, Klöster u.s.w. – Regensburg: Manz, 1844. – Bd. 1. – XII, 298 S.
- Mehring F.* Sozialistische Chronik // Die Grenzboten. – Leipzig, 1878. – N 14, 28. März. – S. 26–33.
- Neueste Schriften über Rußland. Petersburg in Bildern und Skizzen von J.G. Kohl. <...>. Dresden und Leipzig, Arnold, 1841 [Rezension] // Morgenblatt für gebildete Leser. Literaturblatt. – Stuttgart; Tübingen, 1841. – N 87, 27. August. – S. 345–348.
- Orientalische Eventualitäten // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt/a./M, 1843. – N 33, 2. Februar. – S. 261–262.
- Oesterreichs Weltstellung // Der Oesterreichische Zeitung. – Wien, 1848. – 2. April. – S. 449–450.
- Oppenheim H.B.* Deutschlands Noth und Ärzte. – Berlin: Huber, 1857. – 64 S.
- Parteien und Politik des modernen Russland. Ans dem Englischen von S.L. Borkheim. [Rezension] // Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft, Politik und Kulturgeschichte. – Berlin, 1871. – Bd. 36. – S. 155–158.
- Perspective des Whig cabinets // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt, 1838. – N 335, 5. Dezember. – [S. 1–2].
- Politische Correspondenz. Berlin, den 2. October 1877 // Preußische Jahrbücher. – Berlin, 1877. – Bd. 40, Heft 4. – S. 461–470.
- Politische Nachrichten // Nürnberger Zeitung. – Nürnberg, 1837. – N 21, 21. Januar. – S. 2–4.

- Preussens Stellung // Berliner politisches Wochenblatt. – Berlin, 1841. – N 2, 9 Januar. – S. 8.
- Rußland und Deutschland // Augsburger Postzeitung. – Augsburg, 1843. – N 313, 9 November. – S. 581–582. – Подпись: Auch ein Deutscher.
- Russland's Heer und Flotte // Frankfurter Ober-Post-Amts-Zeitung. – Frankfurt/a/M., 1837. – N 170, 21. Juni. – S. 1–2.
- Smitt F. von.* Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 und 1831. – Berlin: Duncker und Humblot, 1848. – XX, 627 S.
- Ueber Coalitionen // Deutsche Vierteljahrs-Schrift. – Stuttgart; Cotta, 1860. – Heft 2. – S. 31–92. – Перепеч. в «Allgemeine Zeitung» от 29 мая 1860.
- Vermischte Nachrichten // Pfälzer Zeitung. – Ludwigshafen, 1854. – 22. Juli. – S. 3.
- Vogt C.* Mein Prozess gegen die Allgemeine Zeitung. – Genf: Selbst-Verl. des Verf., 1859. – VIII, 236, 42 S.
- Völter L.* Beiträge zu einer christlichen Pädagogik. – Heilbronn: Drechsler, 1846. – IV, 126 S.
- Vom Rhein, 15. April // Pfälzer Zeitung. – Ludwigshafen, 1854. – 16. April. – S. 1.
- Vom Reich // Die Grenzboten. – Berlin, 1848. – 2. Semester, Bd. 3. – S. 87–92.
- Was gibt's Neues? // Der Eilbote: Tageblatt. – Landau (Pfalz), 1840. – S. 201–203.
- Wien, 10. April [Leitartikel] // Neue Wiener Presse. – Wien, 1875. – N 3816, 11 апреля. – S. 1–2.
- Zur Orientalischen Frage. Ein Mahnruf an die öffentliche Meinung. Von einem Deutschen in Oesterreich. – 2. Aufl. – Berlin: Luckhardt, 1876. – 14 S.

3. Понятие ‘русophobia’ в России от Нессельроде до Шафаревича

Различные оттенки понятия ‘русophobia’ в России мы проследим на протяжении полутора веков, с конца 1830-х до середины 1980-х годов, хотя и с весьма существенной оговоркой. В предыдущих главах о понятии ‘русophobia’ использовались обширные оцифрованные базы англоязычной и немецкоязычной печати XIX в. Репрезентативных баз русской дореволюционной и позднейшей эмигрантской печати не существует, поэтому данная глава в гораздо большей степени носит пунктирный характер, это лишь первый подступ к основательному изучению проблемы.

3.1. Понятие ‘русophobia’ в дореволюционный период

Первыми о ‘русophobia’ (Russophobia) заговорили английские радикалы в начале 1836 г. Очень скоро слово появляется в немецкой и французской печати (die Russophobie, la russophobie).

В разделе «Смесь» февральского номера «Библиотеки для чтения» за 1838 г. сообщалось, что «известный руссофоб¹, г. Urqhart», доложил в Лондонском географическом обществе результаты своих наблюдений о путях распространения чумы в Турции [Места..., 1838, с. 117]. Прозвище ‘руссофоб’ (Russophobist, позднее также Russophobe) дипломат и публицист Дэвид Уркварт (1805–1877) получил в английской печати; имелась в виду его яростная критика русской внешней политики и пропаганда тезиса о русской угрозе.

Министр финансов Е.Ф. Канкрин также упоминает о ‘руссофобии’ в связи с англо-русскими отношениями: «Руссофобия газет доходит до безумия. Англичане утверждают, что Россия хочет Константинополя <...>» (дневниковая запись от 27 июля / 8 августа 1840 г. в Бад Гаштейне, Австрия; в оригинале по-немецки) [Kankrin, 1865, S. 69 (2-я pag.)].

Большая часть других известных нам упоминаний слова ‘руссофобия’ у русских авторов до 1870-х годов включительно встречается в текстах на французском и немецком языках.

В 1839 г. в Лейпциге была издана, без указания автора, книга «Европейская пентархия», принадлежавшая перу К.Э. фон Гольдмана, цензора при канцелярии графа И.Ф. Паскевича в Варшаве [Goldmann, 1839]. Здесь предлагалось разделить Европу на пять сфер влияния, по числу великих держав. Сферой влияния России должен был стать Германский союз, что никак не могло понравиться не только сторонникам единой Германии, но и правительствам Пруссии и Австрии. Министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде поначалу книгу одобрил, но 25 ноября 1839 г. русский посланник в Берлине П.К. Мейендорф сообщил ему, что в Пруссии «*Пентархия* возбудила против нас много брани» [цит. по: Осповат, 1990, с. 245]².

В ответном письме от 3 декабря 1839 г. граф отыграл назад: «Действие, произведенное *Пентархией*, – это вода на мою мельницу; Вы знаете, я всегда полагал, что нельзя отвечать на диатрибы зарубежных газет. Мне еще не случалось видеть, чтобы книги и статьи,

¹ Слова ‘руссофоб’, ‘руссофобия’ и т.д. вплоть до 1930-х годов писались с двумя ‘с’, как в западноевропейских языках.

² О том же, и тоже с сожалением, писала четыре года спустя консервативно-католическая «Augsburger Postzeitung»: «С тех пор как появился пентархист со своей системой, <...> сильнейшая руссофобия охватила нас, немцев, более чем когда-либо; куда мы ни взглянем, мы видим лишь казаков да кнут, и вторжение с востока, подобное второму переселению народов через Центральную Европу на запад» [Rußland und ..., 1843, S. 581, 582].

написанные в нашу пользу, переубедили кого-либо; русофобия (la russophobie) пройдет, как и прочие безумства нашего века, и наступит время, когда нас будут любить так же, как ненавидят сегодня; нужно лишь ждать и жить» [Nesselrode, 1908, p. 296]. Здесь «мы» – Россия как государство, проводящее определенную внешнюю политику.

Слово ‘руссофобия’ вне контекста межгосударственных отношений, в значении «враждебное, предвзятое отношение к России и русским», встречается в заметке П.А. Вяземского «Еще несколько слов о работе г-на Кюстина “Россия в 1839 году” по поводу статьи в “Le Journal des Debats” от 4 января 1844 г.» (опубл. в 1967 г.). Вяземский уподобляет Кюстина «...страдающему <...> *Руссофобией*» (atteint <...> de *Russophobie*) трактирщику из Любека, упомянутому в гл. 4 книги Кюстина, который, никогда не бывав в России, полагает, что Россия – «дурная страна» [Vyazemsky, 1967 p. 267]. (Заметим, что трактирщик у Кюстина приходит к такому выводу не априорно, а потому что едущие из России в Европу выглядят весело, словно вырвались из клетки, а возвращаясь, имеют вид мрачный и озабоченный.)

Многое из сказанного де Кюстином о России Вяземский говорил и сам – разумеется, не в печати. Тютчев двумя десятилетиями ранее высказывался едва ли не резче, чем сам Кюстин: «В России канцелярия и казарма», «все движется около кнута и чина» (по записи в дневнике М.П. Погодина от 20–25 июня 1825 г.) [Барсуков, 1888, с. 310].

Знаменательно, что три года спустя после своего неопубликованного возражения де Кюстину Вяземский обвиняет славянофилов в ненависти к Западу; можно было бы сказать: в ‘западофобии’. «Как пруссаки ненавидят нас потому, что мы им помогли и выручили их из беды, так наши восточники ненавидят запад» (дневник, запись 15 августа 1847 г.) [Вяземский, 1963, с. 299].

В современной России ‘руссофобия’ устойчиво ассоциируется с именем де Кюстина. Между тем в европейской, да и русской печати XIX в. слова из этого ряда, насколько мы можем судить, крайне редко встречаются в связи с его книгой. Одно из немногих исключений – свидетельство австрийского публициста Франца Шуфельки¹, согласно

¹ Ф. Шуфелька (1811–1886), в 1848 г. – депутат Франкфуртского парламента, участник Венского восстания.

которому в Германии «Кюстина ценили за то, что он выступил как будто на стороне немцев. Французоедство вышло из моды, <...> а русофагия стала коньком всех немецких либеральных газет» [Schuselka, 1844, S. 41].

В 1844 г. в Париже увидел свет памфлет агента III Отделения Якова Толстого «Россия в 1839 году, привидевшаяся г-ну де Кюстину». В памфлете нет слов ‘русофобия’ или ‘русофоб’, зато многократно говорится о страхе Кюстина перед Россией. Верно то, что страх, пронизывающий атмосферу жизни Николаевской империи, – сквозной мотив «России в 1839 году»; этот страх передается и постороннему наблюдателю. Я. Толстой, однако, видит тут, говоря современным языком, фобию, обусловленную психологическими комплексами самого маркиза: «Г-н де Кюстин всего боится; но он наслаждается своим страхом <...>»; «Он предпочел провести несколько месяцев, которые он посвятил нам, чтобы бояться всего, и отомстить за этот страх, оклеветав нас <...>» [Tolstoï, 1844, p. 67].

В отклике немецкого еженедельника «Grenzboten» на памфлет Я. Толстого ‘русофобия’ – синоним ‘страха перед русскими’ (russenfurcht), причем это понятие связано с ходом мыслей самого Толстого: «В своем сочинении против Кюстина Толстой оппонировал страху перед русскими. Это разумно и естественно со стороны русского агента. Но стоит ли верить, что существуют немцы, по своему добродушию считающие русофобию смехотворной и удивляющиеся антироссийской мобилизации немецкой печати? <...> Страх перед русскими можно выставлять на смех, если он порожден фантастическими видениями “солдатского переселения народов”, мирового господства казаков. Но <...> страх перед русскими – не то слово, которым можно охарактеризовать чувства, преобладающие по отношению к Петербургу. Надеюсь, никто не поверит, что мы боимся героизма, непобедимого духа и моральной силы великого и свободного русского народа. <...> Россию бояться не как честного врага, а как (непрощенного. – К. Д.) друга семьи, доносчика, натравливателя, соглядата и сеятеля всяческого недоверия и разногласий. Неужели немецкие университеты, немецкая печать, немецкие конституции никогда не ощущали северного влияния, веющего ночным холодом?» [Notizen, 1844, S. 392].

Тогда же в немецкой печати цитировалась неназванная английская газета, в которой книга де Кюстина оценивается как аргумент в пользу *безосновательности* ‘русофобии’, т.е. страха перед

русским могуществом: «Когда несколько лет назад русофagia¹ достигла высшей точки, мы утверждали, что в этой книге мы находим еще одно подтверждение того, что в Российской империи отсутствуют все условия для того, чтобы стать универсальной монархией. Вольтер открыл, Наполеон доказал слабость России» [Vom Main, 1844, S. 197–198].

Судя по выборочному просмотру болгаринской «Северной пчелы»² эпохи Крымской войны, слово ‘русофобия’ там не использовалось, хотя, безусловно, было известно Булгарину из английской и французской печати. Об этом явлении он говорит описательно, в том же значении и в тех же выражениях, что и английские критики ‘русофобии’: «*страшный призрак*, который не дает Англии покоя ни днем ни ночью» (т.е. угроза владычеству Англии в Индии и Центральной Азии) [Булгарин, 1854 а, с. 253]. «Они создали себе, разумеется, в воображении, какой-то страшный призрак (*fantôme*), назвали его *Россией*, поверили на слово политическим комедиантам, будто Россия хочет завоевать Турцию и Италию <...>» [Булгарин, 1854 б, с. 543]. Соответственно, слово ‘русофил’ в значении «критик русофобии» заменяется русским эквивалентом: английские газеты «всех благоразумных людей в Европе <...> называют русскими приверженцами» [Булгарин, 1854 в, с. 1269].

После Крымской войны и начала Великих реформ образ России в европейском общественном мнении претерпел существенные изменения. Русский дипломат Василий Сергеевич Неклюдов в памфлете, напечатанном по-французски в 1862 г., под ‘русофобией’ понимает критику николаевского царствования: «Есть <...> во Франции партия, <...> в которой г-н де Мазад, несомненно, считается искуснейшим пером, партия, для которой русофобия – простите мне это выражение – стала сектантским убеждением, а ненависть к императору Николаю служит символом веры» [Neklyudov, 1862, p. 24].

Имелась в виду статья писателя и публициста Шарля де Мазарда (1820–1893) в «*Revue des Deux Mondes*», в которой дается

¹ В английском оригинале использовалось, вероятно, слово ‘Russophobia’.

² Единственная в то время газета на русском языке, имевшая политический отдел.

вполне доброжелательная оценка положения дел в России. Автор с осторожным оптимизмом смотрит на преобразования Александра II, противопоставляя их курсу предыдущего царствования, когда «Россия <...> была великой неизведанной страной, за пределами цивилизованного и европейского круга, с закрытой внутренней жизнью, полной загадок» [Mazade, 1862, p. 257]. Крымская война сыграла «своего рода цивилизаторскую и либерализующую» роль, став «отправной точкой того неожиданного движения, которое мы наблюдаем сегодня и которое *породило новую нацию*» (курсив наш. – К. Д.) [ibid., p. 259]. В современной России де Мазад находит сходство с Францией кануна 1789 г., а гарантию против революции видит в продолжении реформ.

Памфлет Якова Толстого «Франция и Россия», написанный в разгар Польского восстания 1863 г., начинается с заявления: «Ряд французов страдают тяжелым заболеванием – русофобией. Симптомы вызывают тревогу, и болезнь, если не принять меры, может перейти в хроническую форму» [Tolstoï, 1863, p. 5]. Множество раз употребленные в памфлете выражения ‘русофобия’, ‘русофобы’, ‘русофобские газеты’ характеризуют враждебность французского общественного мнения к России в связи с восстанием.

В другом русском официозном сочинении, опубликованном за подписью «Alexandre de Moller», «одним из самых абсурдных образцов полонофильской русофагии (la russophagie)» названы сочинения Ф. Духиньского¹ [Moller, 1865, p. 447 (2-я паг.)].

В разгар Восточного кризиса 1870-х годов в Берлине на немецком языке вышел обширный памфлет «Русофобия в Восточном вопросе» за подписью «Eugen Vasil'ev» (вероятно, псевдоним). Ряд немецких газет обвинялся здесь в «туркомании и славянофобии, высшей точкой которой является русофобия» [Vasil'ev, 1877, S. 126]. Больше всего досталось «Аугсбургской газете»², виновной, по мнению автора, в ‘русофобии’ и ‘галлофобии’ одновременно: «Было время, когда аугсбургжанка была более русской, чем “Journal de St. Petersbourg”»³ <...>. Тогда она была еще молода, миниатюрна и красовалась в голубом одеянии. Но Souvent femme varie,

¹ Франциск Духиньский (1816–1893), польский историк и этнограф, автор теории, согласно которой русский народ (‘москали’) исключался из числа славянских.

² «Gazette d'Augsbourg», также: «Allgemeine Zeitung d'Augsbourg», влиятельная ежедневная газета, издавалась с 1798 г.

³ Официоз русского Министерства иностранных дел. В 1830-е годы «Аугсбургскую газету» нередко обвиняли в излишней благожелательности к России.

bien fol est qui s'y fie¹; она выросла и поменяла цвет; ее девическая русофилия исчезла, превратившись в нечто прямо противоположное; ее мучает помрачающая разум русофобия, которая, как и всякая фобия, может передаваться через укусы², ведь чтобы укусить соседа, беззубый, слюнявый рот старой карги куда пригодней, чем жемчужные зубки юности» [ibid., S. 17]. И «хотя русомания юной аугсбуржанки прошла, подобно детской болезни, она все же оставила после себя некоторые расстройства, поскольку вскоре газета заразилась другими маниями³ и фобиями: тевтономанией, австро-манией, галлофобией и т.д., и т.д. <...>» [ibid., S. 126].

В том же ряду упоминается «Allgemeine Zeitung», «которая никогда не испытывает недостатка в пламенном красноречии, если речь идет о выражении ненависти к славянам в целом и к русским в частности (о чехах она всегда отзывается свысока и пренебрежительно, и не менее пренебрежительно о поляках), но не нашла ни одного слова сочувствия по поводу резни в Болгарии <...>. Из-за русофобии она впала в ту же ошибку, что и г-н Ньюдегейт⁴, когда он прямо признал: католики хотели бы разжечь зверства (в Турции. — К. Д.) из ненависти к православным» [ibid., S. 39].

После покушения Александра Соловьева на Александра II (2 апреля 1879 г.) газета «République française» выразила опасение, что покушение станет сигналом для подавления всего, что тяготеет в России к либерализму (здесь и далее цитирую изложение в лондонской «The Standard»). Газета «Le Nord» (Париж), полуофициальный орган русского правительства, заявила, что «République française» в своем увлечении русофобией защищает нигилистов и террористов. «The Standard» комментирует: «Что же касается русофобии, то <...> не следует выставлять защитниками нигилизма и политических убийств тех, кто считает, что завоевательный дух России должен быть обуздан <...>» [Russia and ..., 1879].

¹ «Женщина непостоянна, глупец, кто ей верит» — цитата из драмы В. Гюго «Король забавляется» (1837).

² Здесь 'русофобия', как это нередко случалось и в западной печати, сближается с 'гидрофобией' (водобоязнью), т.е. тогдашним медицинским наименованием бешенства.

³ Мания' означает здесь то же, что и 'филия'.

⁴ Чарльз Ньюдегейт (1816–1887), британский политик-консерватор.

На протяжении всего XIX в. о ‘русофобии’ в русской печати (так же как в европейской) чаще всего упоминалось в связи с англо-русскими отношениями. Ранний пример использования этого слова в заглавии – статья М.П. Розенгейма «Британская *русофобия*» в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1868 г. [см. Розенгейм, 1889, с. III].

В публицистике Ольги Киреевой, адресованной англоязычному читателю, понятие ‘русофобия’ (как и ‘англофобия’ или ‘германофобия’) фигурирует во внешнеполитическом контексте. ‘Русофобия’, согласно Киреевой, свойственна не всему английскому обществу, а лишь консерваторам, которые «отождествили патриотизм с русофобией» [Киреева, 1883, р. 329]. «Русофобская теория мироздания (The Russophobic theory of the universe) заключается в том, что Англия – это Ормузд, а Россия – Ариман Восточного полушария. У нас в России нет аналогов подобного рода взглядов» [ibid., р. 324].

В 1883 г. революционер-эмигрант Г.А. Лопатин вспоминал: «Энгельс говорил мне, что здесь все убеждены в том, что известный туркофил и русофоб Джонстон Батлер¹ истратил около 30000 ф. ст. <...> на фоментирование [возбуждение, раздувание] польско-русского революционного движения» (письмо к П.Л. Лаврову от 29 сент. – 2 окт.) [Русские современники..., 1969, с. 204].

Это сообщение требует комментария. В 1876 г. во Львове была создана Конфедерация польского народа – заговорщическая организация, имевшая целью поднять вооруженное восстание в русской части Польши при начале русско-турецкой войны. Батлер-Джонстон выступал в качестве английского эmissара с неясными полномочиями [см. Gawroński, 1919]. Пытаясь устроить военную диверсию на тылах Российской империи, он руководствовался холодным внешнеполитическим расчетом, не испытывая ни особой любви к полякам, которых он склонял к явно безнадежному кровопролитию и с которыми постоянно конфликтовал на денежной почве, ни вражды к русским. В 1875 г. этот «известный русофоб» опубликовал путевые заметки о поездке на Нижегородскую ярмарку. Как сообщает автор, у него остались «самые лучшие воспоминания о стране, любопытной во всевозможных отношениях, и

¹ Генри Александр Манро-Батлер-Джонстон (1837–1902), политик-консерватор.

о дружбе с самыми приятными и интересными людьми на свете» [Munro-Butler-Johnstone, 1875, p. V].

В переписке художника В.В. Верещагина британская ‘русофобия’ (в значении: враждебность/недоброжелательность к русским) распространяется на сферу искусства: «“Times”, по отзыву, напр[имер], Моргана, теперь более злой русофоб, чем многие старые русофобские журналы, из котор[ых] только “Daily Telegraph” посетил выставку (Верещагина. – К.Д.) <...>» (письмо к В.В. Стасову, июль 1879 г.) [Верещагин, 1981, с. 101].

Еще одним поводом обвинений европейского общественно-го мнения в ‘русофобии’ стали отклики на еврейские погромы 1881–1882 гг. Прежде обычными были утверждения, что антирусские настроения в Европе – результат польской пропаганды. В 1882 г. журнал «Русская речь», издававшийся А.А. Навроцким, ту же роль отводит «жидовской» пропаганде: «Русофобия в Англии есть, как известно, национальная болезнь, нечто вроде, если так можно выразиться, национального маньякизма, по временам ослабевающего, притихающего, но никогда не прекращающегося совершенно, временами же доходящего до приступов бешенства. До сих пор болезнь эта, как известно, также коренилась, так сказать, на почве Восточного вопроса. Как в Европе, так еще более в Средней Азии, корень ее главным образом заключался в страхе за Индию. <...> ...Но вдруг, совершенно неожиданно, самый бешеный взрыв русофобии прорывается <...> по поводу бывших в прошлом году <...> противожидовских беспорядков, произведенных простонародьем, озлобленным поведением самих же жидов относительно народа». «Таймс», «став во главе англо-жидовской прессы, <...> выступила против России в сообществе с католическими кардиналами, англиканскими епископами и жидовскими раввинами» [Внутреннее обозрение, 1882, с. 22–23, 27].

В конце XIX в. ‘русофоб’ – обычное в европейской и русской печати наименование болгарских противников пророссийской ориентации, прежде всего Стефана Стамбулова (Стамболова) (1854–1895). Все они формировались под сильнейшим влиянием русской культуры и, разумеется, отнюдь не питали враждебности к русскому народу.

В 1865 г. петербургский корреспондент берлинского журнала сообщал: «...В нашей печати завязался довольно оживленный

спор о культурно-историческом призвании немцев, живущих в России, которые составляют у нас особую социальную группу, политическую партию, отчасти отмеченную русофобией» [Korrespondenz, 1865, S. 160]. Здесь ‘руссофобия’ означает неприязнь и предвзятое отношение остзейских немцев к России и русским.

О том же говорит П.Д. Боборыкин, описывая, уже в начале XX в., Дерптский университет 1850-х годов: «...Остзейцы редко могли свободно объясняться по-русски, хотя один из них, профессор Ширрен, заядлый русофоб, одно время читал даже русскую историю» («За полвека», 1906–1913). [Боборыкин, 1965, с. 154].

В «Истории Екатерины II» В.А. Бильбасова упоминается «ярый русофоб» – немецкий национал-либеральный историк Самуэль Зугенхейм (1811–1877). Россию он называл кнудодержавой (Knutenstaat), императрицу Елизавету Петровну – «самой необузданной из всех мессалин», а Екатерину II считал внебрачной дочерью Фридриха II [Bil'basov, 1891, S. 171; Бильбасов, 1900, с. 638].

Основная тема компилятивных исторических трудов (а вернее, памфлетов) Зугенхейма – пагубное влияние на историю Германии трех сил: во-первых, католицизма, во-вторых, Франции и, наконец, России. Бильбасов цитировал книгу «Влияние России на Германию...» (1856). Здесь среди прочего утверждалось, что «в русском языке нет слова для понятия *честь*, зато он богат обозначениями понятий *ложь*, *хитрость*, *обман*; и вся русская история представляет собой практический комментарий к изобилию второго и нехватке первого» [Sugenheim, 1856, S. XXII].

Стоит отметить, что в тогдашней немецкой печати опус Зугенхейма был встречен весьма критически. Консервативно-либеральный еженедельник «Literaturblatt» счел «достойным порицания озлобление и цинизм, с которыми Россия постоянно именуется “кнудодержавой”»² [Geschichte..., 1857, S. 33]. Католическая аугсбургская газета осудила «постоянные ругательные слова, такие как “кнудодержава” и прочее». «...Для Германии Реформация и ее использование французской и шведской политикой были более пагубны, чем влияние России» [Russlands Einfluss..., 1856].

¹ Карл Ширрен (1826–1910), отстаивал привилегии остзейских немцев в Прибалтике; был отправлен в отставку после публикации брошюры «Livländischer Antwort» («Лифляндский ответ») и уехал в Германию.

² Это выражение Зугенхейму не принадлежит; оно встречалось уже в 1846 г.

Во влиятельной «Allgemeine Zeitung»¹ сочинение Зугенхейма названо «одной из самых подлых и недостойных книг», опубликованных в Германии за последнее время. «...Если бы нравственный облик нынешних немцев был таким же, как облик г-на Зугенхейма в этом труде, то *кнутодержава*, его излюбленное наименование России, стала бы для них благодеянием и необходимостью; во всяком случае, следует пожелать, чтобы сочинителей таких книг отправляли туда, где их можно лучше держать под присмотром» [Frankfurt a. M. ..., 1858].

3.2. Вигель, Тютчев и Достоевский о внутренней ‘руссофобии’

В письме Ф.Ф. Вигеля к Гоголю от 18 февраля 1847 г. ‘руссофобами’ впервые названы «внутренние» критики русской действительности, прежде всего литераторы «натуральной школы». Письмо представляет собой восторженный отклик на «Выбранные места из переписки с друзьями» и в то же время – лишь слегка завуалированное осуждение Гоголя как автора «Ревизора» и «Мертвых душ»:

«Когда <...>, в первой молодости, <...> встречали вы часто множество гнусных пороков и, вооружив руку вашу огромным хлыстом, перевитым колючим тернием, с ожесточением, без милосердия, стали стегать в них²: тогда эти люди (порицатели «Выбранных мест...»). – К. Д.) с остервенением вам рукоплескали. Что побуждало их к тому? любовь ли к родине, коей сынам чаяли они от того исправления? ненависть ли к ней за неудачи свои, в коих, право, не она и не Правительство, а природа их была виновата? Невольно надобно придерживаться последнего мнения; ибо <...> усердно искали они сближения со всеми отъявленными Руссофобами, в числе коих и вы были ими помещены» [Гоголь, 2009, с. 239].

В 1856 г. это письмо опубликовал П.А. Кулиш в сокращенном и отредактированном виде; в частности, вместо ‘Руссофобами’ стоит ‘Руссофагами’, со сноской: «т.е. Руссоедами»³ [Кулиш, 1856, с. 115]. Почти полностью письмо напечатал Н.В. Сушков в 1858 г.

¹ Газета считалась надпартийной; в 1830–1840-е годы в ней сотрудничали Г. Гейне и Ф. Энгельс, но рецензия написана скорее с консервативных позиций.

² Гоголевскую комедию Вигель считал «клеветой в пяти действиях» (письмо к М.Н. Загоскину от 31 мая 1836 г.) [Гоголь, 1967, с. 479].

³ Обе эти формы, заимствованные из немецкого языка (*die russophagie*, *die russenfresserei*), были довольно редки в русской печати.

В рецензии Добролюбова письмо Вигеля названо клеветой «на всю послегоголевскую литературу нашу, в которой только что и начинает проявляться истинно-народная русская мысль», а также клеветой на Белинского, «человека, который сгорал любовью к родине, который понимал и ценил ее больше, чем тысячи Вигелей <...>» [Добролюбов, 1858, с. 43].

На исходе Николаевской эпохи Вигель писал, что общество, собиравшееся в 1830-е годы в московском салоне Екатерины Левашовой, «состояло из русофобов, а еще гораздо более из русофобок» («Москва и Петербург» (1853); очерк распространялся в списках) [Вигель, 1893, с. 578]. Другом Левашовой был Чаадаев, ее салон посещали будущие западники 1840-х годов. Однако Вигель осуждает ‘русофобов’ отнюдь не со славянофильских позиций, славянофилы для него – «немцы новейших времен», в них «нет ничего русского» [там же, с. 579]. Для Вигеля определяющий признак ‘русофоба’ – критическое отношение к русской действительности. ‘Русофобскими’ он, конечно, должен был счесть и нашу-мевшие строки из стихотворения А.С. Хомякова «России» (март 1854): «В судах черна неправдой черной / И игом рабства клеймена» и т.д.

Концепция «внутренней русофобии», или, как стали говорить в конце XX в., «русофобии русских», получила продолжение у Тютчева в письме к А.Ф. Аксаковой на французском языке от 20 сентября 1867 г. Прежде всего следует прояснить контекст тютчевского высказывания.

Поводом послужило письмо Ф.М. Достоевского к А.Н. Майкову от 16/28 августа 1867 г., где Достоевский делился впечатлениями от встречи с Тургеневым в Баден-Бадене: «...Его книга “Дым” меня раздражила. Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: “Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, ни волнения в человечестве”. Он объявил мне, что это его основное убеждение о России» [Достоевский, 1985, с. 210]. «...Все эти либералишки и прогрессисты, – продолжает Достоевский, – преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением. Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского, прибавляют, что они любят Россию. А между тем не только все, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращают в карика-

туру, но что если б действительно представить им наконец факт, который бы уж нельзя опровергнуть или в карикатуре испортить, а с которым надо непременно согласиться, то, мне кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаяния несчастны». Здесь же в уста Тургенева вложено мнение, что «мы должны ползать перед немцами» и фраза: «...Я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!» [там же, с. 211].

Майков предал письмо огласке, о чем Тургеневу стало известно в конце 1867 г. В письме к П.И. Бартеневу от 22 декабря 1867 г. (3 января 1868) он в самых резких выражениях отвергает приписанные ему «мнения возмутительные и нелепые о России и русских». «...Выражать свои задушевные убеждения пред г. Достоевским я уже потому полагал бы неуместным, что считаю его за человека, вследствие болезненных припадков и других причин, не вполне обладающего собственными умственными способностями <...>. Он высидел у меня не более часа и, облегчив свое сердце жестокою бранью против немцев, против меня и моей последней книги, удалился; я почти не имел времени и никакой охоты возражать ему: я, повторяю, обращался с ним, как с больным. Вероятно, расстроенному его возмущению представились те доводы, которые он предполагал услышать от меня, и он написал на меня свое... донесение потомству» [Тургенев, 1964, с. 17]. Здесь «донесение» – эвфемистическая замена «доноса».

Истина, как мы полагаем, находится где-то посередине: Достоевский не сочинил разговор целиком, но изложил его в редакции, которую Тургенев имел все основания счесть пасквильной. В романе «Дым» (гл. 14) об абсолютной ничтожности вклада России в мировую культуру говорит Пигасов. Автор романа нередко влагает в его уста собственные мысли (как, например, Достоевский – в уста «подпольного человека»), однако в данном случае Пигасов, впадая в полемический задор, вторит не столько западникам сороковых годов, сколько Чаадаеву¹. Роль Тургенева как посла русской культуры в Европе хорошо известна. Еще менее мог он заявить, что «считает себя за немца, а не за русского». Тургенев мог сказать лишь то, что сказано в его предисловии к немецкому

¹ Первое «Философическое письмо»: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли <...>. Если бы полчища варваров, потрясших мир, не прошли по занятой нами стране прежде нашествия на Запад, мы едва ли бы дали главу для всемирной истории» [Чаадаев, 1989, с. 25].

переводу «Отцов и детей» (1869): «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не чтить ее как мое второе отечество» [Тургенев, 1968, с. 101]. Тут необходимо отметить, что в 28-томном собрании сочинений Тургенева (т. 15, 1968) и всех более поздних почему-то дан явно неверный перевод с немецкого: «...и не иметь ее как мое второе отечество» [там же, с. 102] – вместо принятого ранее «читать» или «почитать» (zu verehren). В таком грубо искаженном виде обычно и цитируется это высказывание на протяжении последнего полувека.

Тютчев, процитировав фрагмент из письма Достоевского, предлагает И. Аксакову написать статью на затронутую в ней тему:

«В ней можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологические черты. Это *русофобия* (la russophobie) некоторых русских людей – впрочем, весьма достойных... Прежде они говорили нам, и вполне искренне, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы слова и т.д., и т.д., а Европа мила им как раз потому, что бесспорно обладала всем этим... Что же мы видим теперь? Когда Россия, приобретя несколько больше свободы, все более самоутверждается, нелюбовь (l'antipathie) к ней этих господ лишь усиливается. В самом деле: прежние порядки никогда не вызывали у них столь искренней ненависти (cordialement haï), как современные направления национальной мысли (l'opinion nationale)... И напротив, мы видим, что никакие прегрешения против правосудия, морали, самой цивилизации в Европе ничуть не уменьшили их расположения к ней. Они по-прежнему сокрушаются о поляках и находят вполне естественной гнусную политику западных держав по отношению к христианам Востока и т.д., и т.д. Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть речи, здесь одни лишь инстинкты, и вот в природе этих инстинктов следовало бы разобраться» [Тютчев, 2004, с. 269] (перевод наш¹. – К. Д.).

Оговорка «впрочем, весьма достойных (fort honorables)» заставляет вспомнить рефрен знаменитой речи Марка Антония у Шекспира («Юлий Цезарь», III, 2): «For Brutus is an honourable man» – «Однако ж Брут достойный человек»; других убийц Цезаря Антоний столь же саркастически именует «достойными людьми» (во французском переводе: hommes honorables). Этот эпитет явно не относился к демократам-шестидесятникам, которые упоминались в письме Достоевского: полемизировать с ними Тютчев, ко-

¹ Другой перевод: [Тютчев, 1988].

нечно, считал делом бессмысленным. Речь шла о «людях сороковых годов».

Еще раньше, сразу после публикации «Дыма», Тютчев назвал Тургенева «последним выражением худшего из русских нигилизмов – нигилизма нравственного и душевного бессилия» (письмо к В.И. Ламанскому, апрель 1867 г.) [Тютчев, 2004, с. 213]. Все это приводит нас к выводу, что Тургенев и был ближайшей мишенью письма к А.Ф. Аксаковой, образчиком тех, кто «ненавидит современные (т.е. близкие к славянофильству. – К. Д.) направления национальной мысли».

Тургенев, однако, не особенно «сокрушался о поляках»: «Нельзя не желать скорейшего подавления этого безумного восстания, столько же для России, сколько для самой Польши», – писал он П.В. Анненкову в начале 1863 г. [Тургенев, 1988, с. 90]. Точно так же думали его друзья, убежденные западники П.В. Анненков и В.П. Боткин, вместе с абсолютным большинством русской общности герценовского «Колокола». Под «сокрушением о поляках» Тютчев, надо полагать, имел в виду неодобрительное отношение к методам подавления восстания в Северо-Западном крае, разделявшееся значительной частью русского общества. В стихотворном отклике Тютчева на смерть М.Н. Муравьева-Вилenskого недоброжелатели покойного автоматически причисляются к врагам России: «Не много было б у него врагов, / Когда бы не твои, Россия» («На гробовой его покров...», 1866) [Тютчев, 1984, с. 347].

Что же касается «сокрушавшегося о поляках» Герцена, то в эмиграции он резко критиковал «омещанившуюся» Европу, а надежду на ее обновление связывал со славянством. Не удивительно, что и Герцен, и Огарев¹ встретили «Дым» с явным неодобрением. И едва ли кто в русском обществе, без различия направлений, защищал «гнусную политику» западных держав в отношении восточных христиан. Нарисованный Тютчевым образ русского «весьма достойного» человека, ненавидящего родину «по инстинкту», при ближайшем рассмотрении оказывается фантомом, созданным в полемических целях.

¹ Огарев считается прототипом Губарева, сатирически изображенного в «Дыме»: «он и славянофил, и демократ, и социалист, и все что угодно, а именем его <...> управляет брат <...> из тех, что дантистами величали (т.е. любитель кулачной расправы. – К. Д.)» [Тургенев, 1965, с. 165].

Добавим еще, что слово ‘русифил’, которое (как и ‘русифоб’) в западных языках означало прежде всего внешнеполитическую ориентацию, в России использовалось также в значении ‘поклонник всего русского’ или ‘славянофил’. Для П.А. Вяземского ‘славянофильство’ и ‘русифильство’ синонимы [Вяземский, 1883, с. 286]. Поэтому ‘русифобия’ могла восприниматься как антоним ‘русифильства’ в указанном выше значении.

Достоевский, конечно, разделял мысли, выраженные в тютчевском письме и подсказанные им самим. Спустя десять лет он дал в печати «анализ современного явления», о котором говорил Тютчев, хотя и не прибегая к слову ‘русифобия’. Речь идет о «Плане обличительной повести из современной жизни», опубликованном в «Дневнике писателя» за 1877 г. «Эмигрировали из России, – говорилось здесь, – <...> более или менее ненавидящие Россию, иные нравственно, вследствие убеждения, “что в России таким порядочным и умным, как они, людям нечего делать”, другие уже просто ненавидя ее безо всяких убеждений, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобожденного мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидя» [Достоевский, 1983, с. 137]. В рассуждениях об этом феномене не забыт и Тургенев, который будто бы начал уже писать по-французски. Между тем Тургенев, начиная по крайней мере с 1875 г., множество раз печатно и в переписке с возмущением опровергал сообщения подобного рода.

В процитированном фрагменте речь шла о русских, осевших за границей. Но в Записной тетради Достоевского 1880–1881 гг. инстинктивная ненависть к России – примета либералов-западников как таковых: «Нам все не верят, все нас ненавидят, – почему? да потому, что Европа инстинктом слышит и чувствует в нас нечто новое и на нее нисколько не похожее. В этом случае Европа совпадает с нашими западниками; те тоже ненавидят Россию, слыша в ней нечто новое и ни на что не похожее» [Достоевский, 1984, с. 62].

Концепция «внутренней русифобии», начало которой положили Вигель и (в соавторстве с Достоевским¹) Тютчев, оказалась по-настоящему востребованной столетие с лишним спустя.

¹ В 1840-е годы Достоевский полностью разделял взгляды «школы Белинского» на творчество Гоголя, а значит, был одним из тех ‘русифобов’, которых клеймил Вигель за 20 лет до Тютчева.

3.3. Послереволюционный период

Согласно электронной базе данных East View, в пяти центральных советских изданиях («Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура», «Огонек») слово ‘рус(с)офоб’ и однокоренные слова встречаются:

в 1917–1936 гг. – 15 раз;

в 1937–1975 гг. – 2 раза, т.е. почти на целое сорокалетие выпадают из актуального политического словаря;

в 1976–1987 гг. – 11 раз;

в 1988–1991 гг. – 132 раза, т.е. стремительно входят в язык публицистики.

Долгое время ‘руссофобия’ и родственные слова относились преимущественно к историческому прошлому, а также упоминались как принадлежность национализма в «национальных республиках», например:

«Европеизм, руссофобство¹ и воинствующий национализм <...> – вот особенности идеологии Нечуя-Левицкого» (цитата взята из статьи В.И. Коряка «С. Нечуй-Левицкий» (1928) на укр. яз.) [Литературная..., 1932, с. 139];

«...Руссофобия, буржуазный национализм, стремление дезинтегрировать советский народ по-прежнему остаются характерными чертами идеологических установок прибалтийской буржуазной эмиграции» [Прибалтийская..., 1979, с. 140].

В 1917 г. «Правда» назвала «шовинистами и ярыми руссофобами» правое крыло польских социалистов во главе с Ю. Пилсудским (т.н. «фраки» – «революционная фракция» Польской социалистической партии) [Разоблаченные..., 1917]. В первые годы советской власти ‘руссофобской’ называли также политику Эстонии и Финляндии по отношению к Советской России.

Редкий пример использования слова ‘руссофобство’ в актуальном культурном контексте находим в статье о I Всесоюзной олимпиаде искусства народов СССР (1930). Автор говорит о «борьбе на два фронта – с великодержавным шовинизмом, пренебрежением к нерусскому искусству СССР, и с национальной ограниченностью, с руссофобством и ориентацией на “западную культуру” <...>» [Глебов, 1930, с. 11]. Здесь ‘руссофобство’ (надо полагать, деятелей «нерусского искусства») означает ориентацию на буржуазную западную культуру.

¹ Эта форма появилась не позднее 1870-х годов.

В Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова (1939) слов ‘рус(с)офобия, рус(с)офобство’ нет, а слова ‘руссофоб’ и ‘руссофил’ даются с пометой «книжное, историческое», причем на первом месте стоит внешнеполитическое значение обоих слов:

«РУССОФОБ <...> Противник политики сближения с Россией; человек, ненавидящий русских, русское»;

«РУССОФИЛ <...> Сторонник политики сближения с Россией; человек, расположенный к русским, к русскому» [Толковый словарь..., 1939, стб. 1408].

В словаре Ожегова (1-е изд.: 1949) слово ‘руссофобство’ дается с пометой «книжное» и с единственным значением: «Ненависть, неприязнь ко всему русскому» [Ожегов, 1949, с. 727].

В академическом словаре литературного языка (т. 12, 1961) ‘руссофобство’ – «образ мыслей и действий руссофоба». ‘Руссофоб’ же определяется как «человек, ненавидящий русских и русское», с иллюстрацией из романа С.Н. Сергеева-Ценского «Пушки заговорили» (1956): «Из “руссофила” вышел яростный руссофоб <...>» [Словарь..., 1961, стб. 1581]. В романе речь идет о германском императоре Вильгельме II, который никогда не был ‘руссофилом’ в смысле «человек, предпочитающий все русское», как определяется это слово в академическом словаре, а лишь сторонником дружественных отношений с Россией. Соответственно, оппозиция ‘руссофил – руссофоб’ и здесь означает прежде всего внешнеполитическую ориентацию.

В «Историческом словаре галлицизмов русского языка» (Епишкин, 2010) ‘руссофобия’ определяется как «ненависть к русским и русскому», но единственная иллюстрация опять-таки не соответствует этому определению: «Твоя приветливость, веселое настроение и юмор на время даже рассеяли мой мрачный пессимизм, или вернее сказать, удручающую руссофобию» (В.Д. Поленов в письме к И.Е. Репину, январь 1899 г.) [Поленов, 1950, с. 305].

Словом ‘руссофобия’ художник обозначает свое удручающее, пессимистическое впечатление от русской действительности, но, конечно, не «ненависть к России и русскому». Такие настроения, более или менее длительные, не были редкостью у деятелей русской культуры. Лев Толстой, только что вернувшись из-за границы, записывает в своем дневнике: «Противна Россия. Просто ее не люблю» (запись 6 августа 1856 г.). А год спустя признается: «Поверите ли, что, приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине и теперь только начинаю привыкать ко всем

ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни» (письмо к А.А. Толстой от 18 августа 1857 г.)

Чаше других эмигрантских авторов о ‘руссофобии’ писал Н.К. Рерих. В его заметке «Антифобин» с датой «23 сентября 1940 г.» (опубл. посмертно) ‘руссофобия’ упомянута в числе других национальных фобий, охвативших Европу с началом мировой войны, включая германо- и юдофобию: «Наряду с ненавистью воспряла и отвратительная сестра ее – подозрительность. Все заподозрено, все охаяно, все осквернено. Можно ли сейчас говорить о Гете, о Шиллере, о Вагнере, как бы не попасть в пятую колонну! Можно ли слушать еврейские хоры Мусоргского или “Кадиш” в исполнении Кошиц, это будет уже юдофильство. Всевозможные фобии разрослись. Среди англичан пресловутая руссофобия не только не вымерла, но даже как-то окрепла. Вообще вся Европа, да проще сказать, весь мир полны всяких фобий» [Рерих, 1995 а, с. 354]. Под «окрепшей руссофобией» англичан, конечно, имелось в виду резко ухудшившееся отношение к СССР после заключения пакта Молотова-Риббентропа со всеми его последствиями. Эта конъюнктурная ‘руссофобия’ сменилась столь же конъюнктурной ‘руссофилией’ после 22 июня 1941 г.

В послевоенных письмах Рериха, адресованных в СССР, ‘руссофобия’ упоминается многократно, обычно по поводу предвзятого, по мнению автора, отношения американцев к русскому искусству: «В Америке произошла свирепая руссофобия. <...> Музей в Канзас-Сити выбросил на аукцион весь русский отдел: и Верещагина и Анисфельда и всех. <...> Вот до чего озверели янки против всего русского. <...> Руссофобия гнездилась издавна. Помнишь зверский разгром русского отдела на выставке в СЛуи в 1906 году, когда пропали 800 русских картин, а затем разгром советского павильона на выставке в Нью-Йорке?» (письмо к И.Э. Грабарю от 24 марта 1947 г). [Рерих, 1995 б, с. 524].

Необходимо заметить, что сообщаемые здесь факты либо неверны, либо крайне неточны. Экспозицию русских художников на всемирной выставке в Сент-Луисе (1904) организовал русский подданный Э.М. Гринвальдт; из-за его нераспорядительности, а возможно, и прямых злоупотреблений, картины были распроданы на аукционах. Полотна Рериха приобрел У.С. Портер, личный врач Джека Лондона; позже он передал их в Оклендскую художествен-

ную галерею. После закрытия Всемирной выставки в Нью-Йорке (1939–1940) огромный советский павильон был в целости и сохранности перевезен в Москву. Художественный музей в Канзас-Сити, сколько нам известно, не обладал сколько-нибудь значительным собранием русской живописи.

Частью системного политического дискурса ‘русофобия’ стала в послевоенной публицистике философа И.А. Ильина, собранной в двухтомнике «Наши задачи» (1956). Западные народы, говорилось здесь, «не знают России, не уважают ее и не любят ее. Они привыкли бояться ее размеров и ее мощи и от страха и зависти – то и дело думают о ней неподобное и произносят о ней печатно всякую глупость и гадость» («Без карьеры», 1948) [Ильин, 1993, с. 58]. «В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди – враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть “англофобы”, “германофобы”, “японофобы”, – так мир изобилует “русофобами”, врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех» («Против России», 1948) [там же, с. 65].

Именно Ильин создал концепцию «мировой закулисы», т.е. наднациональной правящей элиты Запада, главная отличительная черта которой – антироссийская направленность, вплоть до стремления расчленив Россию (см.: [Душенко, 2022]). В близком смысле о ‘русофобии’ говорилось в позднейшей эмигрантской печати, прежде всего монархической.

На рубеже 1960–1970-х годов тему ‘русофобии’ затронули видные представители первой волны эмиграции, далекие от правомонархических взглядов, – редактор «Нового журнала» Роман Гуль и редактор «Русской мысли» Зинаида Шаховская, причем теперь уже имелись в виду не только иностранцы, но и недавние советские эмигранты.

Гуль отказался печатать статью Аркадия Белинкова «Декабристы», не без оснований увидев в ней «охуление дореволюционной России как таковой»: «Считаю русофобскую “концепцию” А.В. Белинкова политически крайне вредной. <...> Думаю, что нет лучшего подарка большевицкой диктатуре, чем русофобская пропаганда о том, что русскому народу “никакая свобода не нужна”, что русский народ “обожает душителей”, что русский народ это – “стадо предателей, палачей и свободоненавистников”. На Западе есть любители такой теории (недалеко ушедшей от розенбергов-

ской)» («Об инсинуациях и русофобии», опублик. в «Новом русском слове» 14 нояб. 1970) [Гуль, 1973, с. 221, 225].

Согласно З. Шаховской, «непрекращающаяся русофобия, которая существовала и до революции, <...> поддерживается политическими эмигрантами за границей, работающими на умаление русского народа. <...> ...Это единственная “народофобия”, которая почему-то не осуждается никем» («От частного к общему», опублик. в «Русской Мысли», 1971, № 2821). [Шаховская, 1978, с. 81].

В базе центральной советской печати East View (см. выше) из двух упоминаний о ‘русифобии’ в период 1937–1975 гг. одно принадлежит левому американскому журналисту Альберту Кану¹, а второе – цитата из Рериха, в которой ‘русифобия’ отождествляется с антисоветизмом: «И понятны всякие русифобии – зависть заела, корысть иссушила. Почему де столько дано всесоюзным народам? <...> Почему единодушна семья всесоюзная? <...> Откуда непобедимая любовь к Родине? <...> Не сознаются завистники, как злоба кипит, видя славные достижения» (письмо к И.Э. Грабарю от 26 июня 1947 г.) [Пусть все..., 1962].

В 1976 г. «Известия» осуждают «откровенную русифобию» сионистов, т.е. утверждения о неравноправном положении евреев в СССР [Орловский, Полин, 1976]. Два года спустя Валентин Сидоров в «Огоньке», цитируя высказывания Рериха, отмечает: «Для Рериха слово “русифобия” охватывает все: и предубеждение против русского народа вообще, и враждебное отношение к новым идеям, которые воплощает в жизнь современная Русь» [Сидоров, 1978, с. 26].

Упоминание ‘русифобии’ и антисемитизма в общем контексте стало нередким с 1970-х годов, сначала в эмигрантской и самиздатской, а затем и в советской печати. Правда, эти понятия мы находим уже в рецензии Н. Осинского на «Закат» И. Бабеля в постановке Второй студии МХАТа (1928), однако и ‘русифобия’ и антисемитизм оказываются здесь иллюзорными. Осинский отвечает зрителю, назвавшему спектакль «совершенно антисемитской постановкой»: «По поводу того, что Леонов в “Унтиловске”² изо-

¹ «Известный русифоб, бывший президент США Герберт Гувер» предупреждает об угрозах со стороны СССР накануне визита Хрущева в США [Кан, 1959].

² Пьеса, поставленная в Первой студии МХАТа в 1928 г.

бражует одних только негодяев и никчемных людей, никому не приходит в голову обвинять его в клевете на русскую народность. Но не потому только, <...> что “русофобство” в литературе “господствующей” народности напрасно было бы искать. А потому, что бранить его надо за другое: за влечение, род недуга, к мещанскому “подполью” <...>» – и то же самое, по мнению рецензента, относится к Бабелю [Осинский, 1928].

‘Русофоб’ в одном ряду с ‘охотнорядцем’ и ‘антисемитом’ выведен в сатире А. Безыменского времен разгара холодной войны («Мистер Грэболл идет на откровенность», 1954; авторская датировка: 1952–1953). Банкир Грэболл, олицетворение американского империализма, задается вопросом: «Где ж эта пятая колонна, / Что может подорвать Россию – изнутри?» [Безыменский, 1958, с. 166]. Роль «пятой колонны» отводится всевозможным пережиткам прошлого в сознании советских людей, включая межнациональную рознь:

Глядишь – хоть где-нибудь нашлись охотнорядцы,
Расисты разных рас, птенцы различных наций,
Но все из одного фашистского гнезда.
Я счастлив, коль грузин к армянам пышет злобой,
Когда латыш – татар, казах – туркмен клеймит.
Соратник, лучший друг – при этом высшей пробы –
Мне каждый русофоб, любой антисемит [там же, с. 169].

С конца 1970-х годов в державно-националистической публицистике ‘русофобия’ оказывается уже главной угрозой и наиболее опасной формой антисоветизма. Видный «молодогвардейский» критик Юрий Селезнев указывал: «...Отличительной чертой идеологических установок антисоветской деятельности (и прежде всего сионизма) становится открытая русофобия, которая проявляется, в частности, и в разного рода попытках ревизии, очернительства нашей национальной истории, нашего культурного наследия от Слова о полку Игоревом до Тихого Дона, замалчивания или превратного толкования творчества современных русских писателей <...>» [Селезнев, 1978, с. 23]. «...Антисоветизм все более явно обнаруживает формы откровенной русофобии. Русофобия есть не что иное, как стратегия империалистического “первого удара” по нравственному центру нашей державы, по самой важной крепости нашего Союза» [Селезнев, 1984, с. 318].

С начала 1980-х годов тема «внутренней русофобии» заняла видное место в «русском альманахе» «Вече» (Мюнхен). Здесь акценты были расставлены существенно иначе, чем у Гуля и Шаховской: «Русофобством <...> занимается маленькая, но очень активная и настырная группа третьей эмиграции, выехавшая легально в Израиль, но не доехавшая туда <...>». «Русофобствующая группка стала нахально нападать на нас, на нашу историю, на Власовское движение, на Православное возрождение, на многострадальный русский народ и т.д.» [Зарубин, 1981, с. 193, 194].

Наиболее заметную роль в популяризации понятия ‘русофобия’ сыграл одноименный памфлет Игоря Шафаревича (самиздат, 1982; датировка в книжных публикациях: 1978–1983).

Непосредственными объектами полемики были тамиздатовские и самиздатовские публицисты: Г. Померанц, А. Амальрик, Б. Шрагин, А. Янов, А. Синявский и др., а из западных авторов – Р. Пайпс. Для этих авторов, согласно Шафаревичу, характерно выведение русской истории из особенностей русского национального характера, а также осуждение русского мессианизма как предтечи советского коммунизма [Шафаревич, 2005, с. 3]; далее цитируется то же издание. Русские изображаются как «народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкающихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре», а Россия – как «вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира» [с. 10]. «Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада» [с. 4].

Видную роль в памфлете играет концепция «малого народа». Этот термин автор заимствует у французского историка Огюстена Кошена (1876–1916), существенно переосмысляя его содержание. Согласно Кошену в изложении Шафаревича, «решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях¹. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: “Малый Народ” среди “Большого Народа”. Можно было бы сказать – антинарод среди народа <...>» [с. 20]. Таким «малым народом» были

¹ В сущности, тут мы имеем дело с разновидностью концепции революции 1789 г. как просветительно-масонского заговора, впервые изложенной иезуитом Огюстеном Баррюэлем в 1800 г.

кальвинисты, пуритане, просветители, а в России XIX в. – участники «либерального, нигилистического, террористского и революционного движения», т.е. «орден интеллигенции» [с. 24, 28]. В качестве подтверждения приводится цитата из письма Достоевского к Майкову о ненавидящих Россию «натурально, физически» (см. выше).

Чувства, которые движут адресатами памфлета, полагает Шафаревич, «трудно иначе характеризовать как РУСОФОБИЮ (причем вполне подходят оба смысла, вкладываемых в термин “фобия”, – страх и ненависть). А ненависть к одной нации скорее всего связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой» – т.е. к еврейской как «ядру “Малого Народа”». Правда, оговаривается Шафаревич, среди ведущих публицистов «Малого Народа» можно встретить русских и украинцев, но его роль «без этого (еврейского. – К.Д.) влияния <...> была бы, вероятно, гораздо меньше» [с. 31, 34]. Решительное большинство упоминаемых в памфлете авторов – еврейского происхождения, а скрытая русофобия усматривается, в частности, в диалогии Ильфа и Петрова и песнях Галича и Высоцкого.

Памфлет Шафаревича, наряду с публицистикой И. Ильина, публиковавшейся в СССР с конца 1980-х годов, задал тон в трактовке понятия ‘русофобия’ державниками-патриотами и националистами всевозможных оттенков, а позднее – заметной частью академических исследователей.

Это нашло отражение и в лексикографии, вплоть до определений наподобие следующего: «Руссофобия – *патологическая, в значительной мере неосознаваемая ненависть* к индивидам, которые идентифицируют себя с русской многонациональной культурой, а также к самой этой культуре и ее символам (русскому языку, русской литературе и др.)» (курсив наш. – К. Д.) [Энциклопедический..., 2013]. В другом сетевом словаре ‘руссофобия’ дается как медицинский термин, т.е. причисляется к психическим отклонениям: «Руссофобия – *мед.* страх перед Россией и русской культурой (разновидность фобии)» [Мостицкий, 2005–2012].

Тем самым интерпретация понятия ‘руссофобия’ у Я. Толстого, Вигеля, Тютчева, Ильина, Шафаревича доводится до своего логического конца.

В советской печати ‘руссофобия’ и родственные слова долгое время относились главным образом к историческому прошлому, а

со 2-й половины 1930-х и до середины 1970-х годов практически выпали из языка публицистики. Затем появляется трактовка ‘русофобии’ как формы антисоветизма. В послевоенной публицистике эмигрантского философа И.А. Ильина ‘русофобия’ – свойство наднациональной правящей элиты Запада, «мировой закулисы». В памфлете И. Шафаревича «Русофобия» (1982) тема «внутренней русофобии» развивается применительно к советским интеллектуалам преимущественно еврейского происхождения. Этот памфлет, наряду с воззрениями И. Ильина, на рубеже 1980–1990-х годов сыграл решающую роль в трактовке понятия ‘русофобия’ державниками-патриотами и националистами всевозможных оттенков.

Резкий всплеск интереса к понятию ‘русофобия’ датируется концом 1980-х годов, и это обстоятельство крайне симптоматично. Именно в этот период образ СССР и России в общественном мнении Запада заметно изменился к лучшему, а Горбачев стал самым популярным политиком в мире. Отсюда можно заключить, что нарастание числа упоминаний о ‘русофобии’ было вызвано не внешними (как это было в XIX в.), а внутренними причинами.

Долгое время ‘русофобия’ в русскоязычной печати упоминалась в ряду прочих национально-государственных фобий, но на исходе XX в. положение разительно изменилось. В газетном Корпусе русского языка за период с конца 1990-х по 2020 г. насчитывается 1548 вхождений морфемы ‘русофоб’ и лишь 20 – морфем ‘американофоб’, ‘германофоб’, ‘англофоб’, ‘франкофоб’ и ‘полонофоб’ вместе взятых. Такое соотношение, по-видимому, предполагает картину мира, чуть ли не сплошь охваченного русофобией.

Список литературы

- Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. – Санкт-Петербург, 1888. – Кн. 1. – XV, 314 с.
- Безыменский А.* Избранные произведения: в 2 т. – Москва: Гослитиздат, 1958. – Т. 1. – 312 с.
- Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй: в 2 т. – Берлин: Ф. Готтгейнер, 1900. – Т. 1. – X, 659 с.
- Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. – Москва: Худож. лит., 1965. – Т. 1. – 567 с.
- Булгарин Ф.В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. – Санкт-Петербург, 1854. – № 59, 13 марта. – С. 253–254.
- Булгарин Ф.В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. – Санкт-Петербург, 1854. – № 120, 29 мая. – С. 543–544.

- Булгарин Ф.В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. – Санкт-Петербург, 1854. – № 267, 27 ноября. – С. 1269–1270.
- Верецагин В.В.* Избранные письма. – Москва: Изобразительное искусство, 1981. – 287 с.
- Вигель Ф.Ф.* Москва и Петербург. Письмо к приятелю в Симбирск // Русский архив. – Москва, 1893. – Кн. 2, вып. 8. – С. 566–584.
- Внутреннее обозрение // Русская речь. – Санкт-Петербург, 1882. – № 2. – С. 1–43 (2-я паг.).
- Глебов А.* Всесоюзный смотр советского искусства // Огонек. – Москва, 1930. – № 18, 31 дек. – С. 10–11.
- Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). – Москва: АН СССР, 1963. – 505 с.
- Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – Санкт-Петербург: Стасюлевич, 1883. – Т. 8: Старая записная книжка. – 524 с.
- Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. – Москва: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. – Т. 14: Переписка, 1847. – 606 с.
- Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 7 т. – Москва: Худож. лит., 1967. – Т. 4. – 494 с.
- Гуль Р.* Одвуконь. – Нью-Йорк: Мост, 1973. – 326 с.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград: Наука, 1983. – Т. 25. – 471 с.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград: Наука, 1984. – Т. 27. – 464 с.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград: Наука, 1985. – Т. 28, кн. 2. – 616 с.
- Душентко К.В.* «Мировая закулиса»: истоки концепции // Россия в глобальной политике. – Москва, 2022. – Т. 20, № 4. – С. 178–186.
- Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. – Москва: ЭТС, 2010. – 5140 с.
- Зарубин В.* Что делать? // Вече. – Мюнхен, 1981. – № 3. – С. 192–195.
- Ильин И.А.* Собрание сочинений: в 10 т. – Москва: Русская книга, 1993. – Т. 2, кн. 1. – 493 с.
- Кан А.* Времена меняются // Литературная газета. – Москва, 1959. – 25 авг. – С. 1.
- Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. – Санкт-Петербург: Ю. Штауф, 1856. – 302, 8 с.
- Места зарождения чумы в Константинополе // Библиотека для чтения. – Санкт-Петербург, 1838. – Т. 26, февраль. – С. 117–118 (7-я паг.).
- [*Добролюбов Н.А.*] Новые книги. Апрель 1858. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского Университета <...>. Сочинение Н.В. Сушкова <...>. М. 1858 // Современник. – Санкт-Петербург, 1858. – Т. 69, № 5. – С. 31–44 (2-я паг.).
- Левицкий Иван Семенович* // Литературная энциклопедия: в 11 т. – Москва: Изд-во Коммунист. академии, 1932. – Т. 6. – Стб. 138–139. – Подпись: П.К.
- Мостицкий И.Л.* Универсальный дополнительный практический толковый словарь. 2005–2012 [Сетевой ресурс]. – URL: https://mostitsky_universal.academic.ru (дата обращения: 05.01.2022)
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 50 000 слов. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. – XVI, 968 с.

- Орловский К., Полин С. Несокрушимая сила советской культуры // Известия. – Москва, 1976. – 23 дек. – С. 3.
- Осинский Н. «Закат» Бабеля // Известия. – Москва, 1928. – 1 марта. – С. 4.
- Осват А.Л. Элементы политической мифологии Тютчева (комментарий к статье 1844 г.) // Тютчевский сборник. II. – Тарту: Ээсти раамат, 1999. – С. 227–263.
- Поленов В.Д. Письма, дневники, воспоминания. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1950. – 519 с.
- Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. – Рига: Zinatne, 1979. – 236 с.
- «Пусть все от народов наших будет превосходно...» (Из писем Н.К. Рериха И.Э. Грабарю) // Советская культура. – Москва, 1962. – 10 нояб. – С. 4.
- Разоблаченные клеветники // Правда. – Петроград, 1917. – 12 июля. – С. 4.
- Рерих Н.К. Листы дневника: в 3 т. – Москва: Международный Центр Рерихов, 1995. – Т. 2. – 511 с.
- Рерих Н.К. Листы дневника: в 3 т. – Москва: Международный Центр Рерихов, 1995. – Т. 3. – 687 с.
- Розенгейм М.П. Стихотворения. – Санкт-Петербург: Стасюлевич, 1889. – Т. 1. – LIV, 296 с.
- Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. – Москва: Политиздат, 1969. – 334 с.
- Селезнев Ю.И. Златая цепь, или Опыт путешествия к первоисточкам народной памяти // Собеседник. – Москва: Молодая гвардия, 1984. – Вып. 5. – С. 302–318.
- Селезнев Ю.И. Созидающая память // Огонек. – Москва, 1977. – № 11, март. – С. 22–23.
- Словарь современного русского литературного языка. – Москва: АН СССР, 1961. – Т. 12. – 1676 стб.
- Сидоров В. Нью-Йорк. По маршруту Н. Рериха [Окончание] // Огонек. – Москва, 1978. – № 10, март. – С. 24–27.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939. – 1424 стб.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. – Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1937. – Т. 47. – 620 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. – Москва: Наука, 1963. – Т. 5. – 775 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. – Москва: Наука, 1964. – Т. 7. – 618 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. – Москва: Наука, 1965. – Т. 9. – 560 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. – Москва: Наука, 1968. – Т. 15. – 495 с.
- Тютчев Ф.И. Письмо Аксаковой А.Ф., 20 сентября <1867 г.> // Литературное наследство. – Москва: Наука, 1988. – Т. 97: Ф.И. Тютчев. – Кн. 1. – С. 305–307.
- Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. – Москва: Классика, 2004. – Т. 6. – 592 с.
- Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. – Москва: Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 495 с.
- Чаадаев П.Я. Сочинения. – Москва: Правда, 1989. – 656 с.
- Шафаревич И.Р. Русофобия. – Москва: ЭКСМО, 2005. – 94 с.
- Шаховская З. Рассказы. Статьи. Стихи. – Paris: Les éditeurs reunis, 1978. – 227 с.

- Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. [Сетевој ресурс]. – URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru (дата обращения: 05.01.2022).
- Bil'basov B.A.* Geschichte Katharina II / Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von M. v. Pezold. – Berlin: Norddeutsches Verlags-Institut, 1891. – Bd. 1. – V, 185 S. Frankfurt a. M., im März // Allgemeine Zeitung. – Stuttgart; Augsburg, 1858. – N 77, 18 März. – S. 1.
- Gawroński F.* Konfederacja Narodu Polskiego w r. 1876. – Poznań; Warszawa, 1919. – XII, 255 s.
- Geschichte. Rußlands Einfluß auf, und Beziehungen zu Deutschland. Von S. Sugenheim. Zweiter Band. <...>, 1856 // Literaturblatt. – Stuttgart, 1857. – N 9, 31. Januar. – S. 33–36.
- Kankrin E.F.* Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin, ehemaligen Kaiserlich Russischen Finanzministers, aus den Jahren 1840–1845: In 2 Th. – Braunschweig: Leibrock, 1865. – Theil 1. – 118, 288 S.
- [*Kiryeeva O.*] *Skobelev & Slavonic Cause* / By O.K. – London: Longmans, Green, and Co., 1883. – 421 p.
- Korrespondenz. Petersburg, 13/25. Mai 1865. (Die Gewerbeverfassung in den russischen Ostseeprovinzen.) // Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte. – Berlin, 1865. – Bd. 2. – S. 160–175.
- Mazade C. de.* La Russie sous l'empereur Alexandre II // Revue des Deux Mondes. – Paris, 1862. – T. 17, 15 Janvier. – P. 257–295.
- Moller A. de.* Situation de la Pologne au 1er janvier 1865. – Paris: E. Dentu, 1865. – 450, 248 p.
- Munro-Butler-Johnstone H.A.* A Trip Up the Volga to the Fair of Nijni-Novgorod. – Oxford; London: J. Parker, 1875. – VIII, 151 p.
- [*Neklyudov V.S.*] La Russie jugée par un Russe, en réponse a la Russie jugée par M. de Mazade. – Saint-Petersbourg: S. Dufour, 1862. – 55 p.
- Notizen // Die Grenzboten. – Leipzig, 1844. – I. Semester, Bd. 1. – S. 389–394.
- Russia and the Treaty. (From Our Own Correspondent) // The Standard. – London, 1879. – 17 Apr. – P. 5.
- Rußland und Deutschland // Augsburger Postzeitung. – Augsburg, 1843. – N 313, 9 November. – S. 581–582. – Подпись: Auch ein Deutscher.
- Russlands Einfluss auf, und Beziehungen zu Deutschland <...> [Rezension] // Katholische Literatur-Zeitung. – Augsburg, 1856. – N 29, 21. Juli. – S. 233.
- [*Schuselka F.*] Oesterreich und Rußland. – Leipzig: Reclam, 1844. – 241 S.
- Sugenheim S.* Russlands Einfluss auf, und Beziehungen zu Deutschland: In 2 Bd. – Frankfurt a/M.: H. Keller, 1856. – Bd. 1. – XXIV, 381 p.
- [*Tolstoï I.N.*] France et Russie / Par un démocrate. – Paris: E. Dentu, 1863. – 40 p.
- [*Tolstoï I.N.*] La Russie en 1839 *révée* par M. de Custine, ou Lettres sur cet ouvrage, écrites de Frankfort par J. Yakovlef. – Paris: Les principaux libraires, 1844. – 112 p.
- Vasil'ev E. *Die Russophobie in der orientalischen Frage*. – Berlin: B. Behr, 1877. – 251 S.
- Vom Main // Allgemeine Zeitung. – Stuttgart; Augsburg, 1844. – 25 Januar. – S. 197–198.
- Vyazemsky P.A.* Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844 // Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. – Paris: Fayard, 1967. – 641 p.

III. НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕГАЛОМАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ XIX в.

1. Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма¹

Слово шовинизм (*фр.* chauvinisme) образовано от имени Шовен (Chauvin). Шовен – прежде всего литературный образ, причем литературный в самом широком смысле: в его создании участвовали поэты-песенники, водевилисты, писатели, критики, эссеисты, а также авторы популярных литографий, в которых литературный элемент представлен надписями. На протяжении чуть ли не всего XIX в. создавался культурный текст (метатекст), в котором образу Шовена принадлежала центральная роль и который можно было бы назвать «Шовенианой». При этом некоторые произведения включались в «Шовениану» задним числом, по ассоциации с уже сложившимся представлением о Шовене.

Формированию этого образа посвящена 1-я часть монографии Жерара де Пюимежа «Шовен, солдат-землепашец» (1993). В России она издана в превосходном переводе Веры Мильчиной [Puymège, 1993; Пюимеж, 1999]. Наше внимание будет обращено на моменты, либо оставшиеся вне рассмотрения французского исследователя, либо те, о которых, как нам представляется, сказано недостаточно. В частности, мы намерены подчеркнуть главенствующую роль образа наполеоновского ветерана (гроньяра) в создании Шовена как культурного типа.

¹ Автор выражает благодарность Вере Аркадьевне Мильчиной, ряд замечаний которой был учтен при работе над этой главой монографии.

1.1. Шовен в эпоху Реставрации

Шовен как центральный символ шовинизма появился в 1830-е годы в результате контаминации двух образов: фарсового новобранца эпохи Реставрации по имени Шовен и наполеоновского ветерана (гроньяра), выступавшего под разными именами.

Слово *grognard* (ворчун) получило второе значение в эпоху Реставрации. Согласно словарю Ларусса 1872 г., это «старый отставной солдат, лишенный своих товарищей, своего знамени, своих привычек, ведущий штатскую жизнь; любит браниться, ворчлив; отсюда вполне оправданное наименование ворчуна, как его окрестили. <...> ...Где гроньяры торжествовали, так это в Олимпийском цирке, в Варьете, во всех театрах» [Larousse, 1872, p. 291].

В восстановленной монархии Бурбонов Наполеон был объявлен узурпатором и тираном. Однако «сюжеты, напоминавшие об армиях и подвигах Империи, повсюду пользовались полной свободой», хотя и с изъятием трехцветных кокард и знамен. «Старые гренадеры, старые гусары, старые кирасиры, старые генералы, старые полковники, старые капитаны, старые сержанты, старые капралы, храбрецы всех родов войск и всех рангов заполонили второстепенные сцены <...>. Рифмы *français* и *succès* (французский, успех), *gloire* и *victoire* (слава, победа), *guerriers* и *lauriers* (воины, лавры), вставляемые к месту и не к месту, срывали аплодисменты партера» [Muret, 1865, p. 126, 129]. Образ гроньяра популяризировали, в частности, гравюры Никола Туссена Шарле (1792–1845) и песни Беранже.

Слово ‘гроньяр’ получило права гражданства в русской печати XIX в. как в прямом значении ‘ворчун’, так и в значении ‘ветеран наполеоновской армии / гвардии’. Частичным аналогом образа гроньяра можно считать образ солдата-ветерана («дяди») в лермонтовском «Бородино». Это сходство будет заметнее, если вспомнить, что в «ворчании» дяди («Богатыри – не вы!») нередко усматривали аллюзию на уход с исторической сцены поколения декабристов. «Гроньяр» – один из основных псевдонимов Н.К. Михайловского; можно предположить, что идеолог революционного народничества имел в виду оба значения слова.

Шовен-новобранец появляется в литературе в нескольких песнях, опубликованных от его лица в 1825 г. [*Oeuvres poétiques...*, 1825]. Сами песни написаны, по всей вероятности, раньше, т.к. уже в 1824 г. строка одной из них стала названием гравюры Шар-

ле¹. Все «песни Шовена» выдержаны в фарсовом тоне; их персонаж – деревенский парень, занятый не славой отечества, а любовными похождениями самого грубого толка.

Содержательный анализ песенного образа Шовена дан в биографии де Пюимежа. Вопрос об авторстве песен де Пюимеж оставляет открытым, но допускает, что они принадлежат братьям Куаньярам, сочинителями водевиля «Трехцветная кокарда» (1831), где есть прямые отсылки к «песням Шовена» [Пюимеж, 1999, с. 54]. Между тем в справочнике Роже Александра по крылатым словам автором песен – а значит, и создателем образа Шовена-новобранца, – назван Альфонс Аллар (A. Allart, 1788–1852), «чье остроумие некогда высоко ценилось в парижских салонах» [Alexandre, 1892, p. 67]. Это сообщение заслуживает доверия: Роже Александр был внуком Аллара. В качестве литератора Аллар практически неизвестен; известно, однако, что он был дружен с Проспером Мери́ме, который подарил ему рукопись своей новеллы «Венера Илльская» (1837) [Alexandre, 1898, p. 15]. Можно поэтому предположить, что «стихи Шовена» поначалу были салонной забавой, литературной игрой.

Эпизоды из жизни новобранца послужили темой ряда гравюр Шарле, хотя лишь на немногих из них встречается имя Шовен. По мнению исследователя конца XIX в., на гравюрах «Шовен не обладает ни одной из черт, составивших нынешний тип» [Fournel, 1893, p. 86]. Однако фарсовые черты персонажа Шарле вполне уживаются с темой воинской инициации парня из народа – одного из ключевых мотивов «Шовенианы». Шовен-новобранец «являет собой пародию на гроньяра, он хочет быть таким же храбрецом, каким был тот, <...> и комизм его усилий в этом направлении остался запечатленным в слове *шовинизм*» [Millet-Saint-Pierre, 1850, p. 99].

Особое значение для последующей истории образа имела гравюра Шарле 1824 г. из серии «Фантазии». Двое молодых солдат готовы драться на шпагах; гренадер-ветеран, разнимая их, замечает: «Я француз, ты француз, он француз – все мы французы, Шовен, дело можно уладить» [Fournel, 1893, p. 86] (рис. 3). Так возникает тема национального единения, стоящего выше внутренних неурядиц, причем залогом этого единения служит солдатское братство.

¹ Гравюра «*Je mé pas assez méfié de la payse*» («Я недостаточно остерегался этой девичьи») указана в журн. «*Bibliographie de la France*» от 4 сентября 1824 г. Упоминаемая далее гравюра с указанием имени Шовена («Я француз, ты француз...») – в номере от 14 августа 1824 г.

Рис. 3. Гравюра Туссена Шарле
«Я француз, ты француз, он француз...» (1824)

С середины 1830-х годов имя Шовена стали возводить к одноактному водевилю «Босские жнецы, или Солдат-землепашец» (1821): так будто бы назывался главный персонаж пьесы. Эта версия была принята в словаре Л.Н. Бешереля (1845) и однотомном словаре Ларусса (1863) [Bescherelle, 1845, p. 618; Larousse, 1863, p. 97], а затем во множестве французских и иноязычных справочников, включая знаменитый немецкий справочник Г. Бюхмана «Крылатые слова». В России она воспроизведена в «Метких и ходячих словах» М.Я. Михельсона (1894) и в энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Тип солдата-землепашца восходит к античности и «существовал во все времена» [Fournel, 1893, p. 84], но его узнаваемый образ был создан лишь во Франции эпохи Реставрации. В романе начала 1850-х годов описывается обстановка комнаты одного из персонажей: «...На стене несколько цветных литографий: “Солдат-землепашец”, “Смерть генерала Понятовского” (генерал на белом коне) и прочие воинственные сюжеты. Шовинизм под стеклом в раме из вишневого дерева! Нет ли по соседству гроньяра из старой гвардии?...» [Brulart, 1852, p. 7].

«Солдат-землепашец», поставленный в театре Варьете 1 сентября 1821 г., выдержал более 300 представлений «и несколько лет утешал старых усаечей, переживших падение империи» [Lepointre aîné, 1839, p. 106]. Позднее он устойчиво, хотя и ошибочно, приписывался популярному комедиографу Эжену Скрибу.

Герой водевиля, наполеоновский ветеран, носит имя Франкёр (Francœur). При этом на гравюре, изображающей Ш.Э. Лепентра (Лепентра-старшего) в роли солдата-землепашца, имя персонажа пишется Франс-соеур (искреннее / честное сердце), т.е. осмыслено как говорящее имя. В деревне Франкёр возделывает свою землю и предается воспоминаниям о славном боевом прошлом. Его бывший командир, полковник, также вспоминает о временах, когда

...Одной только доблестью

Солдаты делались генералами,

А иные и маршалами Франции [цит. по: Muret, 1865, p. 134].

Лепентр-старший, указывал историк и журналист Огюстен Жаль в 1834 г., создал образ «сентиментального, политизированного, оппозиционного солдата, гроньяра, *Шовена* с шевронами и крестом Почетного легиона; <...> это заставляло нас смеяться и плакать <...>» [Jal, 1834, p. 301].

Еще одним заметным примером включения в «Шовениану» текста, возникшего прежде появления образа Шовена, служит

строка «Я француз, моя страна превыше всего!» («Je suis Français, mon pays avant tout!»). Это название и рефрен песни, опубликованной в 1821 г. [Poésies révolutionnaires..., 1821, p. 169–171]. Первоначальный смысл рефрена состоял в том, что *для француза* предпочтительно все французское (в России такое исключительное предпочтение всего отечественного уничижительно именовали русопытством).

Позднее эта строка стала сопрягаться с именем Шовена как олицетворением агрессивного национализма и национальной нетерпимости: «Я Шовен, / <...> я кричу в опьянении: / “Я француз, моя страна превыше всего!”» (ревю А. Жене и Ш. Потье «Марш вперед!», 1857) [Guénée, 1857, p. 7].

В рецензии на сборник корреспонденций периода Крымской войны читаем:

«Он может сказать, как поется в какой-то там песне какого-нибудь Шовена:

Я француз, моя страна превыше всего!

И все, что не является французским, трехцветным и национальным, кажется ему достойным всяческого сарказма. Он высмеивает <...> турок, греков, <...> русских, англичан, пашей, беев, армян, евреев, короля Оттона¹, императора России и самого султана. Но стоит ему увидеть француза, стоит ему увидеть зуава или венсенского егеря, и он уже растроган, взволнован, возглашает осанну и пригоршнями бросает короны на алтарь своего отечества» [Voyage..., 1855, p. 459].

Авторы, писавшие о Шовене, не упоминают о пьесах эпохи Реставрации, в которых имя Шовена впервые прозвучало с театральных подмостков. Нам известны две такие пьесы. В заглавии водевиля «Пригожие солдаты» (1826) указывалось: «по мотивам Шарле» (imité de Charlet) [Francis, Théaulon M.-E., Artois A., 1826]. Здесь Шовен почти незаметен. Интрига водевиля чисто любовная, действие происходит в Париже, и Шовен явно не деревенский парень. Кроме имени, в нем нет ничего от героя «песен Шовена».

Гораздо бóльший интерес представляет одноактная мелодрама «Полковой пес, или Военная казнь», поставленная в Театре

¹ Оттон I (1815–1867), первый король Греции.

Олимпийского цирка 9 февраля 1825 г. Здесь мы уже видим Шовена в военной обстановке. Действие происходит в 1823 г. в Испании, где французские войска сражаются против инсургентов, т.е. против Испанской революции. Юный Шовен помогает по кухне, а кроме того, исполняет вставленные в мелодраму музыкальные номера, в т.ч. «Песню новобранца», весьма напоминающую «солдатские песни», сочинявшиеся в ту же эпоху в России в духе монархического патриотизма:

Когда твой король зовет на битву,
Без размышлений, быстро поспеши;
Всегда храни верность своему знамени
И девизу: ПОБЕДИТЬ ИЛИ УМЕРЕТЬ [Saint-Léon, Franconi L., Franconi A., 1825, p. 7].

Знамя, о котором идет речь, пока еще не трехцветное знамя Революции и Империи, а белый стяг Бурбонов. Шовен не задумывается о том, какому делу он служит, лишь бы ощущать себя частицей единого высшего целого. Только в эпоху Июльской монархии Шовен становится образом, противостоящим идеологии Реставрации.

1.2. Шовен в годы Июльской монархии и Второй республики

14 июня 1830 г. французские войска высадились в Алжире, положив начало долгой колониальной войне, а 30 июля в Париже победила революция. Откликом на эти события стал трехактный водевиль «Трехцветная кокарда, эпизод из Алжирской войны», поставленный 19 марта 1831 г. в парижском театре «Фоли драматик».

Поначалу новобранец Шовен неотличим от гротескного персонажа «песен Шовена». Даже его подвиги окрашены в фарсовые тона. Его заветная мечта – после победы над «черномазыми маврами» (*moricauts*) ворваться в сераль и «заклечь в объятья всех султанш» [Cogniard T., Cogniard J.-H., p. 11]. Есть тут и гроньяр, старый солдат-пьяница по прозвищу Кокарда, сердце которого «всегда будет биться во имя Наполеона» [*ibid.*, p. 21]. Свое прозвище он получил после Битвы у пирамид, когда Наполеон отдал ему свою кокарду вместо потерянной в бою. «Это цвета нашей родины», – замечает восхищенный Шовен, приобщаясь тем самым к патриотизму, как его понимали в эпоху Империи [*ibid.*, p. 22].

Кокарду приговаривают к расстрелу как опасного смутьяна, но тут приходит известие о победе Июльской революции. Белое знамя сменяется триколором, и Шовен уже готов воевать с целым светом – пруссаками, австрияками, казаками – за свободу и независимость Франции, а попутно и Польши. Апология солдатского братства, пафос колониальных завоеваний и либерально окрашенный патриотизм сливаются воедино.

Возвышению образа Шовена сопутствует критика этого образа как воплощения грубой военщины. В 1834 г. увидела свет «Нравственная песня» Жюстена Кабасоля. Эпиграфом к ней поставлены слова «Мораль мне докучает» с подписью: «Шовен». Перед нами едкая сатира в стихах и прозе:

«Ты француз, буржуа тоже француз, но дело нельзя уладить¹,
ведь он, понятно, штафирка, а ты солдат. Ты стреляешь в него морковью – отлично, имеешь право, лишь бы не стрелял чем похуже...

Ты видишь, Шовен, как нужна мораль!»

«Ты <...> можешь донимать первогодков, но со старшими

Ты видишь, Шовен, как нужна мораль!» [Cabassol, 1834]

Военный публицист Йоахим Амбер, участник Алжирской войны, перечисляет клеветы, возводимые на Шовена как олицетворение армии: «Шовен в тюрьме, пойман и осужден за безнравственность <...>. Шовен напился и избил двух почтенных буржуа, своих сограждан». «Ты идешь по бульварам и на каждом шагу останавливаешься перед гнусными карикатурами на армию: <...> вот Дюмане² в Алжире, удирающий от крокодила; <...> капрал Шовен теряет кошелек и носовой платок, замечтавшись о свадьбе за счет принцессы...» [Ambert, 1839, p. 140, 142].

Во французских справочниках слово ‘шовинизм’ датируется 1834 г.³ Однако уже летом 1832 г. – всего через полтора года после премьеры «Трехцветной кокарды» – оно встречается в легитими-

¹ Саркастическая отсылка к надписи на упомянутой выше гравюре Шарле 1824 г.

² Имя персонажа «Трехцветной кокарды», ставшее нарицательным в значении ‘потешный вояка’, ‘фанфарон’.

³ Де Пюимеж ошибочно связывает его с водевилем «Осы» (1840) [Пюимеж, 1999, с. 65].

стском сатирическом еженедельнике «Le Revenant» («Призрак») [Ce qui s'achète..., 1832, p. 2].

В момент появления слова оно должно было ассоциироваться прежде всего с Шовеном-новобранцем из водевиля 1831 г. Но очень скоро возникает более почтенная ассоциация с образом гроньяра, включая такую его ипостась, как солдат-землепашец из водевиля 1821 г.: «Возможно, вы помните всех *старых храбрецов*, изображенных в романах Виктора Дюканжа¹. Конечно, ни один писатель столько не послужил *шовинизму*» [Les mœurs, 1834, p. 94].

Этьен Араго² в статье «Республика и артисты» напоминал, что в эпоху Реставрации «национальное чувство возродилось в рабочем классе <...> в духе недоверия к старому дворянству <...>. ...*Луарские разбойники*³ стали в наших театрах *солдатами-землепашцами*. Художники тоже творили чудеса, украшая бульвары и набережные грубоватым героизмом нашего старого гроньяра. То был памфлет, набросанный карандашом. <...> ...Невозможно, чтобы в этой наиболее чувствительной части нации никак не проявилась политическая вражда, словом, тот *шовинизм*, который уже пытались опровергнуть доктринеры» [Arago E., 1834, p. 170].

В 1839 г. сотрудник католического журнала писал по поводу трагедии Казимира Делавиня «Дочь Сида»:

«...Не уместнее ли назвать эту бой-бабу, смахивающую на гренадера, дочерью Солдата-землепашца <...>? И тогда <...> остается только спеть хором:

Ах! Что за гордость быть французом
При виде [Вандомской] Колонны!

...Увы! с нас хватит имперского шовинизма» [Mensuel, 1839, p. 410].

Процитированное двестишье взято из необычайно популярной песни П. Э. Дебро «Колонна» (1818). То же двестишье стало темой гравюры К. Ноде (1819): офицер указывает на Вандомскую колонну мальчику, одетому в военную форму; другой указывает на колонну офицеру, держащему белое знамя Бурбонов (рис. 4).

¹ В. Дюканж (1783–1833), необычайно плодовитый романист и драматург, критик режима Реставрации.

² Э. Араго (1802–1892), драматург, в 1829–1840 гг. – директор театра «Водевилль», радикальный республиканец, сражался на баррикадах в июле 1830 и феврале 1848 г.

³ Уничжительное наименование остатков наполеоновской армии, которые после разгрома при Ватерлоо отошли на Луару.

Рис. 4. Гравюра Каролины Нодде
«Ах! Что за гордость быть французом...» (1819)

«Шовинизм, эта пародия на патриотизм, не выдуман, – писал позднейший автор. – <...> Солдат-землепашец, имел некоторую притягательность запретного плода в театре. <...> Аплодировать гренадеру гвардии был их (противников Бурбонов. – К.Д.) способ выразить свою оппозиционность» [Claretie, 1869, p. 70].

В аллегорическом водевиле Ж. Баяра и Ф. Дюмануара «Осы» (1840) Шовен выступает в двух обликах. Сперва это старый солдат-пьяница, ветеран наполеоновской гвардии; в сущности, перед нами Кокарда из водевиля 1831 г., переименованный в Шовена. О себе он говорит: «Французский солдат, родом из неизвестных землепашцев», – явная аллюзия на образ солдата-землепашца [Bayard, Dumanoir, 1840, p. 11]. У Шовена есть внук, «малыш Шовен», он воспитан на бюллетенях Великой армии и уже успел отличиться на Алжирской войне.

Шовена встречают насмешками; ему говорят: «Шовинизм отжил свой век». Однако в минуту опасности старик преображается в молодого гренадера, восклицающего: «Все тот же я! Я навсегда Шовен!» [ibid.]. Старик-гроньяр и Шовен-новобранец оказываются единым целым. Теперь это «вечный» наполеоновский солдат, всегда готовый сражаться за Францию и свободу. В Июльской монархии имя Наполеона вполне могло сочетаться с идеей свободы; недаром Вандомская колонна, увенчанная статуей императора, именуется в «Осах» «колонной победы и колонной свободы» [ibid., p. 13].

Двойственность фарсового Шовена-новобранца и старого Шовена-гроньяра сохранялась еще очень долго, но образ новобранца все более отходил на второй план. «Шовен <...> это прежде всего тип старого гроньяра» [Encyclopédie..., 1868, p. 324].

В 1845 г. увидел свет один из центральных текстов «Шовенианы» – эссе Жака Араго «Шовинизм», помещенное в «Словаре для беседы и чтения». Ж. Араго (1790–1855), был братом знаменитого физика Франсуа Араго и драматурга Этьена Араго, который одним из первых использовал слово ‘шовинизм’ (см. выше). В «Словаре для беседы...» Шовен канонизирован как универсальный тип. Араго ясно видит его ограниченность и комичность, но тем не менее симпатизирует ему как выразителю искреннего чувства любви к родине:

«Тут есть что-то от фарса и драмы одновременно; драмы – потому что она напоминает о благородных чувствах тех, кто мыс-

лит патриотически <...>. У нас насмешка убивает гораздо верней, чем презрение. На свете нет меча беспощаднее, потому что насмешка – оружие мысли и разума. Шовинизм – это преувеличение некоего чувства. <...> Перо и карандаш с яростью набросились на него. Я видел Шовена на всех выставках в Лувре, и тупоумная толпа смеялась над ним... <...>

Бедный Шовен! Шовен был солдатом императорской гвардии... <...> ...Он поклялся умереть за своего генерала и свое отечество... Итак, прозвучало это громкое слово, и я становлюсь почти шовинистом, рассказывая вам о Шовене. <...> Мой Шовен, мой личный Шовен, Шовен исторический, Шовен как прообраз всех нынешних и будущих шовенов – не только реальное, но и множественное существо; он тут и там, он всюду, где требуется самопожертвование, и я призываю вас назвать полк, батальон, роту, да что там – взвод, в котором не было бы своего Шовена.

Едва лишь родившись, вернее, едва лишь почувствовав сердце в груди, Шовен поклялся себе жить только в обстановке воодушевления. Ружье было для него величественным изобретением, ядро представлялось ему творением высшего разума, и если бы он создал религию, то воздвиг бы алтари изобретателю бомбы. Если капрал велел наступать, Шовен всегда шел в нескольких шагах впереди своего взвода; услышав приказ не давать пощады, Шовен яростно грыз свой патрон и с радостью грыз бы плоть поверженного врага. <...>

Однажды Шовен стоял под своим знаменем, в тени своего орла. Он представлялся себе просветленным, опаленным сиянием солнца. О, в тот день он увидел себя таким высоким, таким грандиозным, что не снял бы своей гренадерской шапки, чтобы не задеть звезд. С той минуты Шовен стал героем. Месяц спустя он стал жертвой. Он был уволен со службы, отправлен обратно домой. “Да здравствует Республика! Да здравствует Консульство! Да здравствует Империя! Да здравствует Реставрация!” Шовен кричал бы все, что угодно, но не так, как мы с вами; любое его “Да здравствует” исходило бы от сердца <...>.

Когда родился Шовен? Неизвестно; анналы об этом умалчивают, не удивляет же нас молчание о родине Гомера, этого Шовена баснословных времен. Когда умрет Шовен? Никогда. <...> Шовен сражался на севере и на юге, против всех европейских народов, и если о чем сожалел в своей ратной жизни, так это о том, что не смог взобраться на небосвод, чтобы схватиться с жителями Луны.

Если вы теперь спросите, какой веры держался Шовен, я отвечаю: ни один историк не упоминает об этом, и мы не узнаем, поклонялся ли он богу евреев, богу христиан, Магомету или же Вишну; но мы можем засвидетельствовать, что атеистом он, во всяком случае, не был – он поклонялся одному богу... *своей родине!* *Шовинизм* сделался смешным лишь по вине тех, кому не понять, что такое преданность. *Шовинизм* встречается во всех государствах, во все времена, во всех землях. *Шовены* существуют среди парикмахеров, бюрократов, печников, бакалейщиков, среди богатых и бедных; всюду, где есть соперничество, есть *шовинизм*, так что он, как видите, вечен.

Едва закончив этот очерк, мы получили точные сведения из военных архивов. Никола Шовен <...> родился в Рошфоре. С семнадцати лет на службе, он совершил все походы. Семнадцать ран, ни одной в спину, три отнятых пальца, выбитое плечо, лоб в страшных шрамах, почетная сабля, красная ленточка (Почетного легиона. – К. Д.), двести франков пенсии... <...> *Шовинизм* не мог иметь патрона, более благородного» [Arago J., 1845].

В 1820-е годы Шовен обходился без личного имени. В «Трехцветной кокарде» его называют Жан или Жан-Жан. Это имя эпизодически встречалось и позже: «Жан Шовен <...> был одним из тех героических ворчунов (*ces héroïques grognards*), которые искренне верили, что один француз стоит четырех пруссаков» [Guerraz, 1893, p. 175].

У Араго Шовен получил имя Никола и вымышленную биографию ветерана наполеоновских войн, принятую за истину во множестве позднейших словарей и справочников. В 1981 г. в Рошфоре, где будто бы родился Никола Шовен, одна из улиц была названа его именем.

В том же 1845 г. в словаре Л.Н. Бешереля появилась статья «Шовинизм», написанная независимо от статьи Ж. Араго¹. Здесь говорилось: «Справедливо или ошибочно утверждали, что после роспуска Луарской армии в 1815 г. осталось немало уволенных со службы солдат по имени Шовен, которые, вернувшись к обычной жизни, отличались безграничным восхищением, слепой и тупой верой во все, что было связано с Наполеоном и что от него исходило» [Bescherelle, 1845, p. 618].

¹ Согласно Бешерелю, «это слово опущено во всех словарях» [Bescherelle, 1845].

Статьи Ж. Араго и Бешереля послужили главным источником для составителей позднейших справочников, как французских, так и иноязычных. Несколько штрихов к портрету Шовена добавил анонимный автор заметки «Отец Шовена», опубликованной в газете «Фигаро» в 1882 г.:

«Кажется, что этот Шовен, настоящий Шовен, существовал. Я знаю людей, которые знали его. <...> У него было выбито плечо (удар прикладом), оторваны три пальца (ружейный выстрел), лоб рассечен посередине (удар саблей). <...> Это не мешало ему повторять все снова и снова, что в мире нет ничего лучше и прекрасней войны, и нет ничего великого, кроме великого Наполеона. В армии рассказы Никола Шовена вошли в поговорку, и братья Коньяр (авторы «Трехцветной кокарды». – К. Д.), возможно, слышали об этой ходячей развалине <...>» [Le pere..., 1891, S. 394].

1.3. Шовен в эпоху Второй империи

В словаре Ларчи (1855) Шовен – имя нарицательное, со значением «чрезмерно пылкий патриот» [Larchey, 1855, p. 72]. В одноименном словаре Литтре (1863) Шовен – «имя персонажа популярных гравюр, который выражает чувство слепого и узкого патриотизма по поводу успехов и неудач Наполеона I», а в качестве имени нарицательного – «тот, у кого преувеличены и смешны чувства патриота и воина» [Littré, 1863, p. 582]. В «Крылатых словах» немецкого филолога Г. Бюхмана Шовен – «до смешного восторженный поклонник Французской империи» [Büchmann, 1866, S. 60]. В более позднем французском словаре «Шовен» – «тот, кто отличается воинственным патриотизмом» [Larive, Fleury, 1888, p. 245].

В часто цитировавшейся песне Гюстава Надо (1820–1893) «Шовен» (1851¹) Шовен выведен в образе дряхлого спившегося гроньяра, повествующего молодежи о своих подвигах, его наивный патриотизм бонапартистского толка изображен с иронией и сочувствием.

¹ Де Пуимеж датирует песню 1860-ми годами. Она, однако, указана в «Bibliographie de la France» от 25 января 1851 г., т.е. появилась до бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г.

Когда Шовен выпьет,
Он пускается в рассказы обо всех своих славных делах;
А заговорив о своей славе,
Он уже пьет не переставая. <...>

Он добавляет лишнее «р» в слове Франция
И произносит три «р» в слове свобода (liberrté)!
К истории каждой войны
Он добавляет еще парочку битв.... <...>

Шовен свалился под стол
С криком: «Он [Наполеон] не умер!»
<...> – Ну-ка, выпьем еще, Шовен;
Наутро жена тебя поколотит [Nadaud, 1870, p. 82–84].

В кукольном фарсе Марка Монье «Принцесса Данубия» («Принцесса Дунай», 1855) Шовен олицетворяет французскую армию, участвующую в Крымской войне. Это хвастун с претензией на галантность:

Господа, меня зовут Шовен,
И, я, слово чести, красавец!
Я один обладаю умом, и талантом,
И вкусом, и вдобавок ужасно галантен [Monnier, 1855, p. 41].

Мальбрук, олицетворение английской армии, думает о своей конторе, т.е. о материальных интересах, тогда как Шовен – только о славе. Автор и зрители смеются над ним, но смех этот сочувственный. Как замечает принцесса Данубия, «в глубине души он хороший парень» [ibid., p. 73].

Фривольные песенки о Шовене цитируются и в 1860-е годы: «Меня зовут Шовен, / Мое имя рифмуется с вином... (Chauvin, du vin)»; далее в песне следует «один из тех моментов, которые добрый Гомер в смущении окутывает облаком» [Delvau, 1865, p. 226].

В очерковой книге Жюль Норьяка «101-й пехотный полк» (1859) показан механизм превращения ограниченного деревенского парня во французского патриота, в чем автор как раз и усматривает великую роль Шовена как культурного образа:

«Однажды крестьянин получает бумагу: он солдат <...>. Полгода спустя вы видите, как он с гордостью прогуливается по Елисейским полям, счастливый и довольный.

Что могло заставить его столь разительно перемениться? Цивилизованность? Нет. Дисциплина? Нет. Он гордится тем, что он француз; этой метаморфозой он обязан шовинизму.

Шовинизм <...>, эта возвышенная карикатура, – поднятое на смех дело человека по имени Шовен, человека глубокого, который знал, что человек заурядный не понимает великих чувств в их простоте. <...>

Шовинизм есть вечное повторение слов: “Отечество, слава, Франция, честь”» [Noriac, 1859, p. 64–65].

Авторитарная и воинственная идеология Второй империи в огромной мере способствовала дискредитации образа Шовена в демократических кругах. Примером тому служит песня Поля Авенеля (1823–1902) «Шовен», опубликованная в 1870 г.

В заголовке песни указано: «На мотив “Старого знамени”». Песня Беранже под этим названием, написанная в 1820 г., – один из наиболее характерных текстов формировавшейся тогда наполеоновской легенды. Полковое трехцветное знамя, которое хранит у себя в тюфяке ветеран революционных и наполеоновских войн, – одновременно символ свободы («Благодаря ему каждый солдат был гражданином») и символ военной славы наполеоновской империи, когда «галльский петух <...> умел метать молнии», а французское знамя «сияло над всей Европой» [Béranger, 1839, p. 66–67].

В глазах Авенеля Шовен – орудие и в то же время жертва милитаризма.

«Не жалея солдат, –
Сказал мне старик-гренадер. –
Чти мою деревянную ногу <...>.
Мне, шовену¹, дорога слава!»
Как прекрасна война!
Гудите, рожки! Бей, барабан!

.....
«Бедный старик, ты просто задира,
Отставной козы барабанщик.
Твоя слава лишилась знамени,
Таская его из боя в бой;
А ты, чтоб утешить себя напоследок,
Восхваляешь свои невзгоды».

¹ Слово ‘шовен’ со строчной с 1850-х годов использовалось как синоним слова ‘шовинист’.

Увы! шовинизм во Франции
Заменяет все добродетели;
Он не рождает Брутов,
А только дурманит ум [Avenel, 1889, p. 128–130].

Тем не менее в августе 1870 г., в начале франко-прусской войны, Сен-Жермен¹ с успехом исполнял в Париже «Сегодняшнюю песню» собственного сочинения с рефреном «Я шовен!» («Je suis chauvin!») [Labarthe, 1910, p. 20].

1.4. Шовен в эпоху Третьей республики

Последовавшая затем военная катастрофа похоронила бездумный ура-патриотизм, выраженный в лозунге «Я шовен!». В 1873 г. Ал. Доде публикует новеллу «Смерть Шовена», своего рода реквием патрону шовинизма. Здесь, в отличие от прочих текстов «Шовенианы», Шовен не человек из народа и даже не военный, – это парижский буржуа, черпающий убеждения из газет. Глубокая борозда на его лбу прочерчена не вражеской саблей, а единственной владеющей им мыслью. И все же Доде искренне скорбит о его гибели. У нас эта новелла практически неизвестна²; мы приводим выдержки из нее в собственном переводе [Daudet, 1873, p. 121–126].

«Высокое, худошавое, огненное лицо, волосы с проседью, загнутый нос, круглые, вечно сердитые глаза, <...>; низкий, узкий, упрямый лоб, на котором одна-единственная мысль, непрестанно действуя в одном месте, прочертила единственную, очень глубокую борозду <...>; и прежде всего ужасное раскатистое “pp”, когда он говорил о “Фрранции” и “фрранцузском знамени...” Я сказал себе: “Вот Шовен!”

Это действительно был Шовен, и притом в своем лучшем виде, декламирующий, жестикулирующий, бичующий Пруссию своей газетенкой, вступающий в Берлин с высоко поднятой тростью, опьяненный, глухой, ослепленный, иступленный безумец.

¹ Франсуа Жиль де Сен-Жермен (1833–1899), комический актер, известный под именем Сен-Жермен.

² Анонимный перевод, опубликованный в разгар Первой мировой войны [Доде, 1915], содержит множество купюр и отсебятин, имеющих целью убрать комичные и непривлекательные черты нарисованного автором образа.

Ни промедление, ни примирение невозможно. Война! ему нужна была война любой ценой!

– А если мы не готовы, Шовен?.. <...>

– Месье, французы всегда готовы!... – возразил Шовен, выпрямляясь, и “рр” из-под его щетинистых усов заставляло дребезжать окна... Раздражающий, тупоголовый тип! Ну да, все эти насмешки, все песенки, успевшие одряхлеть вокруг его имени, – они-то и сделали из него нелепую знаменитость! <...>

В те вечера (после начала войны. – *К.Д.*) я снова встретил Шовена. Он ходил по бульварам от одной кучки людей к другой, распевая посреди молчаливой толпы, полный надежд, сообщая хорошие новости, уверенный в успехе несмотря ни на что, двадцать раз кряду повторяя, что “белые кирасиры Бисмарка уничтожены до единого...”

Странное дело! Теперь Шовен не казался мне таким уж смешным. Я не поверил ни одному его слову и все равно был счастлив слышать его. При всем его ослеплении, безумной гордыне, невежестве, в этом одержимом чувствовалась живая и стойкая сила, подобная пламени, согревавшему изнутри наши сердца.

Это пламя было нам крайне необходимо в долгие месяцы осады и ужасной зимы – зимы собачьего хлеба и конины. Все парижане скажут: без Шовена Париж не продержался бы и недели. <...> Увы, все было напрасно. Однажды вечером, проезжая по улице Друо, я увидел встревоженную толпу, молча толпившуюся вокруг ратуши, и в этом огромном Париже без карет, без огней, я услышал торжественно разносившийся голос Шовена: “Мы занимаем редут Монтрету”. Спустя восемь дней наступил конец.

Теперь Шовен являлся мне лишь изредка. Раза два или три я видел его на бульваре, жестикулирующего, говорящего о реванше – еще одно “р”, чтобы заставить вибрировать души; но никто уже не слушал его. <...>

Потом наступили дни бунта, красное знамя, Коммуна, Париж во власти дикарей. Шовен, попавший в разряд подозрительных, не мог уже покидать свой дом. <...> До 23 мая (т.е. на третий день после вступления версальцев в Париж. – *К.Д.*) Шовен не подавал признаков жизни. Укрывшись в глубине подвала, бедняга был в отчаянии, слыша, как французские снаряды свистят над крышами Парижа. Наконец однажды, между двумя канонадами, он рискнул выйти на улицу».

Шовен оказывается между баррикадой коммунаров и отрядом усмирителей-версальцев в самый разгар боя. С возгласом

«Да здравствует Франция!» он погибает под выстрелами с обеих сторон, «зажатый между двумя ненавистями». «Так погиб Шовен, жертва нашей гражданской войны. Он был последним французом».

Но и в Третьей республике далеко не все были готовы хоронить Шовена. Уже знакомый нам Йоахим Амбер восклидал, обращаясь к привычному образу покровителя шовинизма:

«Да, храбрый Шовен, ты – народный гений страны, ты хранишь веру, и пока вокруг тебя все полыхает, все рушится, ты стоишь на руинах, чтобы слышен был клич “Да здравствует Франция!” Пусть смеются глупцы, храбрый Шовен, пусть трусы бегут, пусть предатели торжествуют, <...> завтрашний день принадлежит тебе, потому что ты – единственный человек во Франции, имеющий право называть себя представителем народа» («В стране чести», 1879) [цит. по: Fournel, 1893, p. 82].

Историк и литературный критик Виктор Фурнель (1829–1894) в 1893 г. говорил о Шовене как вечном типе почти в тех же выражениях, что и Жак Араго в 1845 г.: «...шовен (как имя нарицательное, со строчной. – К. Д.) – слепой, наивный, упрямый патриот, энтузиазм которого одновременно нелеп и трогателен; он исповедует суеверный культ национального величия с крайней нетерпимостью. Шовен не обязательно солдат, но поклоняется он прежде всего славе нашего оружия. Для него Наполеон никогда не был побежден, его предали». «Его не убили ни пруссаки, ни коммунары, ни анархисты: Шовен претерпел метаморфозы, но он бесмертен» [Fournel, 1893, p. 81, 82].

Накануне Первой мировой войны член Французской академии Ж. Кларети изложил еще одну версию смерти Шовена: «...Возвращение белого знамени [Бурбонов] повергло его в состояние крайнего возбуждения. Шовен принес домой старый трехцветный флаг, постелил его как простыню самую что ни есть гроньярскую (*plus grognard que jamais*) и прошептал: “На нем и умру”. Слово свое он сдержал» («Temps», 3 января 1913 г.) [цит. по: Ruymège, 1993, p. 18–19].

Версия Кларети, надо думать, возникла из упоминавшейся выше песни Беранже «Старое знамя» (1820), и это еще одно свидетельство устойчивой связи между образом Шовена и образом гроньяра эпохи Реставрации. Эта связь вплоть до начала XX в. отчасти проецировалась и на понятие ‘шовинизм’ во французской культуре XIX в.

За пределами Франции образ Шовена оставался на периферии культурного сознания; это было одной из причин существенных различий в семантике понятия ‘шовинизм’ во Франции и вне ее. В 1859 г. писатель и публицист Николай Мельгунов (1804–1867) дает характеристику Шовена, близкую к той, которую давали сочувственно относившиеся к этому образу французские авторы: «Конечно, и воинская доблесть французов впадает часто в крайности, в смешное, в шовинизм. Шовен – тип, созданный самими французами, как и Прудом¹; это карикатура на воинственные черты нации, как Прудом на буржуазные. Но все-таки в данном случае смешное не уничтожает высокого; воинский же дух французской нации есть одно из ее высоких качеств, нанесшее много вреда, но и способное, при добром направлении, принести много пользы» [Мельгунов, 1859, с. 120].

Позднее обозреватель «Вестника Европы» использует слово ‘шовен’ (со строчной) уже как синоним слова ‘шовинист’ в его современном значении: «этот “патриотизм” особого рода, это самовосхваление, самообольщение и стремление к непризнанию, к подавлению чужого, к насилию, одним словом, тот самый “патриотизм”, которым так желают наши московские и петербургские шовены заразить и русскую общественную мысль» [Полонский, 1870, с. 902].

Список литературы

- Доде А. Смерть Шовена (исторический набросок) // Синий журнал. – Санкт-Петербург, 1915. – № 9, 28 фев. – С. 15.
- [Мельгунов Н.А.] Заметки русского в Париже. Статья третья и последняя // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1859. – Т. 126, № 11. – С. 1–32. (6-я паг.). – Подпись: Н. М-в. (Н. Ливенский).
- [Полонский Л.А.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – Санкт-Петербург, 1870. – Кн. 10. – С. 899–918.
- Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: эпизод из истории национализма / пер. с фр. В.А. Мильчиной. – Москва: Языки рус. культуры, 1999. – 401 с.
- Alexandre R. Le musée de la conversation. – Paris: Bouillon, 1892. – 446 p.
- Alexandre R. Manuscrit «La Vénus d’Ille» de Prosper Mérimée // Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire. – Paris, 1898. – 15 janvier. – P. 15–24.

¹ «Г-н Жозеф Прюдом», тип самодовольного, ограниченного буржуа, созданный Анри Монье в 1830 г.

- Ambert J.* Au pays de l'honneur: Souvenirs et récits. – Paris: Librairie Saint Paul, 1879. – 261 p.
- Ambert J.* Lettre à un soldat (juillet 1837) // *Ambert J.* Essais en faveur de l'armée. – Paris: Gaultier-Laguionie, 1839. – P. 134–148.
- Arago E.* République et artistes // *Revue républicaine*. – Paris, 1834. – T. 2. – P. 14–29.
- Arago J.* Chauvinisme // *Dictionnaire de la conversation et de la lecture: Supplément*. – Paris: Garnier, 1845. – T. 4(16). – P. 452–455.
- Avenel P.* Chants et chansons. – Paris: Librairie moderne, 1889. – 414 p.
- Bayard J.-F.-A., Dumanoir P.* Les Guêpes, *Revue Mêlée De Couplets*. – Paris: La-combe, 1840. – 13 p.
- Béranger P.-J. de.* Œuvres complètes. – Paris: H. Fournier, 1839. – T. 2. – 344 p.
- Bescherelle L.-N.* Dictionnaire national ou Grand Dictionnaire classique de la langue française. – Paris: Simon, 1845. – T. 1. – 1319, VI p.
- Brulart S.-F., comtesse de Genlis.* Adèle et Théodore; ou, Lettres sur l'éducation. – Bruxelles: Meline, 1852. – 234 p.
- Büchmann G.* Geflügelte Worte: Der Literaturschatz des deutschen Volks. – Berlin: Haude und Spenser, 1866. – 231 S.
- Cabassol J.* Chanson morale // *La Goguette: chansonnier de table et de société*. – Paris: Marchands de nouveautés, 1834. – P. 26–29.
- Claretie J.* La vie moderne au théâtre. – Paris: Barba, 1869. – 385 p.
- Cogniard T., Cogniard J.-H.* La cocarde tricolore, épisode de la guerre d'Alger. – Paris: J. Didot, 1831. – 64 p.
- Daudet A.* La Mort de Chauvin // *Daudet A.* Contes et récits. – Paris: F. Polo, 1873. – P. 121–126.
- Delvau A.* Le fumier d'Ennius. – Paris: Faure, 1865. – VII, 315 p.
- Encyclopédie de famille*. – Paris: Firmin Didot, 1868. – T. 4. – 468 p.
- Fournel V.* Chauvin et les types militaires // *Le livre et l'Image*. – Paris: Lahure, 1893. – T. 2. – P. 81–94.
- Francis [Allarde M.-F. de], Brazier N., Dumersan T.* Les moissonneurs de La Beauce; ou, Le soldat laboureur; comédie villageoise en un acte, mêlée de couplets. – Paris: Huet, 1821. – 38 p.
- Francis [Allarde M.-F. de], Théaulon M.-E., Artois A. de.* Les jolis soldats, tableau militaire, civil et vaudeville, imité de Charlet. – Paris: Barba, 1826. – 39 p.
- Guénée A., Potier C.* En avant, marche!: revue de l'année 1857 en trois actes et seize tableaux. La Guerre des saisons, prologue. – Paris: Charlieu, 1857. – 16 p.
- Guerraz P.* Correspondance d'Orient // *Revue britannique*. – Paris, 1893. – T. 6. – P. 172–180.
- Jal A.* Gaîté et les comiques de Paris // *Nouveau tableau de Paris, au XIXme siècle*. – Paris, 1834. – T. 12. – P. 262–332.
- Labarthe G.* Le Théâtre pendant les jours du Siège et de la Commune. (Juillet 1870 à juin 1871). – Paris: Librairie fischbacher, 1910. – 143 p.
- Larchey L.* Les excentricités du langage. – 5e éd. – Paris: Dentu, 1855. – 335 p.
- Larive [Merlette A.-N.], Fleury [Hauvion C.].* Dictionnaire français illustré des mots et des choses. – Paris: Chamerot, 1888. – T. 1. – 1038 p.
- Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. – Paris, 1872. – T. 8, part. 4. – 1664 p.

- Larousse P.* Nouveau dictionnaire de la langue française. – Paris: Larousse et Boyer, 1863. – 868 p.
- Le pere de Chauvin* // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen. – Braunschweig, 1891. – Bd. 86. – S. 393–398. – Подпись: Un vieux Parisien. (Перепечатка из газ. «Figaro», 2 novembre 1882.)
- Lepeintre ainé* // Musée Dantan: Galerie des charges et croquis des celebrites de l'époque. – Paris: Delloye, 1839. – P. 106–110.
- Les moeurs. Contes et Nouvelles*, par Victor Ducange [Revue] // Nouvelle bibliothèque des romans. 1833 et 1834. – Paris, 1834. – T. 2. – P. 92–94.
- Littre E.* Dictionnaire de la langue française. – Paris: Hachette, 1863. – T. 1, 1er part. – 944 p.
- Mensuel E.* Lettres Parisiennes: Revue des premiers mois de 1840 // L'invariable: Nouveau Mémorial Catholique. – Paris, 1839. – T. 14. – P. 384–411.
- Millet-Saint-Pierre J.-B.* Coup-d'oeil sur les types sociaux a diverses époques // Revue de Rouen et de Normandie. – Rouen, 1850. – T. 18. – P. 97–102.
- Monnier M.* La Princesse Danubia // Monnier M. Théâtre de marionnettes. – Genève: F. Richard, 1871. – P. 41–73.
- Muret T.* L'histoire par le théâtre 1789–1851. – Paris: Amiot, 1865. – 2-me série: La Restauration. – 390 p.
- Nadaud G.* Les Chansons. – Paris: Plon, 1870. – 587 p.
- Noriat J.* La vie en détail: Le 101e Régiment. – Paris: Bourdilliat, 1859. – 292 p.
- Oeuvres poétiques de Chauvin. Trois romans militaires.* – Paris: Gaultier-Laguionie, 1825. – 19 p.
- Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires.* – Paris: Libraire historique, 1821. – T. 2. – 276 p.
- Puymège G. de.* Chauvin, le soldat-laboureur: Contribution à l'étude des nationalismes. – Paris: Gallimard, 1993. – 294 p.
- Ce qui s'achète et qui ne se vend pas* // Le Revenant. – Paris, 1832. – N 217, 6 aout. – P. 2–3.
- Saint-Léon, Franconi [L.], Franconi A.* Le Chien du Régiment, ou l'Exécution militaire: Mélodrame en un acte. – Paris: Pollet, 1825. – 32 p.
- [*Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée*, par M. Eugène Jouve. <...> 1854: Revue] // Revue de Paris. – Paris, 1855. – T. 25, 1er mai. – P. 458–460.

2. 'Шовинизм': происхождение и эволюция понятия в XIX в.

'Шовинизмом' называют ныне всякий агрессивный и нетерпимый национализм, однако первоначально в нем видели специфически французское явление. Шовинизму в этом, более узком значении, посвящена монография Жерара де Пюимежа (1993) [Пюимеж, 1999]. Здесь шовинизм понимается как феномен обще-

ственного сознания, реконструируемый исследователем на основании определенных критериев.

Наша задача скромнее. Нас интересует понятие ‘шовинизм’ в языке XIX в., прежде всего во Франции: как оно появилось, в каких контекстах выступало, какое вкладывалось в него содержание и как оценивалось обозначаемое им явление.

2.1. Рождение термина

Слово ‘шовинизм’ (*фр.* chauvinisme) образовано от имени Шовен (Chauvin), история этого вымышленного персонажа прослежена выше. Во французских справочниках слово ‘шовинизм’ датируется 1834 г. Однако уже летом 1832 г. – всего через полтора года после премьеры «Трехцветной кокарды» (см. разд. III. 1.2) – оно встречается в легитимистском сатирическом еженедельнике «Le Revenant» («Призрак»). Здесь оно означает искусственно возбуждаемую патриотическую экзальтацию: «Франция чудовищно устала, поскольку не находит ничего великого, доброго, счастливого в том патриотическом шовинизме, который, подобно религии Магомета, служил лишь обогащению нескольких наглых обманщиков и кучки презренных интриганов <...>» [Ce qui s'achète..., 1832, p. 2].

Сенсимонистская газета «Globe», согласно сатирическому еженедельнику «Шаривари» от 15 декабря 1833 г., изъяснялась такими терминами, как «имбецилизм, идиотизм, беотизм [неотесанность], рутинизм, меркантилизм, шовинизм, вольтерьянизм, архикретинизм» [De nos deux..., 1833, p. 2].

Отсюда следует, что в начале 1830-х годов язвительное словечко ‘шовинизм’ взяли на вооружение представители двух противоположных, казалось бы, лагерей: легитимистов и сенсимонистов. Те и другие, однако, сходились в критике бонапартизма.

С середины 1830-х годов, вследствие знаменательной аберрации восприятия, старого гроньяра Франкёра, героя знаменитого водевиля «Солдат-земплепашец» (1821), начали ошибочно называть Шовеном, и именно от него вести родословную шовинизма.

В 1830-е годы шовинизм чаще всего упоминается в связи с песнями, водевилями и литографиями эпохи Реставрации. Согласно историку и журналисту Огюстену Жалю, «инстинктивный *Шовинизм*, начало которому положили наивно-кичливые <...> песни», главенствовал в оппозиционных кругах с 1814 по 1825 год,

«когда более широко понимаемый либерализм начал смеяться над похвалами, которые французы расточали французам <...>. Шарле¹, создав новобранца Шовена, воздал должное этому ребячеству общественного мнения» («Парижская веселость и парижские комики», 1834) [Jal, 1834, p. 272]. Именно на эту статью чаще всего ссылались позднейшие авторы, занимавшиеся генеалогией понятия 'шовинизм'.

В 1834–1835 гг. слово 'шовинизм' многократно встречается в театральном разделе рубрики «Хроника» влиятельного литературного журнала «Revue de Paris»². Первое из этих упоминаний связано с драмой «Тадеуш воскресший», поставленной в Национальном театре Олимпийского цирка 17 декабря 1834 г.: «Переходя от триумфа к триумфу и водружая своего орла с колокольни на колокольню (стиль бюллетеня³), он (Олимпийский цирк. – К. Д.) победил множество русских, пруссаков, англичан и даже турок. <...> Жгучий шовинизм, охвативший, подобно греческому огню, своды зала⁴, воспламенил зрителей, актеров, музыкантов, статистов и лошадей!» [Chronique, 1834, p. 165].

В следующем номере журнала сообщалось: «...Лепентр-старший⁵ провел полжизни, представляя старых сержантов, старых полковников, щедрых фабрикантов, словом, весь военный шовинизм Империи и промышленный шовинизм Реставрации» [Vaudeville, 1835, p. 358]. Под «промышленным шовинизмом», по-видимому, имелось в виду восхваление французских предпринимателей, по аналогии с восхвалением воинских подвигов солдат наполеоновской империи. Позднее либеральный экономист Л. Вольовски назовет «промышленным шовинизмом» систему протекционизма [Wolowski, 1848, p. 296].

Самое критическое из упоминаний о шовинизме в «Хронике» связано с панорамой «Битва под Москвой» Ж.Ш. Ланглуа, выставленной в 1835 г. в Париже с огромным успехом: «...Зрелище

¹ Никола Туссена Шарле (1792–1845), автор необычайно популярных литографий из военной жизни.

² Цитировавшийся выше Огюстен Жаль публиковался в этом журнале; можно предположить, что ему принадлежала и театральная часть «Хроники».

³ Аллюзия на знаменитое воззвание Наполеона от 1 марта 1815 г.: «Орел с национальным триколором полетит с колокольни на колокольню, пока не опустится на башне Собора Парижской Богоматери».

⁴ По случаю премьеры в зале театра была установлена огромная газовая люстра.

⁵ Шарль Эммануэль Лепентр (Лепентр-старший, 1782–1854); именно он играл главную роль в водевиле «Солдат-землепашец».

этой битвы под Москвой опасно; оно возрождает воинскую гордыню нации, стоившую нам столько крови, поражает отупляющим *шовинизмом* самые скептические умы; ибо есть разновидность истинно французских французов (*exclusivement Français*) – антирусских, антианглийских, врагов всех на свете, фанатиков Великой армии, фанатиков императора, жаждущих гренадерских шапок и славы, готовых идти, чтобы перерезать глотку первому встречному либо вышибить себе мозги у подножия [Вандомской] колонны» [Chronique, 1835, p. 307].

2.2. Стендаль и Мишле

Проспер Мериме в воспоминаниях о Стендале писал: «...Он боялся преувеличений национального тщеславия» и «беспоощадно высмеивал то, что потом было названо *шовинизмом* – чувство, которое все же имеет и свою хорошую сторону, заставляя новобранца драться, как старого солдата» («Анри Бейль (Стендаль)», 1850) [Mérimée, 1874, p. 187]. Альбер Колиньон в очерке о Стендале (1868) замечает: «...Шовинизм <...> он, вслед за Тюрго, называл патриотизмом передней (*le patriotisme d'antichambre*) <...>» [Colignon, 1868, p. 101].

Со ссылкой на Тюрго о «патриотизме передней» неоднократно говорилось в «Литературной корреспонденции» Мельхиора Гримма за 1770–1771 гг. (опубл. в 1812 г.). Имелись в виду «плохие и преувеличенные похвалы французскому народу, <...> на которые не скупятся наши второразрядные авторы в доказательство своего патриотизма» [Grimm, Diderot, p. 27], подробнее об этом: [Душенко, 2019, с. 223–225]. В 1827 г. П.А. Вяземский перевел выражение «*patriotisme d'antichambre*» (взяв его, вероятно, у Стендаля) как «лакейский патриотизм», а в качестве русского аналога ввел выражение «квасной патриотизм».

Выражение «*le patriotisme d'antichambre*» встречается у Стендаля в 1820-е годы. Слово «шовинизм» тогда не существовало, но «патриотизм передней» Стендаль осуждает почти в тех же выражениях, в которых десятилетием спустя осуждался шовинизм: «Мудрец Тюрго, который любил свою страну и в лести ей видел лишь промысел мошенников и глупцов, назвал *патриотизмом передней* энтузиазм дураков <...>» («Рим, Неаполь и Флоренция», 2-е изд., 1826) [Stendhal, 1826, p. 250]. «Я видел, как это чудовище заставляло тупеть самых умных людей»; «...Одной из форм этого

патриотизма является неумолимая ненависть ко всему иностранному» («О любви», 1822) [Стендаль, 1978, с. 152, 153].

Тем не менее позднейший биограф замечает по поводу стендалевской «Жизни Наполеона» (1818): «Бейль оказывается здесь шовинистом – таким же шовинистом, как Беранже. В своем углу он тоже трудился над легендой!» [Bérard-Varagnac, 1887, p. 58]. Как видим, здесь шовинизм, как и у многих других авторов XIX в., едва ли не синоним наполеоновской легенды.

В монографии де Пюимежа примером «национальной идеологии, строящейся <...> на основе шовинистических мотивов» служит прежде всего творчество Жюль Мишле, историка и философа романтической школы. В знаменитом трактате Мишле «Народ» (1846) отечество понимается как «невидимый Бог в его высшем единстве» [Пюимеж, 1999, с. 230, 231]. Обоожествление отечества сочетается у Мишле с народопоклонством (пользуясь термином Вл. Соловьева), т.е. верой в то, что главные национальные и универсальные ценности воплощены в простом народе. Однако известные нам упоминания современников о Мишле в связи с шовинизмом имели в виду прежде всего его англофобию как проявление национальной мегаломании.

В 1847 г. в журнале «Revue britannique» отмечалось, что Мишле «видит в англичанине лишь хорошо устроенную и хорошо питающуюся машину, деятельное орудие, но не человека. <...> ...Англофобия – это то, что вульгарно называется шовинизмом <...>» [Correspondance, 1847, p. 211 (редакционное примечание)].

Действительно, согласно Мишле, француз есть целостный человек, тогда как англичанин – «всего лишь винтик машины». «Англичанин – часть человека. Эта часть может быть замечательным, исключительно полезным работником; неважно! это лишь часть. Что бы он ни делал, он относителен, он существует по отношению к общему действию, к машине, к вещи. Это жизнь вещей, а не жизнь человека» («История Французской революции» (1847), II, 3, 3) [Michelet, 1847, p. 222, 254].

Жон Лемуан¹ говорил о «ребяческом применении шовинизма к пятнадцатому веку», имея в виду Мишле, обличавшего

¹ Ж. Лемуан (1815–1892), орлеанист, умеренный критик бонапартистского режима, с 1875 г. член Французской академии.

англичан как убийц Жанны д'Арк, хотя «Жанна <...> стала жертвой не столько англичан, сколько политиков французского двора» [Lemoinne, 1863, p. 302].

Напротив, историк Г. Моно, отмечая, что Мишле « всю свою жизнь проповедовал патриотизм, как религию », не видит какой-либо связи между этими взглядами и шовинизмом. В преддверии франко-прусской войны Мишле « почти в одиночку осмелился публично протестовать против воспитания тщеславного и дикого шовинизма » [Monod, 1875, p. 56].

Г. Моно был зятем А. Герцена, который также противопоставлял взгляды Мишле шовинизму. « Подвиг Мишле » он усматривал в том, что, повествуя об истории XVI столетия, Мишле « отрешается от французски-национальной точки зрения ». Это выделяет его среди соплеменников, которые « готовы считать других равными, если только другие их будут считать первыми. <...> Насколько эти остановившиеся понятия, эти национальные предрассудки мешают развитию и революции, лучше всего показывает *шовинизм* французов, на котором Наполеон I создал империю, а Наполеон III поддерживает свой хилый трон » [Герцен, 1957, с. 280].

2.3. 'Шовинизм' и патриотизм

Влиятельный публицист Альфонс Карр характеризует шовинизм как воинственную мегаломанию, свойственную не только французам:

« ...Если верить водевилям и песням, один француз стоит четырех англичан, четырех русских, четырех пруссаков и т.д.; но <...> в Лондоне поют, что один англичанин стоит четырех французов, четырех немцев и т.д.; в Петербурге – что один русский стоит четырех французов, четырех англичан и т.д. Всюду, словно это почетный титул, произносят:

“Я француз”,

“Я немец”,

“Я англичанин” и т.д.

<...> Если прогресс мысли и разума не химера, то нам во Франции следовало бы отказаться от этого шовинизма <...> » [Карр, 1840, p. 32].

Радикальный республиканец Этьен Араго думал иначе: « ...Мы признательны нашей стране и всей ее славе. <...> Мы немногo *шовинистичны*... (un peu *chauvin*). Когда при Реставрации

некоторые газеты ополчались на *шовинизм* наших театров¹, они прекрасно знали, что посредством литературы придут к фатальному космополитизму, к тому преступному равнодушию в вопросах политической религии, которое иссушило наши сердца. *Шовинизм* – это общедоступный способ проявления национального чувства. Увы! не вина тех, кому мы симпатизируем, если слова *Франция и доблесть, лавры и воины, успех и французский* (France et vaillance, lauriers et guerriers, succès et français) стали в наших устах смешными и давно уже рифмуются разве только для слуха!» [Arago E., 1839, p. 333].

Многие авторы, не исключая левых республиканцев, считали, что понятие ‘шовинизм’ лишено реального содержания и пущено в ход хулиателями французского патриотизма:

«..Сегодня <...> военные или национальные песни именуются *шовинизмом* – неологизм, используемый фельетонистами, чтобы насмешкой опорочить воспоминания, в которых, тем не менее, есть нечто благородное!» [Du Mersan, 1843, p. 9];

«...Материальные интересы, восторжествовавшие над великими абстракциями славы и отечества, изобрели гнусное слово Шовинизм, чтобы высмеивать чувства, которых они не понимали» [Regnault, 1846, p. IV];

«...[Простые французы] не знали, что патриотический порыв наших славных отцов 93 года граничил с чем-то смешным, с *шовинизмом* – оскорбительное словечко, придуманное для того, чтобы заклеить глуповатую и свирепую преданность своей стране» (Эжен Сю, роман «Мартин-подкидыш», 1846) [Sue, 1846, p. 117].

В эссе Жака Араго² «Шовинизм» (1845) Шовен наделен фиктивной биографией наполеоновского ветерана и то же время представлен как универсальный, общечеловеческий тип. Это тип человека, который «поклонялся одному богу... *своей родине!*» «*Шовинизм* сделался смешным лишь по вине тех, кому не понять, что такое преданность. *Шовинизм* встречается во всех государствах, во все времена, во всех землях. *Шовены* существуют среди парикмахеров, бюрократов, печников, бакалейщиков, среди богатых и бедных; всюду, где есть соперничество, есть *шовинизм*, так что он, как видите, вечен» [Arago J., 1845].

¹ Понятие ‘шовинизм’ в эпоху Реставрации не существовало; соответственно, и нападки на него относятся уже к позднему времени.

² Брат цитировавшегося выше Этьена Араго.

Для Теофиля Готье шовинизм и в 1850-е годы ассоциируется с революционными и наполеоновскими войнами: «Мы смиренно признаемся – пусть даже нас сочтут отчасти подверженными шовинизму (*un peu chauvin*), – что мы сожалеем об Олимпийском цирке; это было красивое и поистине национальное зрелище! <...> Эпосы наполеоновского и революционного цикла, представленные там, затрагивали благороднейшие струны души – преданность родине, презрение к смерти, отвагу, энтузиазм и беззаботную веселость, которая смеется перед лицом опасности <...>» [Gautier, 1859, p. 177].

Наиболее громкий пример ‘шовинизма’ революционера-республиканца – письмо Армана Барбеса (1809–1870) от 18 сентября 1854 г. из тюрьмы Бель-Иль-ан-Мер, где он отбывал пожизненное заключение. Адресованное одному из соратников Барбеса, письмо было перехвачено полицией и передано Наполеону III. Здесь говорилось: «Если ты затронут шовинизмом, потому что не хочешь победы русских, то я еще больший шовинист, чем ты (*plus chauvin que toi*), потому что желаю побед нашим французам. Да, да! пусть они там хорошенько побьют казаков, от этого много выиграет дело цивилизации и всего мира! Как и ты, я хотел бы, чтобы у нас не было войны; но раз уж меч обнажен, не следует вкладывать его в ножны без славы. Эта слава принесет пользу нации, которая нуждается в ней больше всего на свете. Со времени Ватерлоо мы – побежденные Европой, и чтобы сделать что-то хорошее даже у себя, я считаю полезным показать иностранцам, что и мы не разучились драться. Мне жаль нашу партию, если кто-то в ней думает иначе» [цит. по: Napoleon III, 1860, p. 293].

Наполеон III опубликовал выдержки из письма и свою резолюцию: «Заключенный, сохранивший, несмотря на долгие страдания, столь патриотические чувства, не может в мое царствование оставаться в тюрьме» [ibid.]. В эмиграции Барбес оставался ярким критиком бонапартистского режима, тем не менее уже после окончания Крымской войны Жорж Санд писала ему: «Я рада видеть, что вы остались *шовинистом* (*chauvin*), как говорят наши молодые блестящие умы в Париже, т.е. воином и рыцарем <...>» (письмо от 15 января 1867 г.) [Sand, 1882, p. 163–164].

С 1848 г. шовинизм все чаще упоминался в связи с возвышением Луи Бонапарта и политикой бонапартизма: «...кандидатура

Луи Наполеона, рожденная шовинизмом» [Hennequin, 1848, 97]; «Именно невежеством в сочетании с имперским шовинизмом и объясняются успехи г-на Луи Бонапарта» [Chronique, 1848, p. 357]; «...Именно императоры, разрушители республики, попиратели закона, проповедовали патриотизм и сделали его орудием господства. *Шовинизм* восходит к Юлию Цезарю» [Proudhon, 1868, p. 176].

Оценивая ситуацию во Второй империи ретроспективно, Теодор Дюре¹ замечает: «Три слова – отечество, патриот и патриотизм – почти вышли из обихода в эпоху империи; их употребление словно бы предполагало оппозицию к существующей власти. Для сторонников такого режима нет отечества, есть только империя, есть император, а патриотизм вырождается в шовинизм. <...> ...Шовинизм как раз и есть чувство, для которого слава нации состоит исключительно или почти исключительно в ее военном превосходстве» [Duret, 1876, p. 189].

Жюль Норьяк определяет шовинизм как «вечное повторение слов: “Отечество, слава, Франция, честь”» [Norias, 1859, p. 64–65]. Но далее он расширяет значение слова до крайних пределов, именую шовинизмом всякое преувеличение, экзальтацию, манерность, так что «ростовщический шовинизм» оказывается в одном ряду с «эксцентричным шовинизмом» бодлеровских «Цветов зла» [ibid., p. 66].

Морис Блок², подобно многим другим авторам, видит в шовинизме «карикатуру на патриотизм». «Шовинист (le “chauvin”)» считает, что любить свою страну – значит ненавидеть, презирать других. При этом “слава” для него заключается исключительно в военных успехах. Он не принимает к сведению, что нация может стать великой благодаря мирным искусствам, благодаря справедливости и свободе. Это заблуждение, хотя и в разной степени, встречается во всех странах и во все времена <...>. ...Подобно тому как в язвительных чертах карикатуры мы узнаем оригинал, так и в шовинизме мы находим какие-то искры священного огня патриотизма, но эти искры не дают благотворного тепла, а могут разве что произвести взрыв» [Block, 1863, p. 326].

В том же духе высказывался философ-моралист Эрнест Берсо (1816–1880): «Есть патриотизм, считающий свою страну совершенной, и патриотизм, стремящийся дать своей стране то, чего ей не хва-

¹ Т. Дюре (1838–1927), журналист, писатель, искусствовед, пропагандист импрессионизма.

² М. Блок (1816–1901), французский статистик и экономист родом из Германии.

тает; высокий, просвещенный патриотизм, и патриотизм, именуемый шовинизмом, скорее упрямый, чем разумный. <...> ...Шовинизм <...> признает лишь одну добродетель – презрение ко всему иностранному <...>: он протестовал против Шекспира, против итальянской музыки, против немецкой музыки и немецкой литературы, против английской свободы <...>» [Bersot, 1868, p. 40].

На Всемирной выставке в Париже 1867 г., по словам Жюль Симона¹, родился «своего рода новый шовинизм <...> взамен другого шовинизма, отжившего». «Мы с энтузиазмом хвалимся тем, что являемся номером один во многих отраслях промышленности» (речь в Законодательном корпусе 20 февраля 1870 г.) [Simon, 1870, p. 242].

Для братьев Гонкур шовинизм неприемлем как потакание грубым страстям и дурному вкусу толпы. В отклике на смерть Беранже они замечают: «...Весь этот шовинизм, вся эта осанна сабле, <...> эта овация мансарде и служанке, <...> эта тиртеида² черни и мещан – вот он, Беранже» («Дневник», 20 июля 1857 г.) [Гонкур Э., Гонкур Ж., 1964, с. 145].

О «плебейском шовинизме» говорится в романе Р. Флери «Врач с фиалками» (1861). Однако у Флери эта оценка не носит негативного характера; шовинизм для него – «глубокое чувство, которому Наполеон воздавал должное в своем изгнании» [Fleury, 1861, p. 21].

В 1867 г. Л.Ж. Трошю, будущий председатель правительства национальной обороны (1870–1871), опубликовал трактат с резкой критикой военных порядков Второй империи. Здесь говорилось: «...Свойственный нашей стране дух, именуемый *шовинизмом*, – род военного энтузиазма, проистекающий из хорошего источника, но обладающий недостатками любого предвзятого убеждения, т.е. иллюзиями, предрассудками и своего рода слепотой. Шовинизм для военного духа то же, что фанатизм для религиозного духа: искажение и крайность» [Trochu, 1867, p. 64].

Зато Орельян Шоль³ оценивал шовинизм целиком положительно как французскую форму патриотизма и национального единения:

¹ Ж. Симон (1814–1896), философ, критик бонапартизма, в 1871–1873 гг. министр просвещения, в 1876–1877 гг. председатель правительства.

² Поэт Тиртей (VII в. до н.э.), по преданию, внушал спартанцам отвагу своими песнями.

³ О. Шоль (1833–1902), писатель и журналист.

«Франция, где так много дурных страстей высвобождается под флагом образования, философии или литературы, – Франция всегда будет охраняться шовинизмом.

Патриотизм принадлежит всем народам, шовинизм принадлежит только нам.

У нас барабан и рожок заглушают все волнения и объединяют все мнения» [Scholl, 1865, p. XII].

Военный публицист Йоахим Амбер в 1830-е годы защищал фигуру Шовена от нападок, возводимых на него как олицетворение армии [см. Душенко, 2022]. Три десятилетия спустя Шовен для него – «символ почтенного возраста, обветшалой традиции» [Ambert, 1868, p. 320], а шовинизм понимается крайне расширительно, утрачивая связь с национальной мегаломанией и воинственными устремлениями: «На всех поприщах самые молодые, самые остроумные, самые галантные в свой черед станут, если Бог дарует им долгую жизнь, шовинистами. *Шовинизм* – синоним *минувшего*. Настоящее и будущее сходятся в том, что жалеют его, а часто и презирают. Романтики презирали классиков, которые, дескать, были шовинистами в литературе. В искусстве, в политике, на войне есть свои шовинисты» [ibid., p. 319].

Военная катастрофа 1870–1871 гг. в огромной мере способствовала дискредитации комплекса идей и настроений, обозначавшихся словом ‘шовинизм’. «...Патриотизм мира, – заявляет историк Альфонс Марешаль, – должен прийти на смену патриотизму войны, патриотизм свободы – на смену шовинизму тирании» [Maréchal, 1872, p. 301].

Тем не менее взгляд на шовинизм как на вполне приемлемую форму патриотизма не исчез окончательно. «Франция, – писал Жюль Кларети¹, – единственная страна, у которой <...> достало остроумия скроить свой собственный патриотизм и воплотить его в комичной фигуре *Шовена*, откуда и произошел *шовинизм* – болезнь и, похоже, порок. Порочен он или комичен, я, тем не менее, готов преклоняться перед ним как перед добродетелью» [Claretie, 1883, p. 430–431].

С 1850-х годов слово ‘шовинизм’ (в значениях: национальная мегаломания, экзальтированный патриотизм) начинает применяться и к другим европейским странам:

¹ Ж. Кларети (1840–1913), журналист, драматург, беллетрист, с 1888 г. член Французской академии.

«В настоящее время (после Крымской войны. – К. Д.) английский *шовинизм* оставил далеко позади французский *шовинизм*, который столь часто высмеивали» [Sachot, 1857, p. 402];

«То, что он (Пальмерстон. – К. Д.) представляет в данный момент у власти, <...> это английский патриотизм, я бы даже сказал – английский шовинизм, за неимением лучшего слова, чтобы выразить чувство, за которое часто упрекают Францию, но которое существует и в этой стране и отличается еще большей нетерпимостью и резкостью» [Phillips, 1862, p. 598];

«Они (англичане. – К. Д.) патриоты и даже, если можно так выразиться – а почему бы и нет? слово уже утвердилось, – они *шовены* (chauvins). Нас столько раз упрекали за наш французский шовинизм, что я весьма рад случаю упрекнуть в этом других. Немцы, бельгийцы, англичане, конечно, такие же шовены, как и мы» [Claretie, 1865, p. 136].

После 1871 г. чаще говорилось уже о германском шовинизме: «В Германии патриот 1813 года стал шовинистом в 1871 году» [Humbert, 1877, p. 193]; «...Шовинизм – хроническая болезнь, которой они (немцы. – К. Д.) страдают очень давно» [Boillot, 1883, p. 33].

2.4. Словарные определения

В словарных определениях шовинизма на протяжении XIX в. наблюдался сильный разброс значений в зависимости от общественно-политической позиции лексикографа.

Л.Н. Бешерель в 1845 г. определяет шовинизм как «хронический фанатизм» (fanatisme stationnaire), который может быть и «культурным», и «политическим», и «военным». Здесь же цитировался анонимный автор журнала «Revue de Paris» за 1844 г.: «Всякий шовинизм есть проявление дурного вкуса» [Bescherelle, 1845; Le juif..., 1844, p. 84].

Живучесть многократно осмеянного шовинизма отмечается в словаре 1853 г.: «Шовинизм до сих пор разжигает энтузиазм в лавках и хижинах и доблестно воюет с казаками и прочими ветряными мельницами, крылья которых хлопают на словах и поодаль. Pamфлеты его уже высекли, но он по-прежнему жив <...>» [La Châtre, 1853, p. 932].

В словаре Буйе (1854) «шовинизм» – это «наполеоновский, а затем и всякий другой политический фанатизм» [Bouillet, 1854, p. 323]. В словаре Ларусса 1867 г. – «патриотизм, воинственные и

прочие чувства, питающиеся пылкостью воображения и совершенно чуждые соображениям разума» [Larousse, 1867, p. 1111]. В словаре Ларчи 1872 г. дается также расширительное толкование шовинизма как «всякого банального преувеличения» [Larchey, 1872, p. 89]. Пример такого понимания мы видели у Жюль Норьяка.

В словарь Французской академии слово 'шовинизм' было включено в 1878 г., причем соответствующая статья выдержана отнюдь не в академической тональности: «Обиходный термин, который использовался для осмеяния. Страстное чувство (*sentiment exalté*) гордости славой французского оружия» [Dictionnaire..., 1878, p. 297].

Можно предположить, что автором статьи был Камиль Дусе (1812–1895), поэт и драматург, непреременный секретарь Французской академии. Двумя годами ранее в докладе о работах, представленных на соискание премии Французской академии, он возражал географу Альберу Дюпеню, который в национальной мегаломании усматривал причину угрожающего Франции цивилизационного отставания. Французы, согласно Дюпеню, привыкли смотреть свысока на достижения прочих народов. «Это преднамеренное невежество в настоящий момент составляет самый опасный и самый серьезный недостаток французского характера. Именно оно, подпитываемое ложью газет и революционных историков¹, в конце концов пропитало нашу кровь гротескно-наивной формой патриотической гордыни, известной под именем *шовинизма* <...>» [Dupaigne, 1873, p. 48].

Дусе, комментируя это высказывание, анонсирует появление в словаре Академии слова 'шовинизм', а пока замечает: «Как сказал один из наших коллег, шовинизм – это хороший порок, который следует сохранить, это народная, а не гротескная форма патриотизма. Со своим шовинизмом, говорил другой, Франция всегда была первой на страже закона и справедливости. Справедливость и закон стали менее слышны с тех пор, как наши несчастья обрекли ее на молчание» [ibid.].

2.5. Понятие 'шовинизм' за пределами Франции

В других европейских языках слово 'шовинизм' появилось в конце 1830-х годов, но общеупотребительным стало в эпоху Вто-

¹ Тут, судя по контексту, имелись в виду авторы сочинений о революционных и наполеоновских войнах.

рой империи. В англо-французских словарях последних десятилетий XIX в. оно определяется как «фанатизм, чрезмерный энтузиазм», «партийный фанатизм», «ультрапатриотизм». В «Имперском словаре английского языка» Дж. Огилви (1882) – как «нелепо преувеличенный патриотизм или военный энтузиазм», «восторженная, бездумная преданность какому-либо делу» [Ogilvie, 1882, p. 447]. В американской энциклопедии 1891 г. – «экстравагантный и нелепый патриотизм и гордость за собственную страну» [Chamber's..., 1891, p. 139]. В словаре Брюэра – «слепое идолопоклонство перед Францией и французами» [Brewer, 1885, p. 157].

Американский дипломат Альберт Родс видит в шовинизме специфически французскую форму мегаломании: «Такова его (француза. – К. Д.) национальная гордость: он склонен полагать, что все иностранцы сожалеют о том, что они не французы. Его шовинизм не имеет аналогов <...> с библейских времен, когда евреи считали себя богоизбранным народом. По его убеждению, он принадлежит к самому авангарду цивилизации, преодолевающему препятствия и указывающему путь другим. Его страна – родина благородных политических идей и колыбель всех искусств. Это поле битвы, на котором утверждается истина и разбивается заблуждение. Отсюда исходят непреходящие принципы свободы и справедливости, несущие избавление всюду, где бы они ни были провозглашены» [Rhodes, 1875, p. 23]. Заметим, что именно эти идеи развивались в трудах Мишле, хотя, разумеется, он не был единственным их выразителем.

Существенно реже шовинизм определялся как форма ксенофобии¹, например: «Шовинист – это человек, способный проявлять свои патриотические чувства не иначе как в выражении ненависти к другим странам» [Foundlings, 1863, p. 504].

В немецкой печати 1850–1860-х годов шовинизм – характеристика прежде всего идеологии и внешней политики бонапартизма.

В начале франко-прусской войны известный физиолог Эмиль Генрих Дюбуа-Реймон заявил: «Она (Франция. – К. Д.) до сих пор одержима мечтами о военной славе и завоеваниях. Следовательно, в нашем понимании французы нецивилизованный народ. Древняя кельтская дикость, которая губит Ирландию, есть и у них в крови». Но можно надеяться, продолжает Дюбуа-Реймон, что эта война «полностью излечит французский народ от иллюзии собст-

¹ Само это слово появилось лишь на рубеже 1870–1880-х годов и вплоть до конца XIX в. употреблялось редко.

венного превосходства, от воображаемых притязаний, дерзкого высокомерия, дикой жажды войны и завоеваний, словом, от шовинизма» [Du Bois-Reymond, 1870, p. 38, 40].

Согласно Вольфгангу Менцелю, прозванному в Германии «французоедом», «шовинизм столь же стар, как история Франции. Это врожденный, безрассудный и бесчеловечный эгоизм и высокомерие нации; не исключение, сделанное Наполеоном, а правило» [Menzel, 1870, S. 58]. В словаре 1892 г. 'шовинизм' определяется как «хвастливая ненависть французов к немцам (по имени Шовена, старого солдата и восторженного поклонника Наполеона I)» [Äbelacker, 1892, p. 44].

В двуязычных немецко-французских словарях 'шовинизм' определялся как «чрезмерный воинственный пыл»; «постоянный политический или социальный энтузиазм» [Peschier, 1862, S. 110]; «комичная национальная гордость французов» [Haas, 1885, S. 80]. В этимологических и толковых словарях 1890-х годов – как «идолопоклонство перед Наполеоном» [Kluge, 1894, S. 63]; «преувеличенное восхищение Наполеоном I; преувеличенный, страстный патриотизм» [Mann, 1895, S. 44].

У К. Маркса и Ф. Энгельса 'шовинизм' означает обычно агрессивный национализм, стремящийся к завоеваниям; в этом смысле он равно свойственен самодержавной России, империи Наполеона III и бисмарковской Германии. Такое понимание было вообще свойственно интернационалистским идейным течениям XIX в. У Энгельса слово 'шовинизм' встречалось также в его исходном значении (преувеличенный, экзальтированный патриотизм): «У нас вызывает улыбку шовинизм Виктора Гюго, который считает Париж священным городом – в высшей степени священным! – а всякую попытку атаковать его – святотатством» («Заметки о войне. XX», 13 октября 1870) [Маркс, Энгельс, 1960, с. 135].

В русской печати слово 'шовинизм' появилось в 1839 г. в статье, переведенной с английского¹. Здесь приводятся выдержки из памятного альбома гостиницы «La Belle Alliance» близ места битвы при Ватерлоо. Запись английского ветерана, вспоминающего о «великих подвигах» товарищей по оружию, названа здесь «клочком прозы, внушенной тем воинским чувством, которое

¹ Оригинальное название: «The Waterloo Album»; вероятно, впервые статья появилась в журнале «Naval and Military Magazine», а затем была перепечатана в ряде французских, немецких и американских изданий.

французы называют шовинизмом (chauvinisme)» [Ватерлоский..., 1839, с. 39].

Первоначально под ‘шовинизмом’ в русской печати, как и в печати других европейских стран, чаще всего имелась в виду военно-патриотическая экзальтация, тесно связанная с наполеоновской легендой. Это значение указывалось в качестве главного или одного из главных в энциклопедиях и словарях: «фанатическое преклонение памяти Наполеона 1-го; восторженное, безусловное восхваление его системы и всего, что было сделано им» [Макаров, 1870, с. 189]; «бурное патриотическое настроение воинственного характера, поддерживаемое разгоряченной фантазией» [Энциклопедический..., 1903, с. 761]; «сперва <...> всякое безграничное удивление, питаемое к Наполеону после 1815 г., потом вообще политическое самообольщение, самообожание» [Чудинов, 1894, с. 959]; «воинственный задор и стремление ставить себя выше других народностей» [Попов, 1907, с. 438 (1-я паг.)].

П.Д. Боборыкин считал «задор, самообман, фанфаронство, невежественную узкость взглядов» неизбежными спутниками французского шовинизма [Боборыкин, 1875, с. 160]. А. Герцен определял шовинизм как «исключительный национализм», «аннексионистский и эгоистический патриотизм» (письмо к Прудону от 13 апреля 1861 г. на франц. яз.) [Герцен и Запад, 1985, с. 321]; Ф.М. Достоевский – как «обидчивый патриотизм» («Дневник писателя», июнь 1876, гл. 1: «Смерть Жорж Занда») [Достоевский, 1981, с. 31].

С конца 1860-х годов ‘шовинизмом’ в русской печати начинает именоваться также русский национализм великодержавного толка. Обозреватель либерального «Вестника Европы» писал: «...В то самое время, когда оказывается вся несостоятельность шовинизма, наши шовинистские органы находят как будто особенно удобным для усугубления своей проповеди, своих призывов к “укреплению национального самосознания”, к непрерывному произношению русскими гражданами слова “патриотизм”, и вообще ко всяким мерам самовозбуждения». «Московские ведомости» и «Голос» «хотят запутать нашу общественную мысль, представить ей, что тому самому шовинизму, который привел Францию на край гибели, Пруссия именно и обязана своими необыкновенными успехами. <...> К шовинизму, пораженному во Франции, они прицепляют прусскую пломбу и, самоуверенно показывая нам подмененный товар, хотят уверить нас, что именно этот шовинизм, т.е. национальное чванство, бездельное презрение

к другим народам, глупое самообольщение своим несравненным величием – этот-то шовинизм будто бы и создает все могущество Пруссии» [Полонский, 1870, с. 900, 901].

Позднее такое понимание шовинизма было особенно характерно для русской социал-демократии. Уже в советское время, в 1920-е годы, оно нашло выражение в формуле «великодержавный шовинизм».

Итак, шовинизм в XIX в. понимался обычно как специфическая форма национальной мегаломании, гораздо реже – как сочетание мегаломании с ксенофобией. В высказываниях о французском шовинизме на первом плане стоит «слава, купленная кровью». Ностальгирующая окраска феномена, определявшегося словом ‘шовинизм’, была очень сильна по крайней мере до Крымской войны, а его связь с наполеоновской легендой сохранялась на протяжении всего XIX в. Но шовинизмом могли называть и «цивилизационную» мегаломанию, т.е. убеждение в том, что Франция идет во главе идейного прогресса, прогресса науки и культуры. Обозначением любого воинствующего национализма ‘шовинизм’ становится лишь в последние десятилетия XIX в.

Список литературы

- Боборыкин П.Д.* Пьер Жозеф Прудон в письмах. Статья первая // Вестник Европы. – Санкт-Петербург, 1875. – Кн. 3. – С. 154–185. – Подпись: Д-ев.
- Ватерлоский альбом.* (Из записок путешественника) // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1839. – Т. 5. – С. 37–43 (8-я паг.).
- Герцен А.И.* «Renaissance» par J. Michelet (Paris, 1855) // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – Москва, 1957. – Т. 12. – С. 277–288.
- Герцен и Запад. – Москва: Наука, 1985. – 743 с. – (Лит. Наследство; т. 96.)
- Гонкур Э., Гонкур Ж. де.* Дневник. Записки о литературной жизни. Избр. Страницы: в 2 т. – Москва: Худож. лит., 1964. – Т. 1. – 712 с.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Ленинград: Наука, 1981. – Т. 23. – 423 с.
- Душенко К.В.* Квасной патриотизм // Душенко К.В. Цитата в пространстве культуры: из истории цитат и крылатых слов. – Москва: ИНИОН РАН, 2019. – С. 221–225.
- Макаров Н.П.* Полный французско-русский словарь. – Санкт-Петербург: Неклюдов, 1870. – Ч. 1. – 512 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 30 т. – Москва: Политиздат, 1960. – Т. 17. – 841 с.

- [Полонский Л.А.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – Санкт-Петербург, 1870. – Кн. 10. – С. 899–918.
- Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. – Изд. 3-е. – Москва: Сытин, 1907. – 458, 136 с.
- Пуоимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: эпизод из истории национализма / пер. с фр. В.А. Мильчиной. – Москва: Языки рус. культуры, 1999. – 401 с.
- Стендаль. Собрание сочинений: в 12 т. – Москва: Правда, 1978. – Т. 7. – 400 с.
- Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – 3-е изд. – Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1910. – X, 676 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург: И.А. Ефрон, 1903. – Т. 39 а. – 494 с.
- Äbelacker M. Ausführliches Wörterbuch über die Hauptschwierigkeiten der deutschen Sprache. – Berlin: A. Schultze, 1892. – 334 S.
- Ambert J. Arabesques. – Paris: Berger-Levrault, 1868. – 414 p.
- Arago E. Revue de théâtres // Revue du progrès politique, social et littéraire. – Paris, 1839. – Т. 1, 1 ère série. – P. 330–335.
- Arago J. Chauvinisme // Dictionnaire de la conversation et de la lecture: Supplément. – Paris: Garnier, 1845. – Т. 4(16). – P. 452–455.
- Avenel P. Chants et chansons. – Paris: Librairie moderne, 1889. – 414 p.
- Barbès A. Lettres à Georges Sand // La Revue de Paris. – Paris, 1896. – Т. 4, 1 er Juillet. – P. 5–41.
- Bérard-Varagnac É. Portraits littéraires. – Paris: Lévy, 1887. – 331 p.
- Bersot E. Morale et politique. – Paris: Didier, 1868. – 440 p.
- Bescherelle L.-N. Chauvinisme // Bescherelle L.-N. Dictionnaire national ou Grand Dictionnaire classique de la langue française. – Paris: Simon, 1845. – Т. 1. – P. 618.
- Block M. Dictionnaire général de la politique. – Paris: Lorenz, 1863. – Т. 1. – 1176 p.
- Boillot [-Robert] J. Le pays de la Revanche et le Pays des Milliards: Réponse au Dr Rommel. – Neuchatel: Delachax & Niestlé, 1886. – 317 p.
- Brewer E.C. Dictionary of phrase and fable. – London; Paris; New York: Cassel, 1885. – 1061 p.
- Bouillet M.-N. Dictionnaire universel des sciences, des lettres et des arts. – Paris: Hachette, 1854. – 1750 p.
- Chamber's Encyclopædia: A Dictionary of Universal Knowledge. – London; Edinburgh: Chambers, 1891. – Vol. 3. – 827 p.
- Chauvinismus // Lesefrüchte vom Felde der neuesten Literatur des In- und Auslandes. – Hamburg, 1860. – Bd. 4, N 22. – S. 352.
- Chronique // Revue de Paris. – Paris, 1835. – Т. 19. – P. 301–314.
- Chronique. Cirque Olympique. Prologue d'ouverture. Thadée le ressuscité // La revue de Paris. – Bruxelles, 1834. – Т. 12. – P. 165–167.
- Chronique [Paris, le 15 juin 1848] // Journal des économistes. – 1848. – Т. 20, 15 juin. – P. 356–360.
- Claretie J. La vie à Paris. – Paris: Victor-Havard, 1883. – X, 548 p.
- Claretie J. Voyages d'un Parisien. – Paris: Faure, 1865. – 313 p.
- Collignon A. L'art et la vie de Stendhal. – Paris: Baillière, 1868. – Т. 1. – 535 p.
- Correspondance <...>. Londres, 24 novembre 1847 // Revue britannique. – Paris; Londres, 1847. – Vol. 12, Novembre. – P. 203–224.
- De nos deux bêtes noires // Le charivari. – Paris, 1833. – N 319, 15 décembre. – P. 2–3.

- Dictionnaire de l'Académie française. – 7 e éd. – Paris: Firmin-Didot, 1878. – T. 1. – 903 p.
- Du Bois-Reymond E.H.* Über den deutschen Krieg: Rede am 3. August 1870 in der Aula der Königl. Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. – Berlin: Hirschwald, 1870. – 46 S.
- Doucet C.* Rapport <...> sur les concours de l'année 1876 // Recueil des discours, rapports et pièces diverses lus dans les séances publiques et particulières de l'Académie française. 1870–1879. – Paris: Firmin-Didot, 1880. – 2 e par. – P. 585–612.
- Dupaigne A.* Les Montagnes. – Tours: A. Mame, 1873. – 641 p.
- Duret T.* Histoire de quatre ans. 1870–1873. – Paris: Charpentier, 1876. – T. 1: La Chute de l'Empire. – 374 p.
- Fleury R.* Le médecin aux violettes // Revue des races latines. – Lagny, 1861. – Liv. 55, Janvier. – P. 7–36.
- Foundlings // The Home and Foreign Review. – London, 1863. – Vol. 3. – P. 497–521.
- Gautier T.* Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans. – Paris: Hetzel, 1859. – T. 5. – 328 p.
- Grimm F.-M., Diderot D.* Correspondance littéraire, philosophique et critique... – Paris: F. Buisson. – 1812. – T. 1. – 515 p.
- [*Haas J.G.*] Wörterbuch der französischen und deutschen Sprache. – Braunschweig: Westermann, 1885. – 994 S. – На титуле псевд.: М.А. Thibant.
- Hennequin A.* Histoire de Louis-Napoléon Bonaparte. – Paris: Librairie politique de France, 1848. – 132 p.
- Humbert V.* L'anniversaire de la capitulation de Sedan dans les Écoles Primaires d'Allemagne // Revue politique et littéraire. – Paris, 1877. – N 9, 1 er septembre. – P. 193–197.
- Jal A.* La Gaité et les comiques de Paris // Nouveau tableau de Paris, au XIXme siècle. – Paris, 1834. – T. 12. – P. 262–332.
- Karr A.* Les guêpes. – Bruxelles, 1840. – N 12, octobre. – 64 p.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Strassburg: Trübner, 1894. – 491 S.
- La Châtre M.* Le dictionnaire universel. – Paris: Administration de librairie, 1853. – T. 1. – 724 p.
- Larchey L.* Les excentricités du langage. – 6 éd. – Paris: Polo, 1872. – 236 p.
- Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. – Paris: Administration du grand dictionnaire universel, 1867. – T. 3. – 1164 p.
- Le juif errant [Revue] // Revue de Paris. – Paris, 1844. – N 59, 17 septembre. – P. 83–84. – Подпись: Н. В.
- Lemoine J.* Nouvelles études critiques et biographiques. – Paris: Lévy frères, 1863. – 374 p.
- Mann F.* Kurzes Wörterbuch der deutschen Sprache. – Langensalza: Beyer, 1895. – 332 S.
- Maréchal A.* Histoire de la Révolution de 1830. – Paris: Degorce-Cadot, 1872. – 504 p.
- Menzel W.* Elsass und Lothringen sind und bleiben unser. – Stuttgart: Kröner, 1870. – 95 S.
- Mérimée P.* Henri Beyle (Stendhal): Notes et souvenirs // Mérimée P. Portraits historiques et littéraires. – Paris: Michel Lévy frères, 1874. – P. 157–194.
- Michelet J.* Histoire de la Révolution française. – Paris: Chamerot, 1847. – T. 2. – 603 p.
- Monod G.* Jules Michelet. – Paris: Sandoz et Fischbacher, 1875. – 121 p.
- Noriac J.* La vie en détail: Le 101 e Régiment. – Paris: Bourdilliat, 1859. – 292 p.
- Ogilvie J.* The Imperial Dictionary of the English Language. – New ed., <...> greatly augmented <...> by C. Annandale. – London: Blacky, 1882. – Vol. 1. – 703 p.

- Peschier A.* Wörterbuch der französischen und deutschen Sprache. – Stuttgart: Gotta, 1862. – Bd. 1. – 639 S.
- Phillips.* Correspondance de Londres. 11 août 1862 // *Revue germanique et française.* – Paris, 1862. – T. 22, 4 e liv., 16 aout. – P. 596–598.
- Proudhon P.-J.* De la justice dans la révolution et dans l'Église. – Bruxelles: Lacroix, 1868. – T. 1. – 372 p.
- Regnault E.* Histoire de Napoléon. – Paris: Perrotin, 1846. – T. 1. – IV, 359 p.
- Rhodes A.* The French at Home. – New York: Dodd & Mead, 1875. – 256 p.
- Sachot O.* Les grands périodiques anglais // *Revue contemporaine.* – Paris, 1857. – T. 30, février-mars. – P. 397–421.
- Sand G.* Correspondance. 1812–1876. – Paris: Lévy, 1882. – T. 5. – 398 p.
- Scholl A.* Préface // [Lafont J.M.F.P.] Les Bivouacs de Vera-Cruz à Mexico par un Zouave. – Paris; Leipsik: Treuttel, 1865. – P. I–XII.
- Simon J.* Le Libre-Échange. – Paris, 1870. – VI, 334 p.
- Stendhal.* Rome, Naples et Florence. – Paris: Delaunay, 1826. – T. 1. – 348 p.
- Sue E. Martin,* l'enfant trouvé, ou Les mémoires d'un valet de chambre. – Leipzig: Kollmann, 1846. – T. 1. – 244 p.
- [*Trochu L.J.*] L'armée française en 1867. – Paris: Amyot, 1867. – 288 p.
- Vaudeville.* Elle est folle!, pièce en deux actes // *La Revue de Paris.* – Paris, 1835. – T. 1, janvier. – P. 355–358. – Подпись: N.R.
- Wolowski L.* Études d'économie politique et de statistique. – Paris: Guillaumin, 1848. – 423 p.

3. Понятие 'джингоизм' в англоязычной печати XIX в.

В политическом языке XIX в. существовали два устойчивых обозначения воинственной национальной мегаломании: 'шовинизм' (ок. 1832 г.) и 'джингоизм' (1878). Первое относилось к Франции и лишь затем получило более широкое значение; второе относилось почти исключительно к Британии и отчасти к США. Специфической чертой понятия 'джингоизм' была его тесная связь с колониально-имперским национализмом.

3.1. Рождение термина

Слово 'джингоизм' (jingoism) возникло из просторечной божбы 'by Jingo'; в русских переводах: «Богом клянусь», «видит Бог», «черт побери/подери». В печати это выражение появилось в конце XVII в.

По одной версии, слово Jingo образовано от имени св. Гингольфа (St. Gingolph (us)), почитавшегося в Бургундии и наделенного, как считалось, чудесной жизненной силой (напр.: [Latham, 1876, p. 107]). Однако чаще Jingo возводят к баскскому Jinkoa –

‘бог’ (другие формы: Jaungoicoa, Jenco и т.д.). Английские моряки будто бы слышали это слово от баскийских. Встречалось и другое толкование: Jenco означает Дьявол; в баскских провинциях якобы жили манихеи, которые поклонялись этому злему духу и клялись его именем (лондонская «The Press» от 12 ноября 1864 г.) [цит. по: Farmer, 1896, p. 59].

Вариант «by the living jingo/Jingo» («клянусь живым Джинго») ввел в литературу Оливер Голдсмит в романе «Векфильдский священник» (1766, гл. 9), специально подчеркнув вульгарность этой божбы. Это аналог оборота «by the living God» – «Богом живым клянусь». Позднейший вариант: «by great Jingo» («клянусь великим Джинго»).

Оборот ‘by Jingo’ стоит в ряду таких экспрессивных выражений, как ‘by god’ (Богом клянусь), ‘by Jesus’ (клянусь Иисусом), ‘by Jove’ (клянусь Юпитером), ‘by Allah’ (клянусь Аллахом). Поэтому Jingo можно было истолковать как имя некоего божества.

Эта возможность реализована в эпистолярной сатире Роберта Саути «Письма из Англии» (1807), опубликованной под именем вымышленного испанского путешественника. Англичане, замечает повествователь, «сохранили в своей божбе имена некоторых языческих божеств, которым поклонялись их отцы и от которых, возможно, никаких иных следов не осталось. Одно из них – Черт-Подери, другое – Тар-Тарары¹; есть еще Живой Джинго <...>. У язычников-готов подобных идолов не было; вероятно, их почитали кельтские аборигены острова» [Southey, 1807, p. 86].

В сатирической аллегории Пьера Шафтона «Неведомый край» (1827) Англия изображена в виде дикой страны, населенной каннибалами. «...Одна из дикарок, со зловещей ухмылкой и необузданной свирепостью во взгляде, поклялась именем Джинго (означающим идола, которому они (каннибалы. – К. Д.) поклоняются) <...>» [Shafton, 1827, p. 190].

В сатире Ричарда Д’Алтона Уильямса² «Сборщик налогов» (1840-е годы) читаем:

«Клянусь Джинго – живым Джинго», – так он божился;
Да вот незадача: никто не знает, кто этот грозный Джинго;
Не сборщик ли налогов, бог – пожиратель денег? [D’Alton Williams, 1877, p. 62–63].

¹ В оригинале: «The Deuce», «The Lord-Harry».

² Р. Д’Алтон Уильямс (1822–1862), ирландский поэт.

Образ Джинго как зловещего языческого божества был подхвачен и развит в публицистике антиджингоистов конца 1870-х годов.

Во 2-й половине 1870-х годов тема имперского могущества Британии обрела особую актуальность. В 1875 г. консервативное правительство Б. Дизраэли осуществило покупку акций Суэцкого канала, в 1876 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии, а в 1877 г. Англия оказалась на грани войны с Россией из-за вопроса о Проливах и Константинополе.

В мае 1877 г., после отправки в турецкие воды английской эскадры, в пабах, а также на различных мероприятиях стали распевать услышанную в мюзик-холлах песню «Мы не хотим воевать» (слова и музыка Джорджа У. Ханта; другие названия: «Песня Джинго», «Псы войны», «Военная песня Макдермотта», по имени исполнителя). Начиналась она двустихием:

Спущены псы войны¹, и свирепый Русский Медведь,
Одержимый жаждой крови и грабежа, вылез из своей берлоги.

Припев:

Мы не хотим воевать, но, клянусь Джинго, если уж станем,
Мы найдем корабли, и людей, и деньги. <...>
Русские не получают Константинополя! [Captain, 1927, p. 357].

Вскоре появилась целая серия песен, восхваляющих имперскую мощь Британии: «Мы хотим сохранить нашу империю на Востоке», «Турция и Медведь», «Снимаю шляпу перед Империей», «Лев виляет хвостом» [Tréguer, 2017].

На рождественских представлениях в декабре 1877 г. многие театры включили в программу вариации на тему «Песни Джинго» [Дронова, 2021 б, с. 27]. В «Королевском Аквариуме», сообщала газета «The Era», «восемь маленьких мальчиков, одетых в ненавистные желтое и черное² были гвоздем программы». «Цвета москвитов и их униформа были неистово освистаны», а мальчики-османы с красными фесками на головах встречены аплодисментами. Когда

¹ Шекспировское выражение («Юлий Цезарь» III, 1); в пер. М. Зенкевича: «На всю страну монаршим криком грядет: / “Пощады нет!” – и спустит псов войны».

² До 1883 г. – цвета государственного российского флага, а также кокарды (вместе с белым).

малыши пели переложение «Песни Джинго», «публика буквально заходила в истерическом смехе» [Дронова, 2021 б, с. 25].

В марте 1878 г. в «Панче» появился «патриотический стих» «Святой Джинго!» («St. Jingo!»). Смысл его сводился к тому, что на смену старому боевому кличу «Именем Святого Георгия!» пришел клич «Именем Святого Джинго!» [Дронова, 2021 а, с. 231].

Группы молодежи из средних и низших городских слоев срывали антивоенные митинги, распевая «Песню Джинго» [Clayden, 1880, p. 381]. Особенно скандальным оказалось поведение этой публики во время антивоенного митинга в Гайд-парке 10 марта 1878 г. По сообщению газетного хроникера, «последовал натиск партии “клянусь Джинго”, которые быстро выгнали своих противников из парка, остаток дня проведя в горлопанстве и грубых шутках; шляпы и палки, зонты и прочие предметы менее почтенного свойства летели во все стороны. Самым популярным снарядом оказалась дохлая кошка, <...> которую швыряли туда и сюда под ликующие крики буянов» [Home, 1878]. Часть смутьянов направилась к резиденции лидера либералов Гладстона, и тому вместе с супругой пришлось укрыться в соседнем доме. Девять раненых в Гайд-парке были доставлены в больницы.

Эти эксцессы, прежде не виданные на мирных собраниях, сильно встревожили противников тори. Три дня спустя, 13 марта, «Daily News» опубликовала письмо Джорджа Холиока¹, озаглавленное «Джингоисты в [Гайд]-парке». Джингоистами (Jingoes) названо здесь «новое племя патриотов мюзик-холла, распевających “Песню джинго”» [цит. по: Tréguer, 2017].

Очень скоро появилось и слово ‘джингоизм’ – в колонке «Эхо недели» газеты «Illustrated London News» от 16 марта. Автор колонки, Джордж Огастес Сала², вспоминал военную тревогу после подписания Ункяр-Искелесийского договора (1833). Тогда русские войска вступили в Константинополь по приглашению султана, но англо-русской войны не случилось. «В 33-м году, – замечает Сала, – акции “джингоизма” определенно шли по более низкому курсу, и о Восточном вопросе судили, пожалуй, несколько более трезво, чем ныне» [цит. по: Tréguer, 2017].

¹ Д.Я. Холиок (1817–1906), деятель рабочего и кооперативного движения.

² Д.О. Сала (1828–1895), популярный журналист.

3.2. Полемика о 'джингоизме' в 1878–1880 гг.

Слово 'джингоизм' сразу же было использовано либералами для дискредитации тори. Несколько страниц посвятил ему Голдвин Смит, сотрудник влиятельного журнала «Fortnightly Review».

Джингоизм, по его мнению, не столько идеология, сколько совокупность эмоций. Это «английский эквивалент <...> шовинизма, иностранного слова, происхождение и точное значение которого были известны немногим. <...> ...Это наименование необычайно удачно передает не только огнедышащий патриотизм Шовена, но и все элементы – социальные, моральные, политические и военные, присущие этому новому эрзацу консерватизма былых времен – консерватизма аристократического и в своем роде высокоидейного». После парламентской реформы 1867 г. сложился «политический союз между джингоизмом высших слоев общества и его крикливым подобием, столь похожий на союз между рабовладельцами [американского] Юга и чернью городов Севера». «Если прежде джингоизм симпатизировал южанину, то теперь он симпатизирует турку, и по тем же мотивам. Он не желал замечать насилия и жестокости рабовладельца, подобно тому как теперь не желает замечать насилие и жестокость паши. Борьба в Англии была борьбой между джингоизмом (тогда еще безымянным и лишь наполовину сформировавшимся) и антиджингоизмом <...>». Джингоизм губителен для национальной морали: «Насилие <...> витает в воздухе; оно присутствует в атмосфере фондовой биржи и в атмосфере мюзик-холла, в атмосфере таверны и в атмосфере трущоб <...>» [Smith, 1878, p. 95–96].

В других своих статьях Г. Смит замечает: «Джингоизм есть империализм в состоянии неистового и отталкивающего возбуждения (violent and vulgar excitement)» [Smith, 1879, p. 234]. «...В империализме джинго и мюзик-холла нас больше всего поражает не его порочность, а его вульгарность» [Smith, 1880 б, p. 43].

Понятие 'империализм', с которым неизменно ассоциировался джингоизм, было тогда сравнительно новым. В актуальном политическом контексте оно, по-видимому, появилось в начале 1850-х годов в США как обозначение 'деспотизма' (т.е. авторитарного и милитаристского режима) французской Второй империи. Примерно с 1876 г. это слово стало также употребляться в значении «защита имперских интересов Британии», «принцип /

дух Британской империи». Лорд Карнарвон¹ так определял задачи «истинного империализма»: «...Дать (колониям. – К. Д.) мудрые законы, хорошее управление и хорошо организованные финансы», «свободу от угнетения и несправедливости», нести подвластным народам «свет морали и религии» (речь в Эдинбурге 5 ноября 1878 г.) [Herbert, 1878, p. 764].

Либералы называли ‘империализмом’ внешнюю политику Дизраэли, сурово ее осуждая. «Империализм, – утверждал Роберт Лоу², – есть апофеоз насилия», «претензия быть судьей в собственном деле». «Его принцип <...> сводится к угнетению слабого сильным и к торжеству силы над правом» [Lowe, 1878, p. 459, 461].

На антивоенном митинге в Бирмингеме в мае 1878 г. англиканский священник Т. Моссман³ отметил «сходство между поклонением святому Джинго и поклонением Мамбо-Джамбо⁴, почитатели которого приносили в жертву людей до тех пор, пока крови не прольется столько, чтобы по ней могла проплыть лодка. <...> ...Поклонение Джинго напоминает также поклонение Молоху, с той только разницей, что джентльмены из лондонских клубов предпочитали отдавать на заклание не своих, а чужих сыновей» [Political..., 1878, p. 611].

Развернутое изображение Джинго в виде божества новой языческой религии дано в памфлете Эдварда Дженкинса⁵ «Хаверхолм, или Торжество Джинго», опубликованном в июле 1878 г., во время Берлинского конгресса. Памфлет получил широкую известность. Перевод (не слишком точный) фрагментов из него появился в петербургских «Отечественных записках»; тем самым созданный Дженкинсом метафорический образ стал достоянием русской общественности [Дженкинс, 1878]. Нижеследующие выдержки из памфлета даются в нашем переводе.

«Взгляды адептов Джинго (бывших тори) <...> сводились к следующему силлогизму:

¹ Говард Герберт, граф Карнарвон, государственный секретарь по делам колоний в правительстве Дизраэли (1874–1878).

² Р. Лоу (1811–1892), в 1868–1873 гг. министр финансов в правительстве Гладстона.

³ В 1885 г. перешел в католицизм.

⁴ Выражение «Mumbo Jumbo» (*франц.* «Мумбо-Юмбо», *англ.* «Мамбо-Джамбо») появилось в XVIII в. в книгах европейских путешественников по Африке; оно означало «идола» (духа), которым мужчины пугали женщин.

⁵ Э. Дженкинс (1838–1910), английский сатирик и политик-либерал. Позднее, в 1885 и 1892 гг., безуспешно баллотировался в Палату общин от консерваторов.

Христианство и цивилизация полезны для всего мира; Англия – самая христианская и цивилизованная страна; следовательно, интересы Великобритании суть интересы всего мира» [Jenkins, 1878, p. 5–6]; далее цит. то же изд.

«Новая религия заняла место прежних, угрожая смести Протестантизм, Католицизм, Иудаизм и Позитивизм.

И точно: все старые верования были отброшены половиной нации ради почитания БОГА ДЖИНГО» [p. 189].

«...Джинго был олицетворением нынешнего духа британской нации, <...> хотя и во Франции среди монархистов и радикалов-оппортунистов¹ есть немало людей, исповедующих веру в него <...>. ...Поклонение Джинго не ограничивалось какой-то одной кастой. Его адепты встречались во всех классах общества» [p. 190–191].

«Но кто был Джинго?

Пришел он с Востока. Видевшие его говорили, что то было чудовище могучее и ужасное, с крыльями, подобными ветру, с телом сфинкса и обликом кавказца. Лицо его было из грозно сверкающей меди, глаза горели огнем, нос его был совершенно еврейский², а пасть изрыгала на врагов всякую погань. И стоял он на задних лапах. И держал он дубину, обрушивая ее на головы недругов. И перед ним, лая, бежало еще одно страшное чудовище по имени «Ежедневный Рывкограф»³.

Другие, однако, уверяли, что Джинго был не более чем дух варварского азиатского деспотизма, переселившийся из политического тела на Востоке в политическое тело на Западе, ловко приносившийся к установлениям свободного народа. <...> Его истинную природу, дику и кровожадную, скрывала завеса конституционных форм и христианских идей» [p. 192–194].

«Джинго был провозглашен гением-покровителем нашей имперской славы». «Целые толпы сбегались, дабы, поклонившись Джинго, приобщиться к сонму джентльменов, людей чести, пат-

¹ Во Франции оппортунистами именовали в то время республиканцев-центристов, радикалами – левое крыло республиканцев.

² Антисемитские нотки встречаются и в других местах памфлета. Они были свойственны ряду либеральных политиков, включая цитируемого далее У.Т. Стета. Здесь, вероятно, аллюзия на лидера консерваторов Б. Дизраэли, по происхождению еврея; его «иудейский» нос неизменно воспроизводился на карикатурах.

³ В оригинале «Daily Bellowgraff», т.е. «Daily Telegraph» – многотиражная газета, выступавшая в поддержку политики Дизраэли в Восточном вопросе. Встречалось также наименование «Ежедневный Джингограф».

приотов и верноподданных». «Мирные христиане сделались апологетами войны. Самые умеренные парламентарии стали выказывать признаки демонической одержимости. <...> Одно лишь упоминание о царе действовало на джингоита¹, как красная тряпка на быка» [р. 195, 196, 198]. «...Их вера, подобно магометанской, сводится к единственной заповеди: *“Нет бога, кроме Джинго, и лорд Бенджинго² пророк его”*» [р. 251].

Теми же красками рисует образ нового национального идола баптистский священник и политик Джон Клиффорд: «Джингоизм <...> ужасающе быстро уводит нас от всех положений и принципов британской конституции к порокам восточного деспотизма. <...> Мы отданы в руки Джинго, который делает с нами, что хочет. <...> Аристократы преклоняются перед ним. Дебоширы наших больших городов возглашают его хвалу. <...> Подобно Колоссу, стоит он, словно на постаменте, на британской нации – одна нога в пивной, другая на ступенях трона» [Clifford, 1878].

Стихотворная сатира «Тео-Джингомахия», опубликованная в газете «Spectator», открывалась эпиграфом: «Не можете служить Богу и Джинго» [Theo-Jingo-machia, 1880].

В энциклопедическом словаре 1885 г. среди значений слова ‘Джинго’ есть и такое: «Воображаемый идол, почитаемый вышеупомянутой партией» (т.е. джингоистами) [The Encyclopædic..., 1885, p. 444]. Это определение, конечно, восходит к антиджингоистской публицистике конца 1870-х годов.

Тогда же появляются слова ‘джингомания’ (1878) и «джингоистская лихорадка» («Jingo fever», 1879), внушающие представление о джингоизме как массовом помешательстве или эпидемической болезни. В сатирической заметке, опубликованной в органе Рабочей миротворческой ассоциации, упоминалось о возведении «специального сумасшедшего дома для лечения несчастных жертв джингомании» [Notes and Notices, 1878].

Итак, дискредитация явления, окрещенного ‘джингоизмом’, велась по двум основным направлениям. Во-первых, джингоизм означает смыкание высших слоев общества с городской чернью. Во-вторых, по своему духу он принадлежит восточной, варварской, деспотической культуре, чуждой рациональному мышлению и британским традициям.

¹ Jingoite (форма, не получившая распространения).

² Аллюзия на лорда Беконсфилда, т.е. Б. Дизраэли.

По мнению английского историка Хью Каннингема, либералы конца 1870-х годов преувеличивали силу джингоизма. «Их тревога проистекала из его методов», т.е. склонности к насилию (впрочем, не заходившему слишком далеко). Это делало джингоистов заметнее, особенно в Лондоне, который либеральный историк Э.А. Фриман назвал Джингоградом (Jingoborough) (в письме к У. Стеду от 30 октября 1878 г.) [Stead, 1909, p. 20]. Провинция была настроена скорее антиджингоистски. В 1878 г. в парламент было направлено 2805 петиций с осуждением внешней политики консерваторов и только 31 петиция в ее поддержку [Cunningham, 1971, p. 452].

21 сентября 1878 г. в лондонском Сумасбродном театре (Folly Theatre) был показан музыкальный бурлеск «Звезды и подвязки». Среди действующих лиц значились «король Джинго XIX», а также ловкий дипломат по имени Дикобразо (Rogsciripo), загримированный под Дизраэли. Обозреватель либерального еженедельника писал: «...Смех, с которым встречали его (Дикобразо. – К. Д.) напыщенные тирады, а также тирады <...> “Короля Джинго”, показывает, что даже публика мюзик-холла начинает колебаться в своей преданности нашему комичному другу “Мир-с-Честью”¹» [«Stars and ...», 1878].

В 1880 г. Д.О. Сала, автор термина ‘джингоизм’, так характеризовал взгляды джингоистов и антиджингоистов:

«“Джингоизм”, т.е. воинствующая ненависть к России, был символом веры аристократии, военного сословия и государственной церкви. Не менее пылких приверженцев он нашел в легко возбудимых толпах и среди полуобразованных читателей газет, бьющих на чувства. Антиджингоизм (т.е. искреннее миролюбие и упорный отказ поверить в то, что русский император Александр есть людоед, вампир и зверообразный великан, чующий нюхом английскую кровь) был убеждением пуритан, <...> большинства неконформистских религиозных общин <...> и истинно либеральных пэров и членов Палаты общин, <...> не побоявшихся осудить джингоизм, “империализм” и политику перерезания горла соседу, даже под угрозой быть заклеяменными в качестве “англо-русских” и “британо-афганцев”» [Sala, 1880, p. 152].

¹ 16 июля 1878 г., вернувшись с Берлинского конгресса, Дизраэли произнес с балкона своей резиденции на Даунинг-стрит: «Мы привезли вам мир, как мне кажется, с честью».

Либеральный журналист Питер Клайден, сторонник Гладстона, оценивал джингоизм более спокойно. «Джингоисты – не партия, так как они имеются в обеих партиях. <...> ... “Джингоизм” не принцип, а чувство. Он вырастает из гордости величием и могуществом Империи, которую испытывают все англичане. Это патриотизм с особым оттенком (with a twist)». «Однако <...> спокойное достоинство сознательной силы он подменяет бахвальством, за которым кроется слабость. <...> Подобно нуворишу, который должен выставить напоказ свое богатство, джингоист полагает, что Англия слаба, если не твердит безудержно о своей силе. Его представление об истинном патриотизме – постоянно бояться России» [Clayden, 1880, p. 381, 382].

Не слишком почетная англо-зулусская война 1879 г. и неудачи британцев во Второй англо-афганской войне (1878–1880) привели к поражению тори на парламентских выборах. В апреле 1880 г. премьером стал Гладстон.

В полемике конца 1870-х годов слово ‘джингоизм’ сыграло роль, сходную с той, какую в 1836–1841 гг. сыграло слово ‘руссофобия’, созданное радикалами для обозначения фантомного страха перед русской угрозой (см. разд. II. 1.2). Консервативный публицист с неудовольствием констатировал, что в борьбе с правительством тори «их (либералов. – К. Д.) величайшим триумфом было изобретение словечка “джингоизм”» [Nathaniel..., 1880]. О том же писал американский историк Джон Лорд: «...Под пером либералов джингоизм стал разящим орудием сатиры. Правительство сорвало аплодисменты аристократов и черни, но утратило поддержку обычных людей» [Lord, 1891, p. 610].

Связь понятия ‘джингоизм’ с понятием ‘руссофобия’ сохранялась сравнительно недолго; ко времени англо-бурской войны она была совершенно утрачена.

3.3. ‘Джингоизм’ в английской печати после Восточного кризиса

После прихода к власти либералов полемика вокруг джингоизма поостыла, но не прекратилась окончательно. В 1885 г. либеральная «Pall Mall Gazette» поместила пародию на «Песню Джинго»:

Мы не хотим воевать, но, клянусь Джинго, если уж станем,
Есть у нас протестанты, католики, турки, неверные, иудеи;
Есть у нас Бог и Маммона, Аллах, Будда, Брахма и Вишну;
Все боги в наших руках, куда против нас России?

[A New Version..., 1885].

В книге «Шестьдесят лет жизни агитатора» (1893) Холиок попытался уточнить значение пущенного им в обиход слова ‘джингоисты’, отделяя грубый, «низовой» патриотизм от трезвой имперской политики: «Я подыскивал имя для новой породы патриотов, которые <...>, размножаясь в хмельной атмосфере консервативного правительства, стали наводнять публичные собрания <...>. Их отличительной чертой была крикливая воинственность, бросавшая дурной свет на молчаливую, решительную самозащиту британского народа». «Этим термином злоупотребляют, применяя его к разумным и трезвым политикам, выступающим за сплочение империи или за имперскую политику. Джингоисты – это по большей части завсегдатаи скачек, пабов и пошлых мюзик-холлов; их вдохновение – пиво, а их политические представления чванливы и оскорбительны по отношению к другим народам» [цит. по: Tréguer, 2017].

Почти в тех же словах описывается джингоизм в романе Фергюса Юма «Остров фантазии» (1892): «Джингоизм – это ложный патриотизм. Он состоит из куплетов мюзик-холла, Юнион Джека (британского флага. – К. Д.) и целых галлонов пива, начинается с припева, а кончается буйством. Люди с улицы его обожают: он расширяет их легкие и утоляет их жажду» [Hume, 1892, p. 47].

Консерваторы в свою очередь заявляли, что слово ‘джингоизм’ придумано для дискредитации британского патриотизма: «В конце концов, ‘джингоизм’ – это просто изнанка патриотизма; а патриотизм все еще добродетель, хотя и не сумма всех добродетелей, каким он когда-то казался <...>». «Либералы не смогли оценить грубоватый патриотизм пресловутой баллады Джинго» [The Political..., 1880, p. 439, 440].

Консервативный историк Уолтер Копленд Перри спрашивал: «...Почему те, кого именуют “джингоистами”, должны считать себя оскорбленными этим названием? По-моему, они должны принять его, как голландские патриоты некогда приняли кличку гезы (нищие), и попытаться словом и делом доказать, что они – соль английской нации <...>» («Апология джингоизма», 1885) [Perry, 1885, p. 391]. Джингоизм для Перри синоним патриотизма.

Почти все величайшие люди Англии «были из тех, кого неорадикальная партия клеймит как джингоистов <...>» [ibid.]. Неверно, будто джингоизм воинственен: «...Агрессия тщательно исключена из манифеста джингоистов. Его первый пункт гласит: “*Мы не хотим воевать*”. На протяжении последних двух столетий Англия никогда не была агрессивной державой. Наши долгие войны с Францией и Испанией были либо оборонительными, либо войнами справедливого возмездия, навязанными нам агрессией этих держав и их попытками исключить нас из нашей доли Америки и Индии. <...> Агрессивными державами *были* Франция и Испания, а *теперь* это Франция и Россия» [ibid., p. 392].

Если попросить противников джингоизма дать определение слова ‘джингоист’, продолжает Перри, «они, вероятно, сказали бы, что джингоист – это (1) тот, кто считает английскую нацию выше любой другой; (2) тот, кто готов возмутиться любым оскорблением английского флага и отомстить за него, а также защищать интересы и личность англичан во всех уголках земного шара; (3) тот, кто считает, что английское влияние должно преобладать в мире». Перри готов защищать все эти утверждения, включая первое: «Тысячелетняя история научила <...> нас тому, что мы *превосходим* любой другой народ. Иначе мы не занимали бы того места в мире, которое занимаем <...>». Главные враги Британии находятся не извне, а внутри, это «сухая гниль космополитизма, растущее равнодушие к национальным интересам и к национальной славе» [ibid., p. 392, 393, 402].

В том же духе высказывался другой консервативный публицист по поводу конфликта с Францией из-за прав на рыболовство в районе Ньюфаундленда (1895): «Если *джингоизм* <...> означает готовность сражаться в защиту права, в защиту притесняемых <...>, то *джингоизм* – просто ругательная кличка справедливости и патриотизма; и в этом смысле, надеюсь, каждый честный британский подданный – джингоист и должен этим гордиться» [Val d’Eremao, 1895, p. 399].

В начале 1880 г., накануне падения правительства Дизраэли, умеренно консервативная «Saturday Review» доказывала, что либерал вполне может быть джингоистом, ведь пущенный в ход либералами термин ‘джингоизм’ означает, по сути, защиту интересов Британской империи как оплота мировой цивилизации [What is..., 1880].

Действительно, с 1880-х годов наметилась тенденция сближения части либералов со сторонниками колониальной экспансии.

В марте 1882 г. либеральное парламентское большинство отклонило поправку к уставу Британской компании Северного Борнео, запрещающую т.н. «домашнее рабство» на острове. Гладстон критиковал поправку не по принципиальным, а по техническим соображениям¹, попутно признав, что колонизация Северного Борнео содержит в себе «зерно возможной будущей аннексии», хотя сам он противник аннексий [Sitting..., 1882, col. 1195]. Кроме того, он назвал Британию «великой Империей, которую мы унаследовали со всем ее бременем и всей ее славой» [Sitting..., 1882, col. 1189].

Обозреватель популярного еженедельника «Vanity Fair» откликнулся на эти дебаты саркастической статьей, отметив «поразительное восхваление принципов “Джинго” Великим и Добродетельным Гладстоном <...>». «Однако новый либеральный “джингоизм” <...> в своем рвении новообращенного <...> зашел слишком далеко. <...>...Либералы проглотили аннексию, рабство и все прочее не поморщившись» [Rasper, 1882, p. 159].

В июле 1882 г., после бомбардировки Александрии британским флотом, в юмористическом еженедельнике «Fun» появилась карикатура «В порядке самозащиты» (рис. 5). Британский матрос, изображенный вместе с британским львом и бульдогом, распевает очередную версию «Песни джинго»:

Мы не хотели драться, но, клянусь Джинго! коли уж начали,
У нас нашлись корабли и люди, которые сделали, что им
приказано,

И разгромили Александрию, где укрылся Араби²
Против воли Константинополя [Thomson, 1882].

В том же году Гладстон санкционировал оккупацию Египта, превратив страну в британский протекторат. Юрист Бенджамин Фоссет Лок так прокомментировал это событие: «...Производители хлопка и рабочие из Ланкашира <...> немало способствовали распространению либеральной джингомании ради урожая египетского хлопка» [Lock, 1882, p. 35]. Радикалы-пацифисты из Общества мира (Peace Society) также обвиняли правительство Гладстона в джингоизме.

¹ Впоследствии Компания Северного Борнео боролась с институтом рабства на Борнео.

² Араби (Ораби)-паша, командующий египетской армией в англо-египетской войне 1882 г.

Рис. 5. Карикатура Гордона Томпсона «В порядке самозащиты» (1882)

Близкий к либералам священник-конгрегационалист Джеймс Гиннес Роджерс отвергал подобные обвинения: «Говорить о политике правительства (Гладстона. – К. Д.) как о “джингоизме” значит грубо злоупотреблять терминами. <...> Джингоист предается мечтам об империализме, верит в престиж, полагая, что его поддержание требует неустанного рева трубы и барабанного боя <...> и стремится прежде всего к тому, что он называет славой». Интер-

венцию в Египте следует расценивать как «акт самозащиты или вмешательство международной полиции» [Rogers, 1882, p. 11–12].

В 1885 г., во время войны с махдистами в Судане, пацифистский журнал с сожалением отмечал: «Возобновившаяся в течение последнего месяца джингомания <...> сильно затронула редакторов многих лондонских газет, включая квазирелигиозные органы <...>» [The London Press, 1885].

В 1893 г. Генри Лабушер, один из лидеров радикального крыла либералов, окрестил лорда Розбери, министра иностранных дел в правительстве Гладстона, «верховным жрецом джингоизма», имея в виду его аннексионистскую политику в Африке [Sitting..., 1893, col. 545]. В 1894 г. Розбери сменил Гладстона на посту премьера. Газета «The Truth» назвала его «премьером Джинго» (прежде так называли Дизраэли) и заявила, что «Либеральная партия преклонила колени перед Джинго». «Овладеть какими-либо джунглями и объявить их частью Британской империи – значит потакать стремлению к имперской экспансии, лежащему в основе джингоизма» [Bowling..., 1895, p. 1518, 1519].

«Либеральный джингоизм» 1880–1890-х годов, в отличие от джингоизма конца 1870-х годов, означал экспансионистскую, империалистическую политику вне связи с ура-патриотическими настроениями «улицы».

Вторая большая волна ‘джингомании’ была связана с англо-бурской войной 1899–1902 гг. На этот раз войну поддержала значительная часть либералов (т.н. империалистическая фракция). Деление на джингоистов и антиджингоистов окончательно утратило партийный характер.

В разгар англо-бурской войны Джон Аткинсон Гобсон¹ опубликовал трактат «Психология джингоизма», опираясь, в частности, на исследование Г. Лебона «Психология масс» (1895). Джингоизм Гобсон определяет как «прославление грубой силы и невежественное презрение к иностранцам» [Hobson, 1901, p. 3]. Это явление он связывает с процессами индустриализации и формированием массового общества в крупных городах. Именно здесь наблюдается «скопление больших масс рабочего люда», жизнь которого трудна, скучна и однообразна. «В каждой нации, далеко продвинувшейся в современном индустриализме, распространенность невротических заболеваний свидетельствует об общем нерв-

¹ Д.А. Гобсон (Хобсон) (1858–1940), английский экономист и социолог; известен прежде всего как автор монографии «Империализм» (1902).

ном напряжении, которому подвергается население». Это и есть атмосфера джингоизма. «Грубый патриотизм, подпитываемый ди-чайшими слухами и яростными призывами к ненависти и животной жажде крови, быстро заражает суетную городскую жизнь <...>» [Hobson, 1901, p. 8].

«Для джингоизма, – продолжает Гобсон, – характерно не столько дикарское стремление к личному участию в драке, сколько подпитывание (feeding) невротического воображения. <...> *Джингоизм – это страсть зрителя, болельщика, а не борца*; это коллективное, стадное чувство (mob passion) <...>» (курсив наш. – К. Д.). Сознание толпы «в интеллектуальном и нравственном отношении возвращается к типу сознания дикаря или ребенка» [ibid., p. 19]. Человек толпы утрачивает способность к критическому суждению; «одни и те же люди могут одновременно придерживаться самых противоположных мнений о фактах или же чувствах» [ibid., p. 9, 12]. Подобно ребенку и дикарю, человек толпы склонен к наивному бахвальству и не способен заглядывать вперед. «Ребенок и дикарь живут сегодняшним днем. То же относится к джингоисту» [ibid., p. 63, 67].

Первое словарное определение термина ‘джингоисты’ (jingoists) появилось уже в 1880 г.: «противники России в войне между Россией и Турцией; отсюда название английской партии войны». ‘Джингоизм’ здесь же определяется как «бахвальство боевым духом» [Brewer, 1880, p. 495]. Близкие определения находим в ряде позднейших английских и американских словарей XIX в.

В словаре франко-канадского лингвиста Сильвы Клапена ‘джингоизм’ определяется как «свойственная англичанам заносчивость, в частности, столь обычная для них склонность по каждому случаю афишировать свои претензии на принадлежность к высшей расе» [Clapin, 1894, p. 192].

Особняком стоит максимально нейтральное определение в американском словаре 1889 г.: «*Джингоист* <...> представитель крыла консервативной партии в Великобритании, выступающего за энергичную внешнюю политику» [The Century..., 1889, p. 3234].

В «Полном англо-русском словаре» А. Александрова (1899) слова ‘джингоизм’ нет, хотя оно неоднократно встречалось в русской печати. Заметим еще, что в «Северном вестнике» за 1893 г. слово jingoist передано как ‘джинги’.

3.4. 'Джингоизм' в американской печати

В 1880 г. влиятельный нью-йорский журнал поместил статью Голдвина Смита об американско-канадских отношениях. Смит констатирует, что в последние годы «Канаду, как и остальную часть империи, захлестнула волна джингоизма», а именно «империалистические, аристократические и антиконтинентальные настроения». Джингоисты хотели бы полностью отделить Канаду «в политическом и торговом отношении от Нового Света», т.е. от США. «Если бы джингоизм продолжал набирать силу, несомненно, были бы предприняты решительные усилия по созданию явно антидемократической империи в северной части этого континента под покровительством и в интересах британской аристократии» [Smith, 1880 a, p. 22].

В 1884 г. в Бостоне выходил политико-юмористический еженедельник «Джинго». На виньетке первого номера изображена обезьяна, крутящая жернов с надписью «Общественное мнение»; по-видимому, она должна была символизировать Джинго. В некоторых сатирических материалах использовалось выражение 'by Jingo', но проблематика джингоизма в газете отсутствовала.

В качестве определения захватнического национализма слово 'джингоизм' стало широко использоваться в США после аннексии Гавайских (Сандвичевых) островов (1893). Обозреватель экономического журнала осудил этот шаг: «Единственным реальным основанием для аннексии Сандвичевых островов, по-видимому, является чувство американского джингоизма. На самом деле это имитация английской политики создания зависимых территорий, политика явно антиамериканская и недемократическая». «Принцип аннексии должен соответствовать эволюции демократических институтов. Соединенные Штаты – великая республика мира; в конечном итоге она должна включить в себя весь североамериканский континент». Но произойти это должно естественным путем, мирно и добровольно; не следует присоединять территории, население которых «недостаточно развито, чтобы жить в наших демократических институтах, не понижая уровень нашей цивилизации» [Cunton, 1893, p. 185, 186].

4 июля 1895 г. экс-губернатор Огайо Джеймс Э. Кэмпбел произнес речь по случаю Дня независимости в Таммани-холл (Нью-Йорк). Он заявил: «Любая попытка захватить хотя бы пядь земли на этом континенте должна рассматриваться Соединенными Штатами как объявление войны. В последнее время стало модным

подтрунивать над теми, кто так думает, и насмешливо называть их ‘джингоистами’. Но приходит время, когда ‘джингоист’ перестанет быть ругательной кличкой и станет эмблемой тех, кто любит свою страну и свой флаг» [цит. по: Stead, 1895, p. 344].

На эту речь откликнулся известный британский журналист Уильям Томас Стед¹ в статье «Джингоизм в Америке». «Американский джингоист, – писал он, – <...>, точно так же, как его английский кузен, равнодушен к вопросу о правоте или неправоте дела, на которое он обрушивает свой драчливый кулак. Он столь же слеп, пристрастен и предвзят, когда речь идет о Великобритании, как наши джингоисты, когда речь идет о политике России. Ибо джингоистские благодати – не вера, надежда и сострадание, а зависть, злоба и полное отсутствие сострадания. Американский джингоист, как и его британский предтеча, твердит единственный лозунг. В лондонских мюзик-холлах это был горластый припев, что Россия ни в коем случае не должна владеть Константинополем. Американские джингоисты с тем же упорством твердят, что ни одна неамериканская держава не должна расширять свои владения в Западном полушарии» [Stead, 1895, p. 341].

23 октября 1895 г., выступая перед республиканскими активистами в Бостоне, Т. Рузвельт² счел нужным разъяснить: «Много говорят о “джингоизме”. Если под “джингоизмом” имеют в виду политику, в соответствии с которой американцы должны решительно и разумно настаивать на уважении иностранными державами наших прав, то мы “джингоисты”. Я считаю преступлением не только против Соединенных Штатов, но и против белой расы то, что мы не аннексировали Гавайи три года назад» [For an Honest..., 1895]. Это высказывание – показательный пример связи ‘джингоизма’ с представлением о цивилизаторской миссии «белой расы».

В разгар испано-американской войны 1898 г. в медицинском еженедельнике появилась статья под загл. «Самогипноз», в которой американская ‘джингомания’ изображается как курьезная разновидность самогипноза. «...Мы наблюдаем в высшей степени смехотворную манию, принявшую размеры политической эпидемии, а именно “Джингоманию” – манию, которой политик обзаводится ради получения дешевой рекламы в газетах. Она повергает его в такой транс, что он выступает на публике с дикими, бессвяз-

¹ У.Т. Стед (1849–1912), редактор либеральной «Pall Mall Gazette», пацифист и критик предубеждений против России.

² В то время шеф полиции г. Нью-Йорка.

ными, нелогичными и громкими заявлениями, а после идет домой, чтобы прочесть свою наспех записанную и переписанную речь в какой-нибудь газете, и, словно под гипнозом, представляет себе государственным мужем. Увы, такого рода самогипноз никогда не ведет к саморазрушению» [Warren, 1898, p. 581].

3.5. 'Джингоизм' и 'шовинизм'

Джингоизм нередко понимается как английский аналог или даже синоним французского шовинизма. Типологическое сходство обоих понятий несомненно, но весьма существенна также их национальная специфика, во всяком случае, если речь идет о языке XIX в.

Прежде всего отметим «неблагородное» происхождение того и другого термина – из популярной, отчасти даже низовой культуры. Символ шовинизма, солдат Шовен, – персонаж фривольных песенок, популярных гравюр и водевилей; символ джингоизма – урапатриотические куплеты, а само слово восходит к вульгарной божбе.

Оба понятия ассоциировались с воинственной мегаломанией, культом силы, антиинтеллектуализмом. При своем зарождении шовинизм и джингоизм, хотя и в различной степени, связывались с прославлением колониальной войны.

Противники шовинизма и джингоизма порицали то и другое как вульгарный, плебейский патриотизм, проявление дурного вкуса; защитники шовинизма и джингоизма видели тут грубое, но искреннее проявление патриотизма.

В теоретическом дискурсе шовинизм рассматривался как способ приобщения низших классов к национальной идеологии. Для Британии конца XIX в. эта задача была уже неактуальной; тут речь шла об идеологии колониально-имперской, одно из центральных понятий которой – 'англо-саксонская раса'. Представление об особой миссии 'англо-саксонской расы' было характерно как для британской, так и американской версии джингоизма.

Образ Шовена – по преимуществу крестьянский; образ типичного джингоиста – по преимуществу городской. Образ Шовена связывался с воинской инициацией человека из народа и культом военной иерархии. В Англии, где вплоть до Первой мировой войны не было призывной системы и массовой армии, этот мотив выражен слабо.

Во французском шовинизме огромную роль играли ностальгические и реваншистские мотивы: исходно шовинизм был поро-

ждением ущемленного национального самолюбия. 'Джингоизм' же подпитывался сознанием неуклонного роста имперской мощи Британии.

Мотив исключительного предпочтения всего отечественного, столь важный для французского шовинизма, в джингоизме почти незаметен.

Шовинизм при своем зарождении имел по преимуществу либеральную окраску, 'джингоизм' – ярко выраженную консервативную (хотя следует помнить, что британский консерватизм сохранил гораздо больше либеральных ценностей, чем консерватизм любой другой европейской нации).

В обоих случаях нередок был мотив культурной, цивилизационной миссии. Но 'шовинист' видит свою страну во главе прежде всего европейской цивилизации, тогда как 'джингоист' – носительницей цивилизации в других частях света. Для него Британия не просто одна из империй, но мировая империя, единственная сверхдержава, говоря языком позднейшей эпохи.

Список литературы

- Дронова Н.В. К вопросу о политических технологиях викторианской Англии: концепт «джинго» в издательской практике журнала «Punch» (1878–1879) // Вестник Тамбовск. ун-та. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2021. – Т. 26, № 190. – С. 223–234.
- Дронова Н.В. Тема «джинго» в практике рождественских представлений британских театров сезона 1877–1878 гг. // История: факты и символы. – Елец, 2021. – № 1(26).
- A New Version of the Old Jingo Psalm // The Pall Mall Budget. – London, 1885. – N 865, April 24. – P. 26.
- Bowing the Knee to Jingo // The Truth. – London, 1895. – N 964, June 20. – P. 1518–1519.
- Brewer E.C. The Reader's Handbook of Allusions, References, Plots and Stories. – Philadelphia: Lippincott, 1880. – 1170 p.
- Captain A.O.W. Seamarks And Landmarks. – London: E. Benn, 1927. – 359 p.
- Clapin S. Dictionnaire canadien-français: ou Lexique-glossaire des mots, expressions et locutions ne se trouvant pas dans les dictionnaires courants et dont l'usage appartient surtout aux Canadiens-français. – Montréal: C. Beauchemin; Boston: S. Clapin, 1894. – 388 p.
- Clayden P.W. England Under Lord Beaconsfield: The Political History of Six Years from the End of 1873 to the Beginning of 1880. – London: K. Paul, 1880. – 552 p.
- [Clifford J.] Scraps from the Editor's Waste-Basket // The General Baptist Repository, and Missionary Observer. – London, 1878. – Vol. 18, July. – P. 313.

- Cunningham H.* Jingoism in 1877–78 // *Victorian Studies*. – Bloomington, 1971. – Vol. 14, N 4, June. – P. 429–453.
- [*Cunton G.*] Editorial Crucible // *The Social Economist*. – New York, 1893. – Vol. 4, March. – P. 182–187.
- D'Alton Williams R.* Poems. – Dublin: T.D. Sullivan, 1877. – 184 p.
- Farmer J.S.* Slang and Its Analogues Past and Present: A Dictionary <...>. – [Sine loco: Sine nomine], 1896. – Vol. 4. – 399 p.
- For an Honest Election // *The New York Times*. – New York, 1895. – 24 October. – P. 8.
- Herbert H.H., lord Carnarvon.* Imperial Administration: [A Speech Delivered on the 5 th November 1878 in the Philosophical Institution in Edinburgh] // *The Fortnightly Review*. – London, 1878. – Vol. 24, N 144, 1 December. – P. 751–764.
- Hobson J.A.* The Psychology of Jingoism. – London: G. Richards, 1901. – 139 p.
- Home. Political Affairs // *The Graphic*. – London, 1878. – N 433, March 16. – P. 262.
- Hume F.* The Island of Fantasy: A Romance. – New York: United States Book Company, [1892?]. – 453 p.
- Jenkins E.* Haverholme, Or, The Apotheosis of Jingo: A Satire. – London; Belfast: W. Mullan and Son, 1878. – XII, 251 p.
- Latham R.G.* A Dictionary of the English Language: In 2 vols. – London: Longmans, 1876. – Vol. 2, Part 1. – 744 p.
- Lock B.F.* England and Egypt, An Address Given at South Place Institute, Finsbury on Tuesday, Oct. 24, 1882. – London: K. Paul, Trench, & Co., 1882. – 38 p.
- Lord J.* Beacon Lights of History: In 15 vols. – New York: Fords, Howard and Hulbert, 1891. – Vol. 6: Modern European Statesmen. – 623 p.
- Lowe R.* Imperialism // *The Fortnightly Review*. – London, 1878. – Vol. 24, N 142, October 1. – P. 453–465.
- Nathaniel Briggs, Esq., M.P. // *Vanity Fair*. – London, 1880. – April 24. – P. 237–238.
- Notes and Notices // *The Arbitrator*. – London, 1878. – N 78, July. – P. 7.
- Ogilvie J.* A Supplement to the Imperial Dictionary. – Glasgow; Edinburgh; London: Blackie, 1855. – 414 p.
- Perry W.C.* An Apology for Jingoism // *The National Review*. – London, 1885. – Vol. 5, N 27, May. – P. 391–402.
- Political and Social Notes and Comments // *The Examiner*. – London, 1878. – May 18. – P. 609–611.
- Rasper* (pseud.). Diary of Rasper, M.P. // *Vanity Fair*. – London, 1882. – Vol. 27, March 25. – P. 159–160.
- Rogers J.G.* The Liberal Party and the Egyptian Policy. – Chilworth; London, Unwin Brothers, [1882]. – 15 p.
- Sala G.A.* Now and Then in America // *The North American Review*. – New York, 1880. – Vol. 80, N 279, February. – P. 147–162.
- Shafton P.* (pseud.?) The Unknown Region // *Shafton P. Vagaries: In Quest of the Wild and the Whimsical*. – London: Andrews, 1827. – P. 183–196.
- Sitting of 17 March 1882 // *Hansard's Parliamentary Debates*. – London: Hansard, 1882. – Vol. 267. – Col. 1134–1254.
- Sitting of 20 March 1893 // *Hansard's Parliamentary Debates*. – London: Hansard, 1893. – Vol. 10. – Col. 482–620.
- Smith G.* A Word for Indignation Meetings // *The Fortnightly Review*. – London, 1878. – N 139(186), Juli 1. – P. 88–102.

- Smith G.* Canada and the United States // *The North American Review*. – New York, 1880. – Vol. 131, July. – P. 14–25.
- [*Smith G.*] [Editorial] // *The Bystander*. – Toronto, 1880. – Vol. 1, January. – P. 1–56.
- [*Smith G.*] Papers by a Bystander. N 2 // *The Canadian Monthly and National Review*. – Toronto, 1879. – Vol. 2, February. – P. 230–248.
- [*Southey R.*] Letters from England: *Translated from the Spanish*: In 2 vols / By Manuel Alvarez Espriella. – Boston: Munroe & Francis, 1807. – 384 p.
- «Stars and Garters» // *Truth*. – London, 1878. – N 91, September 26. – P. 353.
- Stead W.T.* Jingoism in America // *The Contemporary Review*. – New York; London, 1895. – Vol. 68, September. – P. 344–347.
- Stead W.T.* The M.P. for Russia: Reminiscences & Correspondence of Madame Olga Novikoff. – London: A. Melrose, 1909. – Vol. 2. – 536 p.
- The Century Dictionary: An Encyclopedic Lexicon of the English Language*: In 6 Vols. – New York: The Century Co., 1889. – Vol. 3. – P. 2421–3556.
- The Encyclopædic Dictionary* / Ed. by R. Hunter. – London: Cassel, 1885. – Vol. 4, Part 2. – 768 p.
- The London Press* // *The Herald of Peace*. – London, 1885. – N 419, May 1. – P. 227.
- The Political Situation* // *The British Quarterly Review*. – London, 1880. – Vol. 71, April 1. – P. 437–452.
- Theo-Jingo-machia* // *The Spectator*. – London, 1880. – N 2695, February 21. – P. 289. – Подпись: Н.М.
- Thomson G.* In Self-Defence // *Fun*. – London, 1882. – July 19. – P. 25.
- Val d'Eremao J.P.* Newfoundland and French Fishery Rights // *The Imperial and Asiatic Quarterly Review*. – London, 1895. – Vol. 9, ser. 2 (October). – P. 376–399.
- Warren S.* Autohypnotism // *The Medical News*. – New York, 1898. – Vol. 72, N 19, May 7. – P. 580–582.
- What is a Jingo? // *The Saturday Review*. – London, 1880. – January 31. – P. 140–141.

ПРИЛОЖЕНИЕ

‘Турбопатриоты’ и поп-культура (Сербия, Польша, Россия)

Понятие ‘турбопатриоты’ – исторически последнее в ряду обозначений воинственного национализма и великодержавности. Среди его предшественников можно назвать немецкое понятие *Mordspatriotismus* (букв. ‘убийственный/кровожадный патриотизм’), появившееся в 70-е годы XIX в., а также французское *patriotisme farouche* – «свирепый/дикий патриотизм», известное с XVIII в. У Герцена оно встречается как характеристика настроений русского общества во время Польского восстания 1863–1864 гг.

В последние десятилетия XIX в. в русском политическом языке встречалось слово ‘ультрапатриоты’. Новую жизнь оно обрело с конца 1980-х годов, чаще всего применительно к критикам политики Ельцина из круга газеты «Завтра», а также к ЛДПР Жириновского. В 2014 г. идеологи подобного рода стали главной мишенью критиков ‘турбопатриотизма’.

Слово ‘турбопатриоты’ заимствовано из сербского языка. Здесь оно появилось по аналогии с турбо-фолком. Этот музыкальный жанр зародился в Югославии в 1980-е годы в результате скрещивания сербских фольклорных напевов с музыкой диско. В турбо-фолк проникли также элементы популярной музыки других балканских народов, от турецкой до цыганской. Поначалу в песнях преобладали лирические мотивы, но во время «пост-югославской» войны на первый план вышли мотивы военно-

патриотические: «по радио звучала либо война, либо турбо-фолк» [Prodger, 2005].

Немецкая исследовательница Соня Фогель так характеризует «военную» версию турбо-фолка: «Аккордеон вместо электрогитары, патриархальность вместо эмансипации, национализм вместо югославизма» [Vogel, 2017]. Впрочем, патриархальность эта была весьма специфической. В текстах рисовался образ сильного, брутального мужчины и беззаветно преданной ему женщины, но сценический образ исполнительниц был вызывающе сексуальным; отсюда определение турбо-фолка как «порнонационализма». Это сочетание передано в позднейшем изображении «королевы турбо-фолка» Светланы Величковой (артистический псевд. Цеца) в виде персонажа православной иконы, но с обнаженной грудью и микрофоном в руке (рис. 6).

Тогда же, в начале 1990-х годов, новый жанр получил имя. Его крестным отцом стал черногорский музыкант Рембо Амадеус (Rambo Amadeus, наст. имя Антоние Пушич), автор по преимуществу сатирических песен. Наименование жанра появилось как ироническое; его содержание раскрыто в позднейшей песне Амадеуса «Турбо-фолк» (2005). Национализм и агрессивные инстинкты выступают здесь в одном ряду с атрибутами общества потребления и поп-культуры:

Фолк – это народ.

Турбо – система впрыска топлива под давлением

В цилиндр двигателя внутреннего сгорания.

Турбо-фолк – это сжигание народа.

Любое ускорение этого сгорания – турбо-фолк,

Высвобождение первобытных инстинктов Homo sapiens.

.....
Адольф Гитлер – это турбо-фолк.

.....
Бандиты – это турбо-народ.

«Мальборо» – это турбо-фолк.

Силиконы – это турбо-фолк.

Кокаин – это турбо-фолк.

.....
Татуировки, пирсинг и боди-арт – это турбо-фолк.

.....
Макдоналдс – это турбо-фолк [Rambo Amadeus].

Рис. 6. Светлана Величкович (Цеца) в виде иконописного образа

Знаковым событием 1990-х годов стала свадьба Светланы Величкович и полевого командира Желько Ражнатовича, он же бандит по кличке Аркан¹. Свадьба была устроена с огромным размахом в белградском отеле «Интерконтиненталь» 19 февраля 1995 г. Жених красовался в мундире сербского солдата времен Первой мировой войны (рис. 7). Это действо транслировалось по телеканалу TV Pink, который контролировала супруга президента Милошевича и по которому беспрерывно крутили клипы с турбо-фолком. Воинственный национализм в гламурной упаковке нашел множество поклонников; видеозаписи «свадьбы века» еще и десять лет спустя продавались на улицах Белграда.

Рис. 7. Свадьба Светланы Величкович и Желько Ражнатовича

¹ С 1970-х годов Ражнатович разыскивался Интерполом по обвинению в убийствах и грабежах в нескольких странах Европы.

Возможно, как раз в связи с этой свадьбой появилось слово ‘турбосербы’, в частности, в либеральном еженедельнике «Vreme» (Белград). В Интернете оно зафиксировано не позднее апреля 1995 г. По-видимому, тогда же и в тех же кругах появляется понятие ‘турбопатриоты’.

В своем посте от 9 апреля 1995 г. участник сербского интернет-форума осуждал «культивируемый здесь культ смерти, служащий мерилom величия победы». Впрочем, продолжает он, «безумная кампания турбопатриотов, к счастью, не дала ожидаемых результатов» [FORUM. 13, 1995]. Позднее другой участник того же интернет-форума писал: «Я рад, что ты не из числа турбопатриотов. <...> Я не хочу быть членом сербского “племени” (стаи, стада...). Покуда здесь <...> такое представление о нации, я лучше буду эскимосом» [FORUM. 18, 1997].

С критикой ‘турбопатриотизма’ не раз выступал писатель Светислав Басара. Он обвинял премьер-министра Воислава Коштуницу в создании «касты преданных профессиональных патриотов». «...Наличие таких турбопатриотов, – предупреждал Басара, – неизбежно подразумевает наличие предателей и пораженцев», что лишь углубляет раскол нации (открытое письмо В. Коштунице от 12 декабря 2007 г.) [Basara, 2009, p. 105].

В сатирической сценке, опубликованной в социал-демократической газете «Данас» в 2008 г., участвуют два Воислава (т.е. Воислав Коштуница и Воислав Шешель, обвинявшийся Гаагским трибуналом в военных преступлениях):

«– Где ты, <...> старый друг? Давно не слышал.

– Я в Гааге, где собираются все честные турбопатриоты» [Vujišić, 2008].

В Сербии понятие ‘турбопатриоты’ не включалось в словари и (в отличие от турбо-фолка) не становилось предметом научных исследований. В западной научной литературе оно встречается главным образом в переводах с югославянских языков. Редким исключением было англоязычное издание 1999 г., где говорилось о «турбопатриотизме» мэра Лужкова (кавычки в оригинале). Это определение, заметим, относилось не к политическим взглядам Лужкова, а к его «культурной политике» [Media & Open..., 1999, p. 225].

О 'турбопатриотизме' писали также польские авторы, но почти исключительно в связи с книгой варшавского культуролога М. Напюрковского «Турбопатриотизм» (2019) [Napiórkowski, 2019]. Здесь говорилось о двух концепциях патриотизма: «Первая из них – открытая и устремленная в будущее; вторую символизируют сжатые кулаки участников Марша независимости» [цит. по: Michalska, 2019]; ее-то автор и называет 'турбопатриотизмом'.

Марш независимости организуется польскими националистами 11 ноября, в День независимости; нередко он сопровождается актами насилия. В 2015 г. марш проходил под лозунгом «Польша для поляков, поляки для Польши», в 2020 г. – под лозунгом «Наша цивилизация, наши начала». Национал-радикалы настроены антироссийски, антинемецки и призывают к выходу из ЕС. При этом некоторые из них успели повоевать на стороне Республики Сербской, а в 2014 г. – в ополчении ДНР и ЛНР.

В марте 2023 г. маргинальный политик Кшиштоф Толвиньский основал крайне правую партию «Фронт». Свою идеологию он определил как «турбопатриотизм» [Żabińska, 2023]. Толвиньский, как и все национал-радикалы, враждебен Западу, но главной мишенью его критики служит Украина [см. Tołwiński, 2023], а один из его лозунгов: «Россия нам не враг». О влиятельности этой версии 'турбопатриотизма' можно судить по результатам парламентских выборов 2023 г.: в своем избирательном округе Толвиньский набрал 0,06% голосов.

Гораздо более широкое распространение получил в Польше термин 'турбославяне' (*turbosłowianie*), появившийся в 2015 г. Так были названы сторонники теории, согласно которой в древности существовала могущественная славянская держава – Великая Лехия, а история дохристианской Польши целиком фальсифицирована [см. Jurszo, 2016]. У этой теории немало точек соприкосновения с «панславистскими», позднейшими версиями «Новой хронологии» Фоменко-Носовского. В последние годы 'турбославянство', подобно «Новой хронологии», становится частью псевдоисторической поп-культуры. Своих оппонентов адепты «Великой Лехии» именуют 'турбогерманцами', поскольку те держатся мнения, что западнославянские племена не были автохтонным населением Центральной Европы.

15 января 2000 г. газета «Время МН» опубликовала статью «Смерть турбопатриота». Речь шла о похоронах Ж. Ражнатовича, убитого в Белграде 15 января 2000 г.: «...Он, – говорилось в статье, – до последнего дня оставался, как говорят в бывшей Югославии, “турбопатриотом”» [Страхов, 2000]. Это первое упоминание о ‘турбопатриотах’, зафиксированное в поисковой системе Integrum – наиболее представительной базе русскоязычных СМИ. В российской публицистике это понятие оказалось востребованным лишь в 2014 г., причем его содержание до и после 2022 г. существенно различается.

Напомним, что в 1990-е годы слово ‘патриоты’ получило специфическое значение: ‘патриоты’ – это те, для кого главной ценностью является внешнеполитическое могущество страны. В июле 1991 г. к созданию «народно-патриотического движения» во имя «спасения Отчизны» призывали подписанты «Слова к народу». Во время августовского путча «Слово...» стало рассматриваться как идеологический манифест ГКЧП. Несколько упрощая, можно сказать, что в ельцинскую эпоху ‘патриоты’ противопоставлялись ‘демократам’, а с 2000-х годов – ‘либералам’.

К 2014 г. антизападная и антилиберальная идеология утвердилась в качестве мейнстримной. Отныне претензии ‘патриотических’ критиков власти касались уже не столько содержания правительственной политики, сколько ее методов, недостаточно, по их мнению, жестких, прежде всего во внешней политике, но также во внутренней (борьба с «пятой колонной»).

Именно тогда, в конце 2014 г., в политическом языке появился термин ‘турбопатриоты’. В России он не ассоциировался с турбо-фолком, но его ироническая окраска сохранялась и здесь. Ближайшей ассоциацией были технические термины с корнем ‘турбо’, такие как ‘турбокомпрессор’ – устройство, увеличивающее производительность двигателя. В таком случае ‘турбопатриот’ оказывается чем-то вроде «патриота усиленной мощности».

Первыми о ‘турбопатриотах’ стали писать провластные блогеры и политологи – Роман Носиков, Иван Данилов (сетевой ник Кримсон Альтер), Олег Макаренко (сетевой ник Фриц Морген), Дмитрий Евстафьев.

В декабре 2014 г. Носиков прокомментировал реакцию критиков правительства на заявление Путина о поддержке территориальной целостности Украины: «...Тихой, но разухабистой при-

сядкой пошли отечественные народные коллективы турбопатриотов, отстукивая ритм ложками» [Носиков, 2014 а]. Тогда же он осудил «предложение, постоянно поступающее от секты турбопатриотов, – немедленно опустить железный занавес, самоизолироваться, развести репрессии и мобилизацию». «...Результатом, – предупреждал Носиков, – будет не только создание деградирующей диктатуры псевдосоветского типа, растрепание интеллигенции и руководящего слоя и распад, но и проигрыш в глобальной войне». Целью России, по мнению Носикова, должно быть, напротив, увеличение степени интегрированности в мировую экономику и усиление военного и научного сотрудничества с Европой, чтобы противостоять главному противнику – США [Носиков, 2014 б].

Два года спустя Носиков высмеивал «влажные мечты наших турбопатриотов», совпадающие с мечтами «самых упоротых украинских наци», а именно: «возможность лишать плохих людей гражданства, введение государственной идеологии и закрытие уже наконец богопротивных “Эха Москвы” и “Ельцин-центра”» [Идейные..., 2017]. Во время пандемии ковида Носиков констатирует «подозрительное совпадение» интересов «западных русофобов и внутренних российских турбопатриотов в отношении антиковидных мер» [Носиков, 2017].

Иван Данилов еще в 2013 г. посвятил пост в ЖЖ «профессиональным всепропальщикам», уверяющим, что «в Кремле дебилы и предатели». ‘Всепропальщики’ призывают расстреливать коррупционеров, бороться с «пятой колонной», отказаться от доллара и американских долговых облигаций [Данилов, 2013]. С 2014 г. слово ‘всепропальщики’ обычно использовалось как синоним ‘турбопатриотов’.

В позднейших статьях Данилова ‘турбопатриоты’ именуются «клоунами с патриотической риторикой и татуировкой “Обама-чмо”». Они педалируют тезисы «Режим прогнил» и «Россия – все» [Данилов, 2016 а], хотели бы «двинуть танки на Киев» [Данилов, 2016 б], «увидеть военный конфликт с Евросоюзом» и ввести мессианскую государственную идеологию, внедряемую «Министерством Пропаганды» [Данилов, 2016 в].

Олег Макаренко осуждал негативное отношение ‘турбопатриотов’ к эмигрантам, поскольку «люди имеют полное право распорядиться своей жизнью, переехав туда, куда им хочется» [Макаренко, 2016].

По мнению одного из авторов политического сайта «Континенталистъ», «танковый бросок на Киев» чреват началом Третьей мировой войны. «В вариантах помягче – против России ввели бы такие санкции, что в голос бы взвыли даже те турбопатриоты, которые орали, что пофиг на любые санкции. <...> Даже при самом благоприятном исходе Россия потеряла бы очень много» [Star Fire, 2019]. Другой автор «Континенталиста», враг «турбопатриотов, либерастов и сочувствующих им», разъяснял, что нефтепровод «Сила Сибири» «западным поставкам не замена» [Зотов, 2019].

Словечко, пущенное в ход провластными блогерами, довольно скоро было обращено против них же. В 2020 г. на сайте «Континенталистъ» появился выпад против «запутинских турбопатриотов», которые именуют своих оппонентов «всепропальщиками» [Андреев, 2020]. «Роман Носиков, – пояснял один из блогеров “Живого журнала”, – относится к направлению, которое называют “турбо-патриот”... <...> ...Любил ходить по комментам и учить правильно родину любить» [marss2, 2021].

В широкой печати («Коммерсантъ», «Известия», «Огонек») понятие ‘турбопатриоты’ появилось в 2020–2021 гг., но лишь применительно к Украине [Евстафьев, 2020; Лавров, 2021].

В 2022 г. прежние аргументы критиков ‘турбопатриотизма’ утратили силу и первоначальное значение термина стало размыться. По оценке одного из политологов, нынешних ‘турбопатриотов’ характеризует условный характер поддержки власти. «Она “своя”, пока проводит жесткий антизападный, антиглобалистский, антилиберальный, державнический курс. <...> Условность поддержки отличает турбопатриотов от лоялистского электорального “ядра”, которое полностью и безусловно доверяет власти» [Макаркин, 2023].

Чаще всего ‘турбопатриотами’ называют тех, кто критикует методы ведения военных действий на Украине, прежде всего из круга т.н. военкоров. В мае 2023 г. блогер Telegram-канала «Два майора» заявил: «...Мы будем только гордиться, если нас запишут в “турбопатриоты”». Предмет его критики – ‘ура-патриоты’, у которых «все по плану с опережением графика вообще» и которые полагают, что «наверху не дураки сидят, без нас разберутся» [Турбопатриоты..., 2023].

В то же время понятия ‘турбопатриоты’ и ‘ура-патриоты’ нередко отождествляются, в т.ч. в Вики-словаре.

Неполитический ресурс CarElectronics предложил свою, заведомо провокативную трактовку нового понятия: «Термин “Турбопатриот” возник в начале 19 века в России, в период Наполеоновских войн, когда национальное самосознание и патриотизм стали особенно важными для русского общества». Тогдашние турбопатриоты «проявляли энергию и мощь развития не только в военных действиях, но и в сфере культуры, науки и промышленности. <...> Символами турбопатриотического движения стали такие образы, как медведь, балалайка и красный квадрат. Медведь символизирует силу и мощь, а балалайка – национальный русский инструмент, который напоминает о богатой музыкальной традиции. Красный квадрат символизирует советское наследие и победы в Великой Отечественной войне» [Турбопатриот, 2023]. Этот пассаж любопытен как пример освоения нового термина путем его приобщения к мифологии и символике популярной культуры.

С лета 2022 г. критиков Министерства обороны стали называть также «рассерженными патриотами», а в апреле 2023 г. Игорь Стрелков (Гиркин) объявил о создании Клуба рассерженных патриотов (КРП).

Стоит заметить, что само это выражение появилось в 2015 г. по аналогии с выражением «рассерженные горожане» (т.е. участники московских манифестаций 2011–2012 гг.). 21 февраля 2015 г. в Москве состоялся «патриотический марш “Антимайдан”», главной темой которого стало обличение «пятой колонны»; демонстранты несли лозунги «Сегодня Майдан, завтра война?», «Моему ребенку нужно светлое будущее, а не Майдан и война». Репортаж о марше появился под заглавием «Рассерженные патриоты» [Азар, 2015].

На эмблеме КРП изображен меч как символ войны и лавровый венок как символ победы. Сайт донецких блогеров «Зов Донбасса» поместил «стебный» вариант эмблемы. Здесь изображен медведь с дубиной, оскаливший зубы кот и мужик с топором, стилизованный под Е. Пригожина (рис. 8). Автор поста пояснял, что Стрелков использовал ник «Котыч» и аватарку с котом, а топор – «это, наверное, тонкий отсыл к кувалде» [Игорь Стрелков..., 2023].

Рис. 8. Шаржированная эмблема Клуба рассерженных патриотов

Политический популизм великодержавного толка изначально был тесно связан с популярной культурой. Об этом среди прочего свидетельствует происхождение терминов 'шовинизм' и 'джингоизм' (имперский ультра национализм в Британии). Первый термин отсылал к образу новобранца Шовена в песнях и водевилях; второй восходит к ура-патриотической песенке, исполнявшейся в лондонских мюзик-холлах. Слово 'шовинизм' ввели в обиход критики бо-напартизма из числа сенсимонистов и монархистов-легитимистов, а затем широко использовали либералы. 'Джингоизм' критиковали либералы и деятели английского рабочего движения.

Слово 'турбопатриоты' стоит в том же ряду: оно родилось в среде критиков сербского национализма и великодержавности, а его этимология восходит к наименованию жанра поп-музыки. В России дело обстояло иначе: здесь это понятие ввели в оборот блогеры и политологи, разделявшие, в сущности, те же ценности,

что и их оппоненты, но в несколько более умеренном варианте. Связь термина с популярной культурой на русской почве была утрачена так же, как это ранее произошло со словами 'шовинизм' и 'джингоизм'.

Список литературы

- Азар И.* Рассерженные патриоты: «Антимайдан» прошел маршем по Москве // Meduza.io. 21.02.2015. – URL: <https://meduza.io/feature/2015/02/21/rasserzhennyye-patrioty> (дата обращения: 20.10.2023).
- Андреев А.* Глава компании «Геоскан» – о дронах, блиндажной экономике и российских технологиях в голливудских блокбастерах // Континенталист. 24.02.2020. – URL: <https://cont.ws/@inje-negr/1593465> (дата обращения: 20.10.2023).
- Bujišić M.* Srbija ne može bez Voje // DanasOnline. 25.04.2008. – URL: <https://www.danas.rs/dijalog/licni-stavovi/srbija-ne-moze-bez-voje>
- 2016 а [Данилов И.] Заметки на полях о пресс-конференции Путина // Живой журнал crimsonalter, запись от 25.12.2016. – URL: <https://crimsonalter.livejournal.com/107033.html> (дата обращения: 10.10.2023).
- [Данилов И.] Посвящается всепропальщикам // Живой журнал crimsonalter, запись от 4.04. 2013. – URL: <https://crimsonalter.livejournal.com/5449.html> (дата обращения: 10.10.2023).
- 2016 б [Данилов И.] Путин прорубает окно в Китай // Военное обозрение. 23.03.2016. [Подпись: crimson alter]. – URL: <https://topwar.ru/92670-putin-prorubaet-okno-v-kitay.html?ysclid=lohk8lvvym915614646> (дата обращения: 10.10.2023).
- 2016 в [Данилов И.] Путин фиксирует многополярность мира // Военное обозрение. 29.10. 2015. – URL: <https://topwar.ru/85278-putin-fiksiruuet-mnogopolyarnost-mira.html> (дата обращения: 10.10.2023).
- Евстафьев Д.* Слабый нападает первым // Известия. – Москва, 2016. – 1 июля. – С. 6.
- [Зотов Г.] Лимитрофы и транзит (газовое) // Континенталист. 25.12.2019. [Подпись: inkass_98]. – URL: <https://cont.ws/@inkass98/1539832> (дата обращения: 09.10.2023).
- Игорь Стрелков: Обзор высказываний за неделю с 17 по 23 апреля 2023 года // Боевой листок ZOV. 26.04.2023. – URL: <https://boevojlistok.ru/39850-igor-strelkov-obzor-vyskazyvanij-za-nedelju-s-17-po-23-aprelja-2023-goda.html> (дата обращения: 09.10.2023).
- Лавров А.* Нашла коса на Киев // Известия. – Москва, 2021. – 8 дек. – С. 6.
- [Макаренко О.] Очередной шаг к Оруэллу и другие «хвосты» // Живой журнал Фриц Морген, запись от 10.05.2016. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/lenavolgina/post390516288> (дата обращения: 09.10.2023).
- Макаркин А.* Турбопатриоты становятся ограничителем для власти // Росбалт. 20.09.2023. – URL: <https://www.rosbalt.ru/posts/2023/09/20/1995206.html> (дата обращения: 09.10.2023).
- Носиков Р.* Идейные черепомерки: Роман Носиков о победе морали как варианте Конца Света // Континенталист. 10.01.2017. – URL: <https://cont.ws/@contemplator/485395> (дата обращения: 09.10.2023).

- Носиков Р.* Не будьте русской смертью: Роман Носиков о том, что открыла пандемия // *Континенталист*. 13.07.2021. – URL: <https://cont.ws/@fruct/2037631> (дата обращения: 09.10.2023).
- Носиков Р.* Нужно помочь соседям // *Взгляд*. 18.12.2014. – URL: <https://vz.ru/opinions/2014/12/18/720976.html> (дата обращения: 09.10.2023).
- [*Носиков Р.*] Они воюют не с нами. Они воюют со всем миром // *Живой журнал roman_n*, запись от 24.12.2014. (Колонка, опубликованная в еженедельнике «Однако»). – URL: <https://roman-n.livejournal.com/7247099.html> (дата обращения: 09.10.2023).
- Страхов А.* Смерть турбопатриота // *Время МН*. – Москва, 2000. – № 1, 18 янв. – С. 6.
- Турбопатриот: отправься в патриотическое приключение* // *CarElectronics*: главный ресурс по авто и автоэлектронике [2023?]. – URL: <https://carelectronics24.ru/turbopatriot-otpravsya-v-patrioticheskoe-prikluchenie> (дата обращения: 15.10.2023).
- Турбопатриоты как новый элемент внутривластной обстановки* // *ZOV*. 16.05.2023. – URL: <https://dnr-news.ru/society/2023/05/16/339030.html> (Перепост из Telegram-канала «Два майора») (дата обращения: 15.10.2023).
- Basara S.* Fundamentalizam debiliteta. – Beograd: Službeni Glasnik, 2009. – 194 s.
- FORUM. 13. 04.09.1995. – URL: <https://www.oldsezam.net/Conference/FORUM.13/ex.yu> (дата обращения: 10.10.2023).
- FORUM. 18. 11.08.1997. – URL: <https://www.oldsezam.net/Conference/FORUM.18/vesti> (дата обращения: 10.10.2023).
- Jurszo R.* Imperium Lechitów – pseudohistoryczny mit // *WP [Wiadomości Polskie]. Opinie*. 3.06.2016. – URL: <https://opinie.wp.pl/imperium-lechitow-pseudohistoryczny-mit-6126042020735105a> (дата обращения: 10.10.2023).
- marss2.* Про идеализм // *Живой журнал marss2*, запись от 12.05.2021. – URL: <https://marss2.livejournal.com/4629066.html> (дата обращения: 09.10.2023).
- Media & Open Societies: Cultural, Economic and Policy Foundations for Media Openness in East and West*. – Amsterdam: Netherlands Press Institute, 1999. – 267 p.
- Michalska A.* Nacjonalizm pod lupą // *Lubimy czytac*. [2019]. – URL: <https://lubimyczytac.pl/ksiazka/4890328/turbopatriotyzm> (дата обращения: 05.10.2023).
- Napiórkowski 2019 – Napiórkowski M.* Turbopatriotyzm. – Wołowiec: Czarne, 2019. – 320 s.
- Prodger M.* Serbs rally to ‘turbo-folk’ music // *BBC News*. 11.01.2005. – URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/4165831.stm> (дата обращения: 05.10.2023).
- Rambo Amadeus.* Turbo folk // *Tekstovi.net: galerija muzičkih tekstova*. [S.a.]. – URL: <https://tekstovi.net/2,995,17646.html> (дата обращения: 05.10.2023).
- Tołwiński K.* Wyborcze przesłanie formacji politycznej Front, [15.10.2023] // *Krzysztof Tołwiński. Formacja Front*. – URL: <https://krzysztofтолвински.pl/wyborcze-przeslanie-formacji-politycznej-front> (дата обращения: 05.11.2023).
- Star Fire.* Голос Мордора: Минский цугцванг для Украины // *Континенталист*. 9.10.2019. – URL: <https://cont.ws/@Starfire/1468634> (дата обращения: 10.10.2023).
- Vogel 2017 – Vogel S.* Musik im ehemaligen Jugoslawien: Vom Krieg zum Beat // *Taz*, 07.09. 2017. – URL: <https://taz.de/Musik-im-ehemaligen-Jugoslawien/!5441616> (дата обращения: 09.10.2023).
- Żabińska O.* Polskie partie skrajnie prawicowe podsycają nastroje antyukraińskie // *aktualnosci.news*. 14.07.2023. – URL: <https://aktualnosci.news/polskie-partie-skrajnie-prawicowe-podsycaja-nastroje-antyukrainskie-478546> (дата обращения: 05.10.2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XIX в. универсализм идеологии Просвещения был заметно потеснен национальными идеологиями. Появление специальных слов для обозначения национально-государственных фобий и маний было знаком того, что эти явления уже не воспринимаются как самоочевидные, а становятся предметом рефлексии.

Политические термины с морфемой ‘фобия’ толковались обычно как страх перед внешней угрозой. Это значение оставалось основным в подобного рода словах вплоть до конца XIX в. Обычно они встречались во внешнеполитическом контексте, существенно реже – применительно к обычаям, культуре, населению данной страны. Пару им составляли антонимы с морфемой ‘филия’: ‘англофилия’, ‘франкофилия’, ‘русофилия’, которые также употреблялись прежде всего для обозначения внешнеполитической ориентации.

‘Юдофобия’ и в еще большей степени ‘антисемитизм’ стояли особняком среди обозначений национальных фобий. ‘Антисемитизм’ понимался его сторонниками как идейная программа, затрагивающая все основные сферы общественной жизни, в отличие от инстинктивной, эмоциональной ненависти к евреям.

Понятие ‘русофобия’ в разное время, в разных странах, у разных авторов означало отнюдь не одно и то же. В Англии полемика о ‘русофобии’ затрагивала преимущественно вопросы внешней политики. Виднейшие представители антироссийского алармизма, равно как и критики ‘русофобии’, принадлежали к различным течениям британского либерализма. Спор между ними шел о реальности русской угрозы британским интересам. Наиболее последовательными критиками ‘русофобии’ были, за немногими исключениями, английские радикалы. Критика ‘русофобии’

вполне могла сочетаться с негативным образом Российской империи; в свою очередь антирусский алармизм не обязательно предполагал неприязнь к России и русским.

Самый широкий репертуар наименований национальных фобий, включая целый набор синонимов 'русофобии', существовал в немецком языке. В Германии споры о 'русофобии' получили гораздо более отчетливую идеологическую окраску, чем в Англии: здесь водораздел проходил между демократами и национал-либералами, с одной стороны, и консерваторами – с другой; и образ России у тех и других отличался очень заметно. В Англии дебаты о 'русофобии' (т.е. о русской угрозе) после 1841 г. и вплоть до Восточного кризиса 1850-х годов утратили прежнюю остроту; в Германии же тема 'русофобии/русоедства' сохраняла актуальность вплоть до Крымской войны. Затем эта тема в либеральной и консервативной печати отходит на второй план, а на первый выдвигается французская угроза. Резко враждебное отношение к России и одновременно к Пруссии как оплотам европейской реакции неизменно проявляла социал-демократия, за что ее обвиняли в 'русо-' и 'пруссофобии'.

'Русофобия' у русских авторов вплоть до первых десятилетий XX в. чаще всего означала антирусскую внешнеполитическую ориентацию либо негативное отношение к России как государству, в частности, в связи с польским, а затем и еврейским вопросом. В 1847 г. Ф.Ф. Вигель назвал 'русофобами' «внутренних» критиков русской действительности. Этот подход получил продолжение у Тютчева в 1867 г. Ближайшей мишенью был в данном случае И.С. Тургенев как знаковая фигура западнического либерализма. Нарисованный Тютчевым образ русского «весьма достойного» человека, ненавидящего родину «по инстинкту», при ближайшем рассмотрении оказывается фантомом, созданным в полемических целях. Резкое нарастание числа упоминаний о 'русофобии' в конце 1980-х годов было вызвано не внешними, а внутренними причинами, т.к. именно в этот период образ СССР и России в общественном мнении Запада заметно изменился к лучшему.

Сближение 'национализма' с ксенофобией и мегаломанией появилось уже в 1797 г. у Огюстена Баррюэля, который ввел в обиход этот термин. Обычно же «истинному» национализму в различных странах Европы противопоставлялся «узкий национализм», т.е. национализм шовинистической окраски.

Слово 'шовинизм' появилось во Франции 1832 г. в контексте критики ультрапатриотических настроений, теснейшим образом

связанных с наполеоновской легендой. Ностальгирующая окраска феномена, определявшегося словом ‘шовинизм’, была очень сильна по крайней мере до Крымской войны, а его связь с наполеоновской легендой сохранялась на протяжении всего XIX в. В печати других европейских стран ‘шовинизм’ понимался обычно как французская форма национальной мегаломании, гораздо реже – как сочетание мегаломании с ксенофобией.

Слово ‘джингоизм’ было пущено в ход английскими радикалами в 1878 г. ‘Джингоизм’, как и ‘шовинизм’, ассоциировался с воинственной мегаломанией, культом силы, антиинтеллектуализмом. Противники ‘шовинизма’ и ‘джингоизма’ порицали то и другое как вульгарный, плебейский патриотизм, а защитники того и другого видели тут грубое, но искреннее проявление патриотизма. ‘Шовинизм’ исходно был порождением ущемленного национального самолюбия, ‘джингоизм’ же подпитывался сознанием неуклонного роста имперской мощи Британии.

Оба термина восходят к популярной, отчасти даже низовой культуре, и то же относится к понятию ‘турбопатриоты’ – последнему в ряду обозначений воинственного национализма и великодержавности (ок. 1995 г.). Его этимология восходит к наименованию жанра поп-музыки. ‘Турбопатриотизм’ понимался как воинственный национализм в гламурной упаковке. В Сербии понятие ‘турбопатриоты’ появилось в среде критиков национализма и великодержавности. В России его ввели в оборот блогеры и политологи, разделявшие, в сущности, те же ценности, что и их оппоненты, но в несколько более умеренном варианте.

В XIX в. национальные фобии и национальная мегаломания нередко изображались как особого рода болезнь, причем не столько психическая, сколько соматическая. Не слишком многочисленные примеры трактовки национальных фобий и национальной мегаломании в психиатрических терминах датируются двумя последними десятилетиями XIX в. Это, по-видимому, в той или иной степени повлияло на восприятие терминов с морфемой «фобия» в позднейшем политическом языке. Здесь открывается широкое поле для сравнительных исследований.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ГЛАВ МОНОГРАФИИ

- Национальная мегаломания в политическом языке XIX в.: введение в проблематику // Вестник культурологии. – 2022. – № 2.
- Первые дебаты о ‘русофобии’ (Англия, 1836–1841) // Историческая экспертиза. – 2021. – № 4.
- Понятия ‘русофобия’ и ‘русомания’ в англоязычной печати (1842–1900) // Новое прошлое / The New Past. – 2022. – № 1.
- ‘Русофобия’ и родственные понятия в Германии XIX в. // Вестник культурологии. – 2022. – № 2.
- Понятие «русофобия» у русских авторов XIX–XX вв. // Философия: журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3.
- Никола Шовен, легендарный патрон шовинизма // Литературоведческий журнал. – 2022. – № 2.
- Шовинизм: происхождение и эволюция понятия в XIX в. // Историческая экспертиза. – 2022. – № 3.
- Понятие ‘джингоизм’ в англоязычной печати XIX в. // Историческая экспертиза. – 2023. – № 1.
- ‘Турбопатриоты’ и поп-культура (Сербия, Польша, Россия) // Историческая экспертиза. – 2024. – № 2.

Константин Душенко

**‘РУСОФОБИЯ’ В РЯДУ ПРОЧИХ ФОБИЙ И МАНИЙ:
ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА**

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Н.Н. Панова
Корректор С.Е. Шелимова

Подписано к печати 16 / XI – 2024 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 11,5 Уч.-изд. л. 10,7
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Г8 Издательские Технологии»,
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6